

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3

МАЙ-ИЮНЬ

" НАУКА "
МОСКВА – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

А.С. Выренкова (Москва), М.С. Полинская (Кембридж, Массачусетс), Е.В. Рахилина (Москва). Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык	3
А.П. Выдрин (Санкт-Петербург). Специализированный имперсонал в осетинском языке: к типологии имперсональности в иранских языках.....	20
И.М. Горбунова (Москва). Категория фазовой полярности в атайском языке	34
Л.И. Москалюк (Барнаул). Немецкие «языковые острова» в Алтайском крае	55
В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова (Великий Новгород). Типология наименований новгородских погостов (по данным писцовых книг конца XV–XVI в.)	67
И.Б. Серебряная (Казань). Критические суждения о языке русской литературы первой половины XIX в. как лингвистический источник	82
С.Т. Золян (Москва/Ереван). О модальном измерении языкового знака: семантическая теория Г. Фреге и ее возможное расширение	96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

М.Г. Тагабилева (Москва). <i>M. Hilpert. Constructional change in English: Developments in allomorphy, word formation, and syntax. Cambridge: Cambridge university press, 2013</i>	112
Е.А. Валова (Москва). <i>A. Spencer, A.R. Luis. Clitics. An introduction. Cambridge: Cambridge university press, 2012</i>	117
Л.С. Холкина (Москва). <i>A. Kopecka, Bh. Narasimhan (eds). Events of putting and taking. A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2012</i>	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер (Москва). Первая научная конференция памяти академика РАН Ю.С. Степанова	132
Р.К. Потапова, В.В. Потапов (Москва). XV Международная конференция SPECOM' 2013 «Speech and computer» («Речь и компьютер»)	138
А.В. Выдрин (Санкт-Петербург), Н.М. Стойнова (Москва). 46-й Ежегодный конгресс Европейского лингвистического общества	140
А.Б. Копелевич, М.В. Пименова, В.И. Фурашов (Владимир). X Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»	145
А. Дедич (Лозанна). Международная конференция «Язык и дискурс в прошлом и настоящем славистики» («Langue et discours dans le passé et dans le présent de la slavistique»). Лозанна, 2013	150
Е. Вельмезова (Лозанна). Международная конференция, посвященная имплицитным и эксплицитным стратегиям в политическом дискурсе стран Восточной Европы	151
Д.Ф. Мищенко (Санкт-Петербург/Париж). X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей	152

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.М. Алпатов, д.ф.н., чл.-корр. РАН; *Ю.Д. Апресян*, д.ф.н., академик РАН;
И.М. Богуславский, д.ф.н.; *А.В. Бондарко*, д.ф.н., чл.-корр. РАН; *Н.Б. Вахтин*, д.ф.н.;
В.А. Виноградов, д.ф.н., чл.-корр. РАН (**зам. главного редактора**);
М.Д. Воейкова, д.ф.н.; *Т.В. Гамкрелидзе*, д.ф.н., академик РАН; *В.З. Демьянков*, д.ф.н.;
В.А. Дыбо, д.ф.н., академик РАН; *А.Ф. Журавлев*, д.ф.н.;
Вяч.Вс. Иванов, д.ф.н., академик РАН; *Н.Н. Казанский*, д.ф.н., академик РАН;
М.М. Маковский, д.ф.н.; *А.М. Молдован*, д.ф.н., академик РАН;
Т.М. Николаева, д.ф.н., чл.-корр. РАН (**главный редактор**);
В.А. Плузган, д.ф.н., чл.-корр. РАН (**отв. секретарь**);
В.И. Подлесская, д.ф.н.; *Е.В. Рахилина*, д.ф.н.
 Зав. отделами: *А.С. Кулева*, *М.М. Маковский*, *З.Ю. Петрова*, *М.В. Шкапа*
 Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
 Редакция журнала «Вопросы языкознания»
 Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2014 г. А.С. ВЫРЕНКОВА, М.С. ПОЛИНСКАЯ, Е.В. РАХИЛИНА

**ГРАММАТИКА ОШИБОК И ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ:
«ЭРИТАЖНЫЙ» («УНАСЛЕДОВАННЫЙ») РУССКИЙ ЯЗЫК***

В статье обсуждается природа ошибок в текстах носителей особого варианта русского языка: детей эмигрантов, выросших в иноязычной среде и унаследовавших свой русский от родителей. В англоязычной традиции такой вариант родного языка называется «heritage language» (в нашем случае «heritage Russian»), т.е. «унаследованный (эритажный) язык». Материалом послужил корпус текстов детей американских эмигрантов Russian learner corpus. Показано, что ошибки таких говорящих отличаются и от ошибок обычных носителей, и от ошибок иностранных студентов, а их механизм представляет существенный интерес для теоретической лингвистики.

Ключевые слова: унаследованный русский, эритажный русский, корпус, речевые ошибки, композициональность

The article gives an overview of mistakes made by a peculiar type of speakers – children of emigrants from Russia who grew up in a foreign linguistic environment and inherited their Russian from their parents. English tradition refers to this variety of Russian as «heritage Russian». The study is based on the data from the Russian learner corpus, which includes texts produced by children of emigrants to the USA. The results show that the mistakes made by this type of speakers are different from those made by both common speakers of Russian and L2 students, and the process of their emergence is of significant linguistic interest.

Keywords: heritage Russian, corpus, mistakes, compositionality

ВВЕДЕНИЕ

Обсуждая проблему ошибок в языковой системе, мы хотели бы начать с сугубо теоретического вопроса, который, на первый взгляд, не имеет к ошибкам никакого отношения. Речь идет об известном споре между сторонниками и противниками идеи композициональности, выдвинутой в свое время Г. Фреге: порождаются ли естественно-языковые конструкции по общим правилам или запоминаются целиком и строятся по готовым образцам.

Если первое, значит, правы те, кто представляет себе сочинение текста как конвейерную сборку из независимых друг от друга мелких деталей, которые постепенно складываются в нечто целое. Если второе, то для порождения текста нужна другая метафора – например, метафора танца, которую в свое время предложил Борис Гаспаров [Гаспаров 1996]: танцевальные па настолько связаны, что движения разных частей тела представляют собой некое единство, своего рода гештальт. Невозможно даже представить себе, чтобы восприятие танца или обучение ему разрывало это единство и описывало его элементы как независимые.

Переводя сказанное с метафорического на более строгий терминологический язык, возвратимся к Г. Фреге, который рассматривал композициональность как главный принцип существования человеческого языка, и его сегодняшним сторонникам:

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 гг.

композициональность сложного выражения предполагает, что его значение сводится к значению частей и синтаксических отношений, их связывающих, см. [Фреге 1977; Partee 1995] и др. Соответственно, некомпозициональность добавляет к этому набору еще и значение самого целого, т.е. той конструкции, в которую эти части складываются и в которой функционируют синтаксические отношения.

В качестве простой иллюстрации к сказанному можно было бы разобрать расхожую просьбу: *Поставь чайник!* Ее композициональный анализ состоял бы в предложении привести чайник в вертикальное положение из горизонтального или перестать держать его в руках и поставить на опору – например, на стол. Именно такой будет буквальная интерпретация императива от каузативного глагола *поставить*, объектом которого оказалось имя *чайник*. Однако нужный нам смысл этого высказывания – т.е. тот, который мы, как правило, подразумеваем, когда его произносим, – радикально нарушает принцип композициональности и представляет собой сложную стяжку смыслов, а именно ‘набери воды в чайник, поставь его на огонь, чтобы вода дошла до кипения (чтобы потом пить чай)’.

В современной лингвистической теории сторонников неполной композициональности естественного языка или, в более радикальном варианте, его принципиальной некомпозициональности становится все больше. В последнее время к этой точке зрения склоняются не только теоретики (в первую очередь, авторы Теории грамматики конструкций, как Ч. Филлмор, А. Голдберг или Л. Микаэлис¹), но и экспериментаторы, как М. Томаселло или Е. Домбровска [Tomasello 2003; Dąbrowska 2004] и типологи, см. прежде всего [Croft 2001]. В пользу этого подхода говорят и известные прагматические постулаты П. Грайса [Grice 1975], согласно которым говорящий всегда стремится сократить свои усилия («переложив» основную коммуникативную работу на слушающего) и сжать всякое свое высказывание: он уверен в себе и в слушающем – эта уверенность дает ему возможность превратить свою речь в цепочку «нечлененных» конструкций.

Все сказанное, однако, касается **стандартных** говорящих и нормальных условий коммуникации. Именно в этих условиях растет число некомпозициональных высказываний, которые человек воспроизводит целиком, а не порождает. У говорящего, которого можно назвать **нестандартным** [Mustajoki et al. 2010: 5–16] – т.е. у не вполне полноценного носителя языка (например, двуязычного носителя, эмигранта, во взрослом состоянии оказавшегося в чужой стране, ребенка эмигрантов, выросшего в иноязычной среде) или не-носителя языка (т.е. человека, который этот язык только изучает), – по-видимому, задействованы другие механизмы. Такой говорящий, с одной стороны, не вполне уверен в своей собственной языковой компетенции, а с другой, не может в полной мере положиться и на общность своего языкового опыта с опытом слушающего. Риск быть непонятым для него слишком велик, так что он просто не может позволить себе быть сколько-нибудь идиоматичным. Именно у таких говорящих гораздо больше оснований для апелляции к принципу композициональности при построении текстов.

Эту идею мы хотели бы обсудить, обратившись к языковому материалу, собранному в рамках проекта «Учебный корпус русского языка» (Корпус с размеченными ошибками) в НИУ ВШЭ. Основная задача корпуса – дать новый, современным образом организованный материал для исследования разных типов нестандартных носителей, который позволил бы выделить и сравнить между собой их типичные ошибки, а также понять, какие стратегии они выбирают, чтобы преодолеть ощущаемое ими «расстояние» до слушающего. Планируется, что корпус будет включать в себя учебные тексты (прежде всего, письменные) нескольких типов:

- образцы академического письма студентов первых курсов (курсовые работы, эссе, рефераты, аннотации и пр.);
- записи текстов двуязычных носителей, представляющих региональный русский;

¹ См. например, [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995; Michaelis 2005] и др., а также подробный обзор этой теории [Кузнецова, Рахилина 2010].

- тексты студентов-иностранцев (изучающих русский как иностранный, или РКИ) разных уровней;
- тексты так называемых **эритажных** говорящих – второго поколения эмигрантов из России, выросших и живущих за ее пределами, для которых родной русский язык перестал быть основным и имеет особый статус «унаследованного» от родителей (heritage Russian)².

Настоящая работа опирается на данные Учебного корпуса русского языка³ (Russian learner corpus) в той его части, которая охватывает две последние категории нестандартных говорящих. Этот подкорпус создан как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National heritage language resource center (UCLA) и Language science lab Гарвардского университета (под руководством М.С. Полинской) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е.В. Рахилиной. Главный конструктор корпуса – Т.А. Архангельский. В состав корпуса входят тексты Учебного корпуса академической речи (Russian learner corpus of academic speech), разработанного О.В. Киселевой и А.А. Алсуфиевой, а также тексты, собранные И.Е. Дубининой и Е.С. Деньгубом.

Общий объем доступных в нем в настоящее время текстов такого рода составляет более 360 тыс. слов; все они снабжены метаразметкой, которая содержит сведения об их принадлежности к типу «эритажных» и об уровне владения автором русским языком в терминах универсальной классификации, принятой в США: IM (средний), AM (средний продвинутый), L (низкий) и др. Помимо метаразметки (данные для которой представлены американскими коллегами), тексты имеют автоматическую морфологическую разметку (с помощью программы MYSTEM), а ошибки разных типов размечены вручную. Уже в этом виде, несмотря на небольшой объем, они представляют достаточно интересный материал для исследования, однако Корпус продолжает постоянно пополняться.

1. ЭРИТАЖНЫЙ РУССКИЙ VS. РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ

Традиционно считается, что носители, в распоряжении которых есть две языковые системы, хорошо владея правилами основного для их повседневной жизни языка, часто совершают ошибки, обусловленные калькированием «знакомых» структур в язык, который они владеют ограниченно. Калькирование всегда привлекало внимание исследователей процесса освоения иностранного языка (или SLA: Second language acquisition); подробнее см. [Ellis 2003]. Главная цель проводимых в этом направлении исследований – сделать обучение более эффективным, но есть и другая: понять сам процесс усвоения иностранного языка. Еще с 60-х годов прошлого века многие исследователи пытались

² В русскоязычных работах речь наших соотечественников в иноязычном окружении уже была хорошо описана – см., например, известные труды [Гловинская 2001; Земская 2001], где такие говорящие названы «представителями русской диаспоры» и «русскоговорящими эмигрантами». В этих работах основное внимание уделяется эмигрантам первой волны, быстро теряющим знание родного языка. Нас же больше интересуют те люди, которые либо родились в семьях эмигрантов, либо эмигрировали в страну в раннем возрасте и самое главное – продолжают говорить по-русски. В английском языке давно принят и применяется не только к подобным русскоговорящим эмигрантам, но и к носителям других языков термин «heritage speaker / heritage language» [Polinsky, Kagan 2007], для русского языка устоявшегося термина нет: исследование этого феномена в России только начинается. «Первопроходцами» был предложен ряд терминов, каждый из которых имеет свои недостатки. Например, «наследники», «ЛУРЫ» (= «Люди с унаследованным русским») или просто «билингвы». В настоящей работе и предшествующих ей докладах на конференциях, в той или иной степени связанных с данной тематикой, мы используем более близкий оригиналу термин «эритажный (говорящий / язык)» как наиболее точно отражающий нужный нам смысл.

³ www.web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/

сделать это, сравнивая первый язык и изучаемый. Так родилось влиятельное в то время направление контрастивного анализа в SLA (подробнее см., например, [Granger 2003]). Оно основано на гипотезе о том, что обучающемуся труднее даются те языковые явления, которые в иностранном и родном ему языке устроены по-разному [Lado 1960]. Так, в рамках контрастивного анализа появилось одно из важнейших понятий SLA, объясняющих калькирование – **языковой перенос** или **языковая интерференция** (language transfer / language interference). В [Odlin 1989] языковой перенос определяется как результат влияния, возникающего на фоне сходств и различий между родным (или ранее усвоенным) и изучаемым языками. Языковой перенос активно исследуется в связи с разными языковыми явлениями: грамматическими [Gass 1979; Stockwell et al. 1965; Kellerman 1979], фонетическими [Chang, Mishler 2012], семантико-синтаксическими [Littlemore 2009; Ellis 2013], связанными с механизмом порождения речи [Selinker 1983; Skehan 1998]. Если перенос лексической единицы приводит к ошибке (а это происходит не всегда⁴), то перед нами калька. Вот некоторые примеры ошибок, допущенных студентами-иностранцами (РКИ), которые обусловлены языковой интерференцией⁵:

- (1) *В утра я люблю чай чордней [вместо: черный] с молокам* (ср. англ.: *in the morning* → *в утро* при правильном русском *утром*).
- (2) *Зато мне кажется, что каждое время, когда я включаю телевизор, я вижу ещё другую передачу о здоровье* (ср. англ.: *each time* → *каждый время* при правильном русском *каждый раз*).

Степень интерференции бывает разной: примеры (1) и (2) иллюстрируют случаи полного переноса английских конструкций в русскую речь, но есть и более «изысканные» примеры:

- (3) *Читаю и пишу в по-русский трудна.*
- (4) *Я учу по-русский язык.*
- (5) *Я люблю говорю с русскии и русския или люди кто говорите по-русский язык.*

Предложения (3)–(5) взяты из одного и того же эссе и написаны одним и тем же говорящим, который явно хорошо помнит звучание русской наречной формы для выражения значения ‘язык, на котором происходит процесс коммуникации’ (ср.: *говорить по-русски, писать по-русски* и т. п.). Однако он не владеет ни морфологическим правилом образования этой формы (путает наречие с прилагательным: *по-русский* вместо *по-русски*), ни лексико-синтаксическими правилами ее употребления в контексте. Поэтому в его тексте русское наречие начинает функционировать в соответствии с английскими правилами, ср.: предлог *в* (3), как в *to write in Russian* и отсутствие предлога в (4) и (5), как в *study / learn Russian; speak Russian*.

Логично было бы предположить, что носители «унаследованного», или эритажно-го, русского, на языке которых мы сосредоточимся в этой статье, тоже будут в основном калькировать английские конструкции, «путая» две языковые системы – доминантного языка и родного. Тем не менее предварительный анализ собранных в Корпусе примеров показал, что таких ошибок в речи эритажных говорящих примерно в четыре раза меньше, чем в речи изучающих русский язык как иностранный.

Такой результат сначала показался нам удивительным, но в принципе он объясним, ведь эритажные говорящие – это нестандартные среди нестандартных, потому что русский язык для них **одновременно** и родной, и иностранный⁶. Правда, ответ на вопрос,

⁴ Перенос структуры родного языка в изучаемый не провоцирует ошибку, если в данном фрагменте языковые системы устроены одинаково.

⁵ Здесь и далее примеры взяты из Учебного корпуса.

⁶ Типологическое осмысление особого статуса эритажного русского предлагается в работе [Polinsky, Kagan 2007], где предпринята попытка соотнести эритажный русский с креольскими языками.

в чем именно заключается это своеобразие с лингвистической точки зрения, пока не получен.

В последнее время появились исследования, посвященные особенностям эритажных носителей по сравнению с обычными студентами-иностранцами, но акцент в них, как правило, ставится на синтаксис, ср. [Polinsky 2008a; 2008b]. Между тем нас привлекает задача описания лексики и прежде всего конструкций, которые демонстрируют сложные лингвистические явления и их взаимодействия и о которых мы говорили в начале в связи с проблемой композициональности.

С педагогической точки зрения важно не только обнаружить ошибку, но и предъяснить способ ее устранения, чтобы можно было заменить неправильный фрагмент текста правильным – другими словами, важно описать конкретную причину нарушения правильности в данной точке языковой системы. Для лингвистов и этого недостаточно: самым существенным было бы выявить общие механизмы или стратегии, которые заставляют говорящего выбирать ту или другую форму – в нашем случае – конструкцию. В следующих разделах мы исследуем некоторые особенности эритажных стратегий при построении конструкций.

2. «НЕ-КАЛЬКИ»

Итак, данные Корпуса говорят о том, что носители эритажного русского гораздо чаще избегают прямого калькирования с английского, чем иностранные говорящие, изучающие русский язык. Их характерная стратегия – «изобретение» конструкций, отсутствующих и в русском, и в английском языках. Такие конструкции мы назвали **не-кальками**. Само название подразумевает, что в распоряжении говорящего есть две системы, одна из которых могла бы стать «донором» слова или конструкции при неуверенном выборе средства выражения того или иного значения. Однако при том, что потенциально возможность переноса языковых единиц из одного языка в другой существует, говорящим она не используется.

Не-кальки представляют большой интерес: они находятся вне языковой интерференции и свидетельствуют о том, что говорящий свободен от правил конкретной языковой системы. Такое непосредственное языковое поведение до сих пор в достаточной степени не исследовалось. Начиная с известной гипотезы Сепира – Уорфа, лингвистов в основном волновал вопрос о влиянии языковой системы на стратегии выражения тех или иных значений – пространственных ([Levinson 2003, Majid et al. 2004] и др.), временных (ср. обзор [Bender et al. 2010] и др.). Поведение нестандартных носителей – через не-кальки – может обнаружить принципы «чистой», лишенной языковой конвенции, в некотором смысле надъязыковой, семантики.

Для иллюстрации сказанного вспомним известную работу Д. Слобина о влиянии языка на концептуализацию движения [Slobin 2004]. Пытаясь показать, что концептуализация реальности в нашем сознании, по крайней мере, в момент речи, подвержена непосредственному влиянию языковых категорий, он рассматривает специфику кодирования глаголов движения людьми, говорящими на разных языках.

Как известно (см. [Talmy 1985; 1991] и др.), системы глаголов поступательного движения в языках мира различаются в зависимости от морфологических средств, которыми кодируется способ и направление движения. Есть языки так называемого сателлитного типа, где корневая морфема глагола называет способ передвижения, а направление выражено дополнительными лексическими единицами (ср., например: англ. *run into* или русск. *вбежать в*). В языках другого – глагольного – типа, напротив, вне глагола выражен способ передвижения, а сам глагол указывает на направление (ср., например: франц. *entrer en courant*, букв. *входить на бегу*). Задача, которую решали испытуемые в эксперименте Д. Слобина, состояла в описании серии картинок, изображающих движение разного рода. В результате этого эксперимента оказалось, что говорящие на языках сателлитного типа употребляют гораздо больше глаголов со значением способа передвижения (ср. русск. *бежать, ползти, прыгать* и т.п.),

чем говорящие на языках глагольного типа. Теперь рассмотрим следующий пример из нашего корпуса

(1) *И собака туда пошла за него.*

Предложение описывает ситуацию, когда собака ныряет за мальчиком в воду. И русский, и английский языки относятся к сателлитному типу, это значит, что оба языка должны «программировать» говорящего использовать глагол, в котором выражена семантика способа движения. Для русского в этом случае наилучшим вариантом был бы предикат *нырять* (его английским коррелят – глагол *to plunge*), однако это довольно малочастотный, а значит, довольно «сложный» глагол – эритажник может его просто не знать или не помнить. Если это так, то ему естественнее было бы выбрать «простые» *плыть* или *прыгать*. Другая возможность – употребить глагол *последовать*, который выражает не способ движения, а локализацию субъекта относительно объекта. В этом случае мы получили бы ошибку-кальку, потому что русская фраза *Собака последовала за ним* представляет другой стилистический регистр⁷ и неприемлема по отношению к собаке, а вот английский язык без особых оговорок допускает в данном случае глагол *to follow* (аналог *последовать*)⁸.

Заметим, что ни одним из ожидаемых путей говорящий не идет – он выбирает особый путь, избегая как глагольной, так и сателлитной стратегии. Направление движения в (6) выражено предлогом, и ожидалось бы, что способ движения будет кодироваться глагольной лексемой, но этого не происходит. По-видимому, для передачи нужного смысла говорящий пользуется здесь сложением простейших в семантическом отношении блоков: глагол *идти* в русском языке вполне может считаться прототипическим глаголом движения – комбинацию этого глагола и предлога *в* и использует эритажний говорящий, чтобы нагляднее описать базовую пространственную ситуацию.

Прозрачное, не регламентированное частными контекстными правилами языковое поведение невозможно проследить в речи стандартного носителя. В полной мере овладевший нормой языка, он уверенно пользуется некомпозиционными конструкциями и умест быстро формировать ментальные образы таким образом, чтобы они легче подавались вербализации. Мы полагаем, что композициональность в языковых конструкциях проявляется в речи нестандартных носителей, и демонстрируем это на примерах не-калек, которые являются чрезвычайно интересным для этого материалом.

3. ТИПЫ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ НЕ-КАЛЕК

Еще раз напомним, что нас будут интересовать в основном лексико-синтаксические или конструкционные ошибки. Все примеры не-калек, рассмотренные ниже, были найдены в текстах, написанных носителями «унаследованного» русского. Обобщив собранный материал, мы выделили четыре разных типа, отражающих разные тактики, которыми пользуются такие говорящие:

⁷ Ср. примеры из НКРЯ на глагол *последовать* со значением 'идти следом за' с одушевленным субъектом и одушевленным ориентиром движения. Таких примеров оказалось всего несколько десятков, большинство из текстов XIX в. или текстов, имитирующих старую норму: *...все заметили, как гордо и самодовольно князь Суворов последовал за Государем, но как совсем иным он вышел из этой комнаты* [В. Мещерский. Мои воспоминания (1897)]; *Фрол Дура, пятидесятник конных стрельцов, последовал за раненым Прозоровским в церковь и стал в дверях с обнаженным ножом, решившись не иначе пустить казаков в храм, как через свое мертвое тело* [Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862–1875)]; *Ярополк последовал за отцом и вместе с ним некоторые бояре, желая оказать старому князю честь* [А. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1960)].

⁸ Понятно, что ввиду этой особенности русск. *последовать* оказывается значительно менее частотным, чем англ. *follow*.

- **Толкования:**
говорящий, пытаясь передать необходимый ему смысл, раскладывает значение некоторой единицы на элементарные, то есть дает ее объяснение или толкование.
- **Использование обобщающей модели для построения конструкции:**
говорящий выводит значение единицы из ряда известных ему однотипных конструкций и комбинирует ее с другими, упрощая сочетаемостные и грамматические правила.
- **Нарушение (упрощение) некомпозиционных грамматических правил:**
говорящий игнорирует грамматические нюансы употребления конструкции.
- **Нарушение (упрощение) коммуникативной и интерпретационной структуры высказывания:**
говорящий упрощает правила организации семантической информации в высказывании.

Рассмотрим подробнее каждый из этих типов⁹.

3.1. Толкования-объяснения

Мы начнем с самых простых, на наш взгляд, примеров – случаев, когда эритажский говорящий по тем или иным причинам не может воспроизвести нужную лексему и заменяет ее на простые толкования, устраняя идиоматичность, и покажем на примерах, как эта стратегия может быть реализована.

(7) *...он катается на лыжах с лодкой, его лодка везет на лыжах по воде.*

В тексте, из которого взят пример (7), описывается эпизод из мультфильма «Ну, погоди!», где заяц едет на водных лыжах¹⁰. Очевидно, что говорящий не знает, что в русском языке есть выражение *водные лыжи* и *кататься/ехать на водных лыжах*, поэтому он пытается передать необходимую идею, разложив ситуацию на более простые элементы. Интересно, что эритажский носитель не прибегает к калькированию соответствующей английской фразы *to water ski*, а выбирает совсем простой способ: эксплицитное выражение всех участников ситуации. Такое буквальное описание представляет собой детальное толкование идиоматичного русского *кататься на водных лыжах* и в этом смысле является более композиционным.

Теперь рассмотрим более сложный пример (8) – описание нужного значения через разложение на семантически простые элементы:

(8) *Может быть клас [=‘курс’] в котором мы можем учить ешё после этого класа.*

⁹ Надо сказать, что специалисты по обучению второму языку неоднократно описывали стратегии разрешения речевых трудностей студентами, изучающими иностранный язык. В качестве примера сошлемся на приемы, перечисленные в статье [Dörnyei, Komros 1998]: паузы hesitation, переспросы, использование обобщенных классификаторов (как *thing, stuff* или *do*), опущение недоступных на изучаемом языке фрагментов предложения (*then... er... the sun is is...*), подстановка слов из родного языка, буквальный перевод (прямое калькирование), изменение плана, уточняющие вопросы разных типов, перифразирование с некоторым изменением структуры и т.п.

Как можно видеть, иногда такие говорящие прямо обращаются к слушающему, т.е. задействуют интерактивную составляющую диалога (переспросы), а иногда речь идет об использовании языковых ресурсов самого говорящего (калькирование или перифразирование).

В настоящей статье мы рассматриваем исключительно стратегии второго класса, причем только в отношении поведения эритажских говорящих, и видим в них существенные особенности, имеющие, как мы считаем, общую природу.

¹⁰ Тексты с описанием сцен из мультфильма были получены в результате эксперимента по сбору структурированных нарративов на нескольких эритажских языках (русские тексты были собраны И.Е. Дубининой, Т. Ивановой-Салливан и М.С. Полинской). Часть текстов представлена на сайте: <http://thedata.harvard.edu/dvn/dv/polinsky>.

В небольшом тексте, из которого взят этот пример, речь идет о том, что у студента заканчивается курс русского языка, который он (или она) хочет продолжать в следующем году.

Недоступным говорящему оказался глагол *продолжать* (*учить*), и он, как может, пытается его объяснить. Получается вполне прозрачная в семантическом отношении конструкция: простая сумма значений 'учить', 'еще' и 'после' дает необходимое значение 'продолжать учить'. Эта конструкция не является калькой: ее прямой аналог *'we can study (learn) more after this class* в английском языке звучит неестественно¹¹. Это дает нам возможность говорить именно о не-кальке.

В примере (9) объяснительная стратегия несколько отличается от двух предыдущих:

(9) *У меня большой акцент.*

Если в предложении (8) говорящий раскладывал значение лексической единицы на более простые составляющие, то здесь он выбирает прилагательное с базовым параметрическим значением, которое, хотя и может нарушать действующую в языке сочетаемость (и нарушает ее), обязательно будет понятно любому слушающему. Действительно, согласно сочетаемостным правилам и русского, и английского языков, существительное *акцент* в значении 'особенности произношения, свойственные говорящим не на родном языке и отражающие отступление от языковой нормы' связано с идеей силы, а не размера. По данным Национального корпуса русского языка и Корпуса современного американского языка (СОСА), сочетания *сильный акцент* и *strong accent* оказываются примерно в семь раз частотнее, чем сочетания со словами *большой* и *big*. Но именно *big* и *большой* соотносят параметрические имена самых разных типов с максимумом на шкале. Таким образом, не владея в полной мере сочетаемостью абстрактного русского существительного *акцент*, не желая калькировать английскую сочетаемость и одновременно стремясь быть понятнее, говорящий выбирает более доступную и универсальную лексему, добиваясь более композиционного способа выражения необходимого значения.

3.2. Использование обобщенной модели для построения новых конструкций

Поскольку говорящий часто слышит однотипные конструкции и формирует собственное представление о значении их составляющих и возможных отношениях этих составляющих с другими языковыми единицами, новые конструкции он «собирает» из этих элементов, основываясь на усвоенной таким образом семантике и синтагматике, а это нередко приводит к ошибкам, как в (10)–(15).

(10) *Чем раньше люди начинают читать и вапце думать, тем раньше они начинают понимать о всем*¹².

Ошибка в (10) говорит о том, что эритажний говорящий хорошо знаком с предлогом *о* как с показателем темы по таким конструкциям, как *знать (о)*, *думать (о)*, *размышлять (о)*, *вспоминать (о)*, *говорить (о)*, *рассказывать (о)*, *писать (о)* и т. п. Как видим, в этом списке объединены ментальные глаголы (*думать*, *знать*, *размышлять*, *вспоминать*) и глаголы речи (*перечислить*). Общность их поведения позволяет говорящему связать

¹¹ В английском можно либо употребить похожую конструкцию с обязательным выражением объекта (*study (learn) more Russian*), либо, как и в русском, глагол со значением 'продолжать' (*to continue* или его эквиваленты).

¹² Интересно, что, выбирая форму предлога, говорящий тоже следует нашей стратегии: он игнорирует правила, по которым в этой конструкции необходима форма *обо*, и оставляет стандартную форму *о*, делая конструкцию в целом морфологически проще.

предлог *о* с ролью темы для ментальных и речевых глаголов и на этой базе создать новую композиционную конструкцию, комбинируя ментальный глагол *понимать* и эксплицитный показатель темы – предлог *о*. Между тем по правилам русского языка *понимать* в эту группу не попадает и ведет себя иначе, чем, например, *знать*: роль темы выражается при нем либо прямым дополнением, либо придаточным, а предлог *о* употребляется только при расщеплении валентности темы, ср.: *понимать X о Y* (например, *понимать все о себе*). Заметим, кстати, что теми же свойствами обладает и английская конструкция с глаголом *understand*, с которой, в принципе, эритажный носитель мог бы скопировать управление русского *понимать*, ср. (11) и (12):

- (11) *He understood everything about her.*
(12) **He understood about everything.*

Аналогичная и очень характерная для предложных конструкций ошибка допущена эритажным говорящим в (13):

- (12) *Я вас поздравляю за это.*

Основываясь на группе частотных семантически близких конструкций типа *хвалить за P*, *ругать за P*, *наказывать за P* и т. п., он приписывает этому предлогу значение стимула эмоциональной (одобрительной или неодобрительной) реакции субъекта¹³ и затем комбинирует его с глаголом *поздравлять*, который тоже обозначает одобрительную эмоциональную реакцию и тоже имеет валентность стимула, но вводит эту валентность другим предлогом – *с*¹⁴.

Надо сказать, что предложными конструкциями весь репертуар возможностей реализации этой стратегии не исчерпывается. Подобные ошибки часты, например, в словообразовании:

- (14) *Он что-то словил со своей собакой.*

Грамматически правильная форма СВ от глагола *ловить* образуется супплетивно: *ловить* → *поймать*. Для не-носителя форма *поймать*, безусловно, гораздо менее композициональна, чем формы СВ, образованные с помощью приставки *с-*, как *делать – сделать*, *варить – сварить*, *есть – съесть* и т. п.). Эритажный говорящий, зная стандартную модель, присоединяет суффикс *с-* к основе глагола *ловить* и получает семантически прозрачную форму СВ *словить*. Кстати, в случаях супплетивизма композициональная стратегия предпочитается не только эритажниками – ею широко пользуются и носители языка: формы *человеки*, *ложить* или то же *словил* встречаются в детской речи и просторечии (ср.: *словить кайф*).

Пример (15), который мы бы хотели рассмотреть в связи со стратегией общей модели, тоже касается словообразования, но устроен он более сложно.

- (15) *Он встретил в трос и трос порвался.*

В английском языке глагол *to shoot* (аналог русского *стрелять*) вводит пациенс либо как прямой объект (*to shoot a man*), либо как косвенный с помощью предлога *at* (*to shoot*

¹³ Подробный анализ глаголов эмоциональной реакции с такой моделью управления см. в [Ovsjannikova 2013].

¹⁴ Примерное семантическое описание этого класса можно было бы представить следующим образом: – ‘Субъект намеренно (обычно речевым образом) воздействует на контрагента (адресата) после завершения некоторой ситуации P, которую контролировал адресат-контрагент и которая вызвала реакцию субъекта’. Можно было бы ожидать, что та же стратегия будет реализована нашим говорящим и в отношении, например, глагола *укорять* (*укорять в чем-л* → *укорять за что-л*).

at the enemy) и не имеет приставки – таким образом перед нами снова не-калька¹⁵. Ситуация, которую пытается передать словами эритажный говорящий в (15), концептуализируется носителями русского языка достаточно сложно. Правильная конструкция *выстрелить в* предполагает, что субъект действия сначала **выстреливает** (преимущественно из ствола какого-то огнестрельного оружия: ружья, винтовки, пистолета или пушки), а уже потом попадает (или не попадает) **в** цель. В поверхностной структуре упоминания об оружии вполне может и не быть, однако глагольная приставка делает его присутствие в семантическом представлении обязательным, а значение конструкции *выстрелить в* – некомпозициональным. Вместе с тем в русском языке есть целое семейство конструкций, в которых значение приставки *в-* хорошо коррелирует со значением глагола, это проявляется в глагольном управлении, когда предлог фактически дублируется приставкой, ср. глаголы каузации движения с целью достичь конечной точки / пространственной цели, такие как *вложить в, вставить в, ввинтить в, вбросить в* и др. Опираясь на такие случаи, говорящий создает полностью композициональную конструкцию *встрелить в*.

3.3. Упрощение грамматики

В этом разделе мы переходим к более «тонким» ошибкам, которые допускают эритажные говорящие, усвоившие некоторую русскую конструкцию, но не в полной мере владеющие ее сочетаемостными ограничениями. Можно предположить, что ошибки первых двух типов более характерны для говорящих, имеющих достаточно низкую языковую компетенцию, а ошибки, которые мы рассмотрим сейчас, возникают в речи тех, кто достаточно хорошо знает русский язык, но просто не всегда чувствует грамматические нюансы употребления. Игнорируя эти нюансы, говорящий реализует ту же стратегию, которую мы обсуждали до сих пор: он тяготеет к более простой и прозрачной форме выражения своего речевого замысла.

Давайте рассмотрим пример (16):

(16) *Когда думают, могут заниматься любым профессием.*

В этом предложении есть ошибка в роде: *любым профессием* → *любой профессией*, но даже если ее исправить, предложение останется ущербным. Действительно, употребленный в этом предложении глагол НСВ *думать* может иметь либо итеративную, либо актуально-длительную интерпретацию. Обе эти интерпретации воспринимаются в контексте модального глагола *мочь* аномально:

- *‘каждый раз, когда думают, могут заниматься любой профессией’ или
- *‘в процессе размышления могут заниматься любой профессией’.

В равной степени аномально звучит и аналогичная английская фраза (16а).

(16а) *#When they think they can do any job.*

Эритажный говорящий, конечно, хотел выразить совсем иную идею – он имел в виду *п о т е н ц и а л ь н о е* свойство, постоянную способность людей мыслить. В таком случае правильным был бы выбор действительного причастия *думающий* (ср.: *думающие люди*

¹⁵ Конструкцию *встрелил в* нельзя считать калькой с англ. *shoot at*, во-первых, из-за наличия в русской фразе приставки, которая, по-видимому, добавляется композиционально, а во-вторых, из-за того, что английский предлог *at* после глагола имеет множество переводных аналогов, ср.: *look at* ‘смотреть на’, *work at* ‘работать над’, *excel at* ‘преуспевать в’ и т. д. По-разному переводится *at* и в именных сочетаниях, например, *at the corner* ‘на углу’, *at the table* ‘за столом’, *at school* ‘в школе’. Из всего многообразия вариантов эритажный говорящий все же останавливается именно на предлоге *в*.

могут заниматься любой профессией), который как раз добавляет идею потенциальности. Однако структурно такой способ выражения менее прозрачен, поэтому он не так доступен. Теоретически можно было бы представить себе композиционную конструкцию, в которой пара *когда + думать* имела бы чисто временную интерпретацию без дополнительной модально-аспектуальной нагрузки, а модальность и аспект эксплицитно добавлялись бы за счет основной клаузы. В таком построении отсутствует важнейший компонент естественно-языковой семантики (который, кстати, и дает в результате эффект некомпозициональности) – согласование смыслов, но именно этот прозрачный в семантическом отношении вариант оказывается ближе эритажному говорящему.

Еще один случай нетривиальной ошибки за счет нарушения тонких грамматических правил представляет пример (17), который был взят из сочинения, посвященного стихотворению К. Симонова «Жди меня»:

(17) *Он пишет ей, чтобы она не перестала любить его.*

Заметим прежде всего, что это предложение может интерпретироваться как правильное. Тогда оно имеет следующий смысл: 'он регулярно посылает ей (своей любимой) письма для того, чтобы хоть как-то проконтролировать ее неосознанное состояние и сделать так, чтобы она не перестала (неконтролируемо!) его любить'. Но поскольку автор хотел пересказать известное стихотворение К. Симонова, ясно, что, несмотря на внешнюю грамматическую правильность, он допустил ошибку – смысл исходного текста совершенно другой: 'он просит ее в письме, чтобы она (осознанно) продолжала любить его'.

Исправить (17) и сделать его более приемлемым с точки зрения того смысла, который в нем должен был быть заложен, просто: достаточно изменить совершенный вид употребленного в придаточном предложении глагола *перестала* на несовершенный:

(17а) *Он пишет ей, чтобы она не переставала любить его.*

Теперь обсудим, почему такие изменения необходимы.

Называя цель, эритажный говорящий употребляет косвенный императив. Чтобы понять, какие нарушения приводят к ошибке, вспомним о семантике вида в более стандартных императивных конструкциях.

Стандартное значение императива, которое можно описать как 'А побуждается к совершению полностью контролируемого Р', чаще выражается с помощью формы, образованной от основы глагола СВ (см., например, [Падучева 1996; Шатуновский 2002] и др.). От глагольных основ НСВ тоже образуются формы императива – их употребление связывают с определенными коммуникативными ситуациями и спецификой речевого акта, однако у таких форм есть и характерные собственно-семантические особенности, например, акцент на начальной фазе действия, как в (18):

(18) *Говорите! Я вас слушаю* [букв. 'Начинайте говорить!']¹⁶.

Подробно обсуждать все особенности НСВ в императиве мы не будем: мы обратили внимание на то, что его употребление требует освоения некоторых дополнительных правил, и в этом отношении он оказывается более сложным и менее прозрачным, чем СВ.

Для нашего примера важно, что вид в императивных конструкциях чувствителен к признаку контролируемости / неконтролируемости. Известно, например, что в отрицательных высказываниях НСВ привносит пресуппозицию контролируемости [Булыгина 1982]. Другими словами, конструкция «отрицание + НСВ» выражает прохибитив контролируемого действия, ср. (19), в то время как «отрицание + СВ» имеет семантику

¹⁶ Пример из [Падучева 1996: 68].

предостережения, как, например, в примере (19а), который цитируется по [Кобозева 2007].

(19) Умоляю, **не приноси** больше в дом эту гадость или по крайней мере поедай ее в мое отсутствие [Б. Кенжеев. Из Книги счастья // «Новый Мир» 2008].

(19а) Только курицу **случайно не принеси** - сразу догадается, что не из лесу [блог maybe.ru].

Интересное дополнение к этому правилу предлагает И.Б. Шатуновский [Шатуновский 2002], который к общеизвестному списку семантически релевантных признаков вида, таких как актуальная длительность, контролируемость и др., добавляет возможность адресата побуждения выбрать, совершать ему действие или нет. Таким образом, в работе И.Б. Шатуновского эксплицируется более тонкая граница между выбором адресата и непосредственным осуществлением действия. Например, команды типа *Стреляй!*, подразумевающие, что адресат уже готов выполнить действие и теперь ждет только дополнительного импульса, образуются только от основ НСВ, а вот побуждение к самому выбору в общем случае будет выражено СВ: *Поговори с ней*.

Вернемся к примеру (17). Замечательно, что он показывает, как правила употребления глагольного вида в стандартном императиве работают и в случае с императивом косвенным. Действительно, необходимость употребления НСВ обусловлена теми же факторами: форму императива с отрицанием (*не переставала любить*) принимает предикат, обозначающий контролируемое действие. Корректнее здесь, правда, было бы говорить не о значении контролируемости действия адресатом в его обычном понимании, а о «выборе» в терминах И.Б. Шатуновского. В самом деле, автор стихотворения рассчитывает на сознательный выбор своей любимой, и именно о нем пишет эритажный носитель в своем сочинении.

Случайно получилось, что оба примера, которые мы только что рассмотрели, касаются аспектуальных особенностей русского языка. Понятно, что в этот класс попадут и ошибки другого рода, но понятно и то, что русский вид устроен особенно сложно и, вполне возможно, поставляет самый богатый материал для нарушений разного рода. Об особенностях вида в речи русскоговорящих эритажников см. также [Laleko 2010]. Там, в частности, отмечается, что в так называемых «дефолтных» случаях, когда семантика аспекта композициональна и отражает предельность /непредельность ситуации или действия, ошибок, связанных с видом русского глагола, немного; основные сложности возникают у эритажных говорящих, когда выбор правильной аспектуальной формы основан на некомпозициональных правилах и затрагивает информационную структуру высказывания.

3.4. Нарушение (упрощение) коммуникативной и интерпретационной структуры высказывания

В этом разделе мы рассмотрим примеры, которые демонстрируют нарушения принципов организации высказывания.

Пример (20) представляет ошибку в сфере действия наречия:

(20) *Они грустно играют в карты.*

Слово *грустно* относится к наречиям состояния и обладает достаточно широкой сочетаемостью (ср. примеры (21) и (22) из НКРЯ), тем не менее есть контексты, в которых его употребить невозможно (23):

(21) *Ключик в роли кавалера де Грие грустно поник головой* [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)].

(22) *Ее спутник – и не скажешь, что Леша, скорей уж Ахмед или Рахмет – грустно рисует что-то в казенном бланке* [«Русский репортер» (2010)].

(23) **Он грустно топал ногами.*

Дело в том, что конструкция *грустно* + V является семантически приемлемой, когда глагол выражает либо относительно стандартное физическое проявление состояния грусти (например, *вздохнуть*, *потупиться*, *сгорбиться* и др., а также *поникнуть головой* в (21), либо действия, которые с этим состоянием совместимы, ср. (22). Во втором случае естественная интерпретация конструкции по сути дела близка к первой – ‘он рисовал и было видно, что ему грустно’. Но она возможна далеко не всегда, ср. предложение (23), в котором наречие *грустно* неприемлемо прежде всего ввиду избыточной активности субъекта, редко сопутствующей состоянию грусти. По сходной причине неестественно и предложение (20): как правило, карточная игра связана с энергичной деятельностью как внешним проявлением азарта.

Этой особенности не учитывает зрительный говорящий: он хочет в одном предложении выразить две простые и разные мысли: ‘им было грустно’ и ‘они играли в карты’. Интересно, что при этом он избегает конструкции с сочинительным союзом, видимо потому, что и в русской фразе *им было грустно, и они играли в карты*, и в соответствующей ей английской *they were playing cards in sadness* сочинительный союз добавляет значение следования (‘играли потому, что было грустно’ → ‘чтобы развеять грусть’), и уровень владения языком позволяет зрительному говорящему это почувствовать. Обратим внимание, что свойство союза *и* делает предложение менее композиционным по сравнению с конструкцией *грустно* + V, которая в обычном случае действительно описывает простое соположение внутреннего состояния субъекта и совершаемого им действия.

Следующий пример затрагивает коммуникативную структуру предложения:

(24) *Может быть, Улицкая иронически назвала свой рассказ.*

Ошибка в (24) вызвана тем, что нарушена его естественная тема-рематическая структура. Известно, что некоторые лексические единицы настолько чувствительны к актуальному членению предложения ([Апресян 1995; Яковлева 1994: 35] и др.), что не способны занимать в нем коммуникативно выделенную позицию (свойственную теме или реме). Для иллюстрации обратимся к двум предложениям из [Богуславский 1998]:

(25) *Единственно, кто ждал Свана с мучительной тревогой, это я.*

(25a) **Я – единственно, кто ждал Свана с мучительной тревогой.*

В предложении (25) наречие *единственно* (в сочетании с местоимением *я*) обладает сильным рематическим потенциалом и является ремой, несмотря на то, что не несет главного фразового ударения. Однако при этом оно не может занимать обычную для ремы финальную позицию в предложении.

В примере (24) наречие *иронически* также играет роль ремы, а сфера его действия охватывает глагол, но это ошибка: предложение в таком виде неприемлемо. Очевидно, что говорящий хотел передать смысл ‘Улицкая дала рассказу ироническое название’, но вместо этого (24) интерпретируется как ‘Тот факт, что Улицкая назвала свой рассказ, сопровождался иронией’. Устранить ошибку можно, если вывести наречие *иронически* из позиции ремы, которая ему не свойственна, и дополнить предложение «настоящей» ремой. Тогда получится правильное предложение (24a) со значением ‘Улицкая назвала свой рассказ «Счастливые», и в этом была ирония’:

(24a) *Может быть, Улицкая иронически назвала свой рассказ «Счастливые».*

Если реконструировать стратегию зрительного говорящего, получится, что он хотел использовать максимально простую и общую конструкцию *глагол* + *наречие*, но не учел правил, касающихся тема-рематической структуры высказывания и влияющих на его интерпретацию.

Предложение (26) тоже взято из сочинения по рассказу Л. Улицкой «Счастливые»:

(26) *Когда Вовочка родился, они этого совсем не ожидали.*

Речь идет о достаточно пожилой семейной паре, у них появляется ребенок, которого они уже и не надеялись иметь. В русском языке эту мысль нельзя выразить напрямую временной конструкцией с *ожидать*, потому что в контексте этого глагола возникают особые семантические ограничения, которые дают эффект некомпозициональности.

Обычно в сложноподчиненном предложении с придаточным времени объединены две ситуации, причем та, которая выражена придаточным времени, выносится на первый план (в терминологии Р. Лангакера, **профилируется**), а та, которая выражена главным предложением, интерпретируется как фоновая. Можно сказать, что такая «комплектация» сложных предложений с придаточным времени является дефолтной, в особенности если фоном оказывается состояние, ср. (27):

(27) *Леонс был в Петербурге, когда пришло к нему известие о смерти матери.*

Ошибка, которую допустил эритажный говорящий в (26), обусловлена тем, что фоновое действие в главном предложении обозначено глаголом (*не*) *ожидать*. Действительно, если заменить глагол в придаточном предложении, оно не перестанет быть аномальным, зато замена *ожидать* на другое состояние или процесс сразу устранил ошибку ср. (28 и 29):

(28) **Когда отец вышел из машины, они этого совсем не ожидали.*

(29) *Когда Вовочка родился, они были богаты / верили в будущее / ехали в поезде / крепко спали / сидели в гостиной и др.*

Дело в том, что ситуации, описанные в главном и придаточном предложениях в (27) и (29), семантически не связаны между собой. Это и есть условие, позволяющее употребить конструкцию *Когда P, Q*. В случае с *ожидать (что P)* значение вставленного предиката *P* является частью семантики вершинного глагола (нельзя истолковать *ожидать*, не упомянув P^{17}), поэтому использовать его в подобной конструкции невозможно.

Во всех трех случаях поведение эритажного говорящего вполне композиционально в том смысле, что он прозрачным образом комбинирует эксплицитные компоненты высказывания согласно дефолтной схеме, но не учитывает некомпозициональные правила, касающиеся интерпретационного и дискурсивного компонента.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Как показывают проанализированные примеры, не-кальки (лексико-синтаксические ошибки, не отражающие влияния доминантного языка) – это ценный материал для лингвистических исследований. Он дает возможность, с одной стороны, увидеть действие надязыковых механизмов порождения речи, а с другой стороны – обнаружить те правила конкретного (в нашем случае – русского) языка, которые трудно заметить, если они не нарушаются. И то и другое, бесспорно, представляет значительный интерес.

Мы показали и то, что носители эритажного варианта русского языка действительно обладают особым статусом. В их речи значительно больше не-калек, чем в речи изучающих русский язык иностранцев – и это говорит об их большей склонности к языковому творчеству и готовности самостоятельно организовывать необходимые смыслы доступными им способами. Причем, как показывает рассмотренный нами материал, ошибки выдают некоторую единую стратегию, которая стоит за выбором конкретных языковых единиц: действия нестандартных говорящих, порождающих не-кальку, обусловлены стремлением выразить свою мысль наиболее прозрачным образом, и это вы-

¹⁷ Общую схему толкования можно представить как: 'в t_0 было не P , считали, что в момент t_1 будет P ; $t_1 > t_0$ '.

ражается в речевых стратегиях, композициональных по своей природе. Ради этого они прибегают к передаче необходимого смысла через прозрачное толкование, апеллируют к максимально общей модели для построения новых конструкций, игнорируют тонкие грамматические правила, а также упрощают коммуникативную и информационную структуру высказывания. Безусловно, изучение ошибок нестандартных говорящих и ошибок, допущенных, в частности, носителями эритажного русского, требует дальнейших исследований, и можно уже сейчас примерно обрисовать их программу.

Прежде всего, хотелось бы сравнить неправильные речевые употребления эритажных говорящих с ошибками, которые совершают дети, осваивающие родной русский язык. В области не-калек эта работа была бы чрезвычайно интересной, ведь дети не имеют возможности обратиться к системе другого языка для компенсации своих речевых потребностей, а значит, их лексико-семантическое поведение тоже будет обусловлено особыми механизмами построения смыслов «с нуля». Определенные аналогии в этом направлении уже прослеживаются. Так, в известной работе [Цейтлин 2000] отмечается, что детям свойственно так называемое «снятие идиоматичности», при котором языковые конструкции понимаются и употребляются в их прямом композициональном значении. По мысли С.Н. Цейтлин, дети усваивают систему раньше, чем ее ограничения. Между тем «усвоение системы» подразумевает овладение правилами конкретного языка, а анализ не-калек апеллирует к универсальным языковым механизмам.

Вторая задача – проанализировать ошибки, к которым приводит одновременное использование говорящим правил двух языков, то есть изучить механизм появления неполных калек.

Последняя и, наверное, самая масштабная задача касается исследования ошибок, связанных с разными стратегиями, на которые эритажные говорящие опираются при калькировании. Любопытно было бы посмотреть, отличаются ли эти стратегии от тех, которые выбирают студенты русского как иностранного, и в чем их различие. Отдельный важный вопрос – будут ли стратегии калькирования также тем или иным образом отражать принцип композициональности.

При большом количестве разного рода частных задач для нас важнее всего то, что ошибки дают возможность по-новому подойти к изучению русского языка. Благодаря ошибкам видны системные закономерности, которые не заметны в обычной речи, и Корпус ошибок нестандартных говорящих становится в этом смысле важным инструментом лингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Ю.Д. *Апресян*, О.Ю. *Богуславская*, И.Б. *Левонтина*, Е.В. *Урысон*. Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995.
- Богуславский 1998 – И.М. *Богуславский*. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М., 1998.
- Булыгина 1982 – Т.В. *Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982.
- Гаспаров 1996 – Б.М. *Гаспаров*. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гловинская 2001 – М. Я. *Гловинская*. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Е.А. *Земская* (ред.). *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. М.; Вена, 2001. (*Wiener Slawistischer Almanach*. Sdb 53.)
- Земская 2001 – Е.А. *Земская*. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые процессы // Е.А. *Земская* (ред.). *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. М.; Вена, 2001. (*Wiener Slawistischer Almanach*. Sdb 53.)
- Кобозева 2007 – И.М. *Кобозева*. Лексическая семантика. М., 2007.
- Падучева 1996 – Е.В. *Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Фреге 1977 – Г. *Фреге*. Смысл и денотат // *Семиотика и информатика*. Вып. 8. М., 1977.
- Цейтлин 2000 – С.Н. *Цейтлин*. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.

- Шатуновский 2002 – *И.Б. Шатуновский*. Несовершенный vs. совершенный вид в императиве (к проблеме начала) // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002.
- Яковлева 1994 – *Е.С. Яковлева*. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Bender et al. 2010 – *A. Bender, S. Beller, G. Bennardo*. Temporal frames of reference: Conceptual analysis and empirical evidence from German, English, Mandarin Chinese, and Tongan // *Journal of cognition and culture*. 2010. № 10.
- Chang, Mishler 2012 – *C.B. Chang, A. Mishler*. Evidence for language transfer leading to a perceptual advantage for non-native listeners // *Journal of the Acoustical society of America*. 2012. V. 132. № 4.
- Croft 2001 – *W.A. Croft*. Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford, 2001.
- Dąbrowska 2004 – *E. Dąbrowska*. Language, mind and brain: Some psychological and neurological constraints on theories of grammar. Georgetown, 2004.
- Dörnyei, Kormos 1998 – *Z. Dörnyei, J. Kormos*. Problem-solving mechanisms in L2 communication: A psycholinguistic perspective // *Studies in second language acquisition*. 1998. № 20.
- Ellis 2003 – *R. Ellis*. The study of second language acquisition. Oxford, 2003.
- Ellis 2013 – *N. Ellis*. Construction grammar and second language acquisition // *G. Trousdale, Th. Hoffmann* (eds). The Oxford handbook of construction grammar. Oxford, 2013.
- Fillmore et al. 1988 – *Ch. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor*. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // *Language*. 1988. V. 64. № 3.
- Gass 1979 – *S. Gass*. Language transfer and universal grammatical relations // *Language learning*. 1979. V. 29.
- Givón 1989 – *T. Givón*. Mind, code and context: Essays in pragmatics. Hillsdale (NJ), 1989.
- Goldberg 1995 – *A. Goldberg*. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago, 1995.
- Granger 2003 – *S. Granger*. The corpus approach: A common way forward for contrastive linguistics and translation studies? // *S. Granger, J. Lerot, S. Petch-Tyson* (eds). Corpus-based approaches to contrastive linguistics and translation studies. Amsterdam; New York, 2003.
- Grice 1975 – *H.P. Grice*. Logic and conversation // *P. Cole, J. Morgan* (eds). Syntax and semantics. V. 3: Speech acts. New York, 1975.
- Kellerman 1979 – *E. Kellerman*. Transfer and non-transfer: where are we now? // *Studies in second language acquisition*. 1979. V. 2.
- Lado 1960 – *R. Lado*. Linguistics across culture. Michigan, 1960.
- Laleko 2010 – *O. Laleko*. The syntax-pragmatics interface in language loss: Covert restructuring of in heritage Russian. Doctoral dissertation. Minnesota, 2010.
- Langacker 1987 – *R. Langacker*. Foundations of cognitive grammar: Theoretical prerequisites. V. 1. Stanford (CA), 1987.
- Levinson 2003 – *S.C. Levinson*. Space in language and cognition. Cambridge, 2003.
- Littlemore 2009 – *J. Littlemore*. Applying cognitive linguistics to second language learning and teaching. Basingstoke; New York, 2009.
- Majid et al. 2004 – *A. Majid, M. Bowerman, S. Kita, D. Haun, S.C. Levinson*. Can language restructure cognition? The case for space // *Trends in cognitive sciences*. 2004. V. 8. № 3.
- Michaelis 2005 – *L.A. Michaelis*. Entity and event coercion in a symbolic theory of syntax // *J.O. Oestman, M. Fried* (eds). Construction grammars: Cognitive grounding and theoretical extensions. Constructional approaches to language. Amsterdam, 2005.
- Mustajoki et al. 2010 – *A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin*. Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approach to non-standard Russian. Helsinki, 2010.
- Odlin 1989 – *T. Odlin*. Language transfer. Cambridge, 1989.
- Ovsjannikova 2013 – *M. Ovsjannikova*. Encoding and semantic properties of stimulus in Russian: Verbs of anger and beyond // *Russian linguistics*. 2013. № 1 (37).
- Partee 1995 – *B.H. Partee*. Lexical semantics and compositionality // *L.R. Gleitman, M. Liberman* (eds). Language. An invitation to cognitive science. V. 1. Cambridge (MA), 1995.
- Polinsky 2008a – *M. Polinsky*. Without aspect // *G. Corbett, M. Noonan* (eds). Case and grammatical relations. Amsterdam, 2008.
- Polinsky 2008b – *M. Polinsky*. Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization // *Heritage language journal*. 2008. № 1 (6).
- Polinsky, Kagan 2007 – *M. Polinsky, O. Kagan*. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // *Language and linguistics compass*. 2007. № 1 (5).

- Selinker 1983 – *L. Selinker*. Language transfer in language learning. Rowley (MA), 1983.
Skehan 1998 – *P. Skehan*. A cognitive approach to language learning. Oxford, 1998.
Slobin 2004 – *D. Slobin*. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // S. Strömquist, L. Verhoeven (eds). Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives. Mahwah (NJ), 2004.
Stockwell et al. 1965 – *J. Stockwell, D. Bowen, J.W. Martin*. The grammatical structures of English and Spanish. Chicago, 1965.
Talmy 1985 – *L. Talmy*. Semantics and syntax of motion // J.P. Kimball (ed.). Syntax and semantics. New York, 1985.
Talmy 1991 – *L. Talmy*. Path to realization: A typology of event conflation // L. Sutton, C. Johnson, R. Shields (eds). Proceedings of BLS 17. Berkeley (CA), 1991.
Tomasello 2003 – *M. Tomasello*. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Harvard, 2003.
Whorf 1956 – *B. Whorf*. Language, thought and reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf. Massachusetts, 1956.

Сведения об авторах:

Анастасия Сергеевна Выренкова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
anastasia.vyrenkova@yandex.ru

Мария Семеновна Полинская
Гарвардский университет
Harvard university
polinsky@fas.harvard.edu

Екатерина Владимировна Рахилина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова,
rakhilina@gmail.com

Статья поступила в редакцию 1.10.2013.

© 2014 г. А.П. ВЫДРИН

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ИМПЕРСОНАЛ
В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
К ТИПОЛОГИИ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ***

Статья посвящена специализированным глагольным формам субъектного имперсонала в иранских языках. Под субъектным имперсоналом понимается глагольная категория, имеющая своей основной функцией устранение первого участника ситуации. В статье показывается, что единственным иранским языком, имеющим глагольную категорию имперсонала, является современный осетинский (восточноиранский). Исследуются морфо-синтаксические и семантические особенности осетинского имперсонала и показывается, что осетинский имперсонал представляет собой уникальное явление внутри ирано-кавказского языкового ареала.

Ключевые слова: глагольный имперсонал, подлежащее, семантика, синтаксис, осетинский язык, иранские языки, ареальная типология

The article is devoted to dedicated subject impersonal in Iranian languages. By subject impersonal I understand the verbal category that removes A-participant. I argue that the only Iranian language that has verbal impersonal is Ossetic (Eastern Iranian). I explore morphological, syntactic and semantic peculiarities of the Ossetic impersonal. I argue that Ossetic impersonal is a unique category within Iranian and Caucasian language areal.

Keywords: verbal impersonal, subject, semantics, syntax, Ossetic, Iranian, areal typology

1. ВВЕДЕНИЕ

Под имперсональным значением исследователи подразумевают не всегда одинаковые вещи. Автор настоящей статьи не ставит своей целью дать какой-либо обзор подходов к изучению имперсонала. В статье имперсонал понимается в узком смысле, а именно как глагольная категория, основной функцией которой является устранение и запрет на выражение одного из участников ситуации. Как можно судить по имеющейся типологической литературе (из последних работ см. среди других [Томмола 1998;

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-1920.2014.6), грантов РГНФ № 13-04-00342, РФФИ № 11-06-00512, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» и гранта Института перспективных гуманитарных исследований и технологий МГГУ им. М.А. Шолохова (2013). Я искренне благодарен М.В. Дарчиевой за терпеливую проверку данных осетинского языка, вошедших в настоящую статью. Я также признателен за ценные замечания участникам семинара НОЦ «Институт лингвистических исследований» при МГГУ им. М.А. Шолохова 5.06.2013 и участникам Пятой международной конференции по иранистике (Fifth international conference on Iranian linguistics; 24–26 августа 2013, Бамберг, Германия) и Десятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (21–23 ноября 2013, Санкт-Петербург), где были представлены предварительные результаты настоящего исследования. Я благодарен В.А. Плуиану, В.Б. Иванову, а также анонимному рецензенту за замечания, позволившие улучшить статью.

Creissels 2008; Siewierska 2008; Malchukov, Siewierska 2011; Плу́нган 2011]), устранным участником может быть А-участник (субъектный имперсонал) или Р-участник (объектный имперсонал). Как кажется, имперсональное значение (эксплицитное отсутствие субъекта или объекта) может быть выражено теми или иными способами в любом языке. Например, в русском языке, где отсутствует категория имперсонала, значение субъектного имперсонала может быть передано глагольной формой 3_{PL} с опущенным субъектом, ср. *Закрой окно, на улице кричат*. Значение объектного имперсонала могут иметь глаголы с показателем *-ся* в предложении с опущенным объектом, ср. *Собака кусается*. Возможны контексты, где опущен и субъект, и объект, например: *Караул, убивают!* Однако в доступной типологической литературе не встречаются примеры языков с грамматической категорией, объединяющей субъектный и объектный имперсонал.

Хотя на данный момент нельзя сказать, что типология имперсональных конструкций является исчерпывающей, из имеющихся исследований на эту тему создается впечатление, что имперсонал как глагольная категория встречается в языках мира не так часто. Среди европейских языков глагольный (субъектный) имперсонал обнаруживается, например, в кельтских языках, а также в прибалтийско-финских, балтийских и с некоторыми оговорками в отдельных славянских языках [Blevins 2003]. Настоящее исследование ставит своей целью описать средства выражения значения субъектного имперсонала (далее – имперсонала) в иранских языках и выяснить, существует ли в каком-либо из этих языков глагольная категория имперсонала.

2. ИМПЕРСОНАЛЬНОСТЬ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В большинстве иранских языков (как современных, так и мертвых) не обнаруживается категории имперсонала, а имперсональное значение выражается только личными глагольными формами 3_{PL} (например, в раннем новоперсидском, среднеперсидском, согдийском, хотаносакском [Heston 1976: 164–166] и других), реже – 2_{SG} и 3_{SG} (например, в белуджском [Jahani et al. 2010], мазендеранском [Shokri 2010] и других). См. примеры ниже из раннего новоперсидского (западноиранский, IX–XI вв. н. э.), где форма 3_{PL} вместе с опущенным субъектом передает имперсональное значение (1); из белуджского (современный западноиранский), где формы 2_{SG} (2) и 3_{SG} (3) могут выражать имперсональное значение¹:

(1) Dgr r' m'skh gftnd
 другой RA самообладание говорить.PST.3_{PL}
 'The second is called the retentive' [Heston 1976: 165].

(2) **na-zān-ay** čtā āī čamm ham=ē kišk-ā
 NEG-know.PR-2_{SG} why DEM.GEN eye EMPH=DEM side-OBL
 sakk=at-ant
 fixed=COP.PT-3_{SG}
 'Nobody knows why his eyes were fixed in this direction' [Jahani 2010: 173].

(3) guš-īt ki yag bādišā=yē=at
 say.PR-3_{SG} CLM one king=IND=COP.PT.3_{SG}
 'The story goes (lit. he/she says) that there was a king' [Jahani 2010: 175].

Для передачи имперсональности в иранских языках могут использоваться глагольные формы как активного, так и пассивного залога. Пассив без эксплицитного агентивного дополнения может передавать имперсональное значение, например, в современном персидском или в пушту (современный восточноиранский), см. пример (4) из пушту.

¹ Перевод и глоссы в (2) и (3) сохранены, в (1) глоссы мои.

Однако нужно заметить, что пассив в иранских языках обычно допускает выражение агентивного дополнения, поэтому пассивные формы не могут считаться специализированным глагольным имперсоналом.

- (4) pə sarhad-āt-o ke aksar tor čāy də
 PREP граница.F-PL-OBL POST большой черный чай PREP
 šudo sara skəl keži
 молоко.PL.OBL.F POST пить.INF становиться.PRS.3
 'в окраинных областях по большей части пьется черный чай с молоком'² [Грюнберг 1987: 190].

Нужно отметить, что в современных иранских языках существуют отдельные модальные глаголы или модальные конструкции, у которых невозможно эксплицитное выражение субъекта. Например, в персидском языке у глаголов *tawānestan* 'мочь' и *šodan* (основное значение – 'становиться'; модальное – 'мочь') в безличной форме невозможно выражение А-участника. Безличная форма этих двух модальных глаголов образуется от основы настоящего или прошедшего времени и не может иметь личных окончаний, но изменяется по отдельным временам и наклонениям, например, от глагола *šodan – mišawad* (в настоящем времени), *mišod* (в прошедшем времени) 'можно'. При употреблении безличной формы модального глагола смысловой глагол также становится в безличную форму – так называемый усеченный инфинитив (по форме совпадает с основой прошедшего времени, в примерах он глоссируется как основа прошедшего времени). Например, *mišawad goft* (можно говорить.PST.STEM) 'можно сказать'; при этом А-участник не может быть выражен, ср.: **man mišawad goft* (я можно говорить.PST.STEM), **mišawad beguyam* (можно говорить.SUBV.1SG), предполагаемое значение 'я могу сказать'. Подобные случаи запрета на выражение А-участника связаны с особенностями отдельных модальных глаголов и не будут рассматриваться в настоящей работе.

Отметим также, что в современном персидском намечается тенденция к образованию специализированной имперсональной формы глагола. В грамматиках указывается, что некоторые глаголы в настояще-будущем времени, которое требует употребления префикса *-mi*, в 3PL могут употребляться без этого префикса, при этом субъект не выражается, а сама глагольная форма имеет имперсональное значение (см., например, [Рубинчик 2001: 385]). Ср.:

- (5) guy-and kuzegar-e xub-i bud
 говорить.PRS-3PL горшечник-IZF хороший-IND быть.PST.3SG
 'Говорят, он был хорошим горшечником' [Там же].

Упомянутая имперсональная глагольная форма в персидском языке возможна только от нескольких глаголов. Ю.А. Рубинчик в этой связи упоминает в своей грамматике только глагол *goftan* 'говорить' – *guyand* 'говорят' [Рубинчик 2001: 385]. В.Б. Иванов (л. с.) отмечает еще несколько глаголов: *xāndan*, основное значение 'читать', также 'называть', – *xānand* 'называют', *sāxtan*, основное значение 'изготавливать', – *sāzand* 'изготавливают', *nāmidan* 'называть' – *nāmand* 'называют'. Эта форма встречается в фольклоре, в языке классического периода [Рубинчик 2001, 385], а также в современной научной прозе (В.Б. Иванов, л. с.). Тем не менее лексическая ограниченность данной формы не позволяет говорить о категории глагольного имперсонала в персидском языке.

Единственным обнаруженным иранским языком, в котором существует категория имперсонала, является осетинский язык (восточноиранский).

² Глоссы и перевод примера мои. – А. В.

3. ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

Осетинский язык принадлежит к восточной подгруппе иранских языков. На осетинском говорят главным образом в Республике Северная Осетия – Алания и Республике Южная Осетия. Число носителей осетинского языка в мире достигает 580 000 человек (данные Ethnologue). В современном осетинском обычно выделяют два основных диалекта – иронский, который максимально приближен к литературному языку, и дигорский. В настоящей статье речь пойдет только о литературном осетинском.

Средства выражения имперсональности в осетинском исследовались на материале корпусов осетинского языка и данных, полученных от информантов. В частности, использовался устный корпус иронского диалекта, насчитывающий 60 000 словоупотреблений и находящийся в свободном доступе онлайн (<http://ossetic-studies.org/ru/texts/iron>), а также Осетинский национальный корпус (ОНК), состоящий из современной художественной литературы на осетинском языке и материалов литературного журнала «Мах дуг». На момент проведения исследования ОНК насчитывал 5 млн словоупотреблений. ОНК также находится в свободном доступе онлайн (www.corpus.ossetic-studies.org). Данные от информантов были получены в ходе моей полевой работы в Республике Северная Осетия – Алания в 2010–2013 гг.; работа осуществлялась главным образом с жителями г. Алагир. При цитировании примеров на осетинском языке принята следующая система обозначений: «ОНК» – пример взят из Осетинского национального корпуса (дается название источника), «устный текст» – пример из устного текста (дается название текста и номер предложения), отсутствие специальных обозначений – пример получен от носителя осетинского языка.

Наиболее частотным способом выражения имперсонального значения в осетинском языке является использование глагольной формы 3PL в предложении с опущенным субъектом, например (формы, передающие имперсональность, выделены полужирным):

- (6) Гъе æмæ гъе уæд-дæр, куы зæгъ-ын, Мæскуы-йæ
 ну и ну то-FOC ведь говорить.RPS-PRS.1SG Москва-ABL
 с-сыд-ысты фед-т-ой алы рæтт-ы
 PREF-идти.PST-PST.3PL PREF.видеть.PST-TR.PST.3PL каждый место.PL-INESS
 (Случился потоп, вода затопила несколько сел) 'И тогда тоже, как я и говорю, из Москвы приехали, посмотрели в разных местах' (Устный текст. Агузарова Изета 31.12).
- (7) Æмæ-иу афтæ стьолба-иу уыди, стыр стьолб мæнæ афтæ,
 и-ITER так столб-ITER быть.PST.3SG большой столб вот так
 'мæ-иу уæлæ-мæ... **бай-сæрст-ой-иу** æй
 и-ITER наверху-ALL PREF-мазать.PST-TR.PST.3PL-ITER 3SG.ENCL.GEN
 сойæ, æмæ-иу уæлæ-мæ **бырыд-ысты-иу**
 жир.AVL и-ITER наверху-ALL ползать.PST-PST.3PL-ITER
 'И обычно был столб, высокий столб и наверх... **обмазывали** его жиром и по нему лезли вверх' (Устный текст. Кочиева-Корасва, часть 2, 37.2).

4. ГЛАГОЛЬНЫЙ ИМПЕРСОНАЛ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Другим средством выражения имперсональности является специальная имперсональная форма глагола (далее – имперсонал). Использование специальной глагольной формы не так частотно, как формы 3PL в имперсональном значении. В наших устных текстах обнаружено только три примера на специализированный имперсонал; в ОНК зафиксировано 1233 примера. Несмотря на низкую частотность имперсонала в устных текстах, опрошенные носители языка считают имперсональную форму грамматичной. При изучении особенностей осетинского имперсонала я основывался главным образом на выборке из 400 примеров из ОНК. Все примеры из ОНК, вошедшие в статью, также проверялись носителем языка.

4.1. Образование

Имперсонал образуется с помощью специализированного суффикса *-æ*, который присоединяется к причастию прошедшего времени³, и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть' в форме 3SG, например (имперсонал выделен полужирным):

- (8) Дзæгъæл-ы нæ **загъд-æ-уы:**
бесполезный-GEN NEG говорить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
«Зонд кæм нæ ахад-ы,
ум где NEG иметь.значение.PRS-PRS.3SG
уым къух-тæ тымбыл кæн-ынц»
там рука-PL.NOM круглый делать.PRS-PRS.3PL
'Не зря говорят: «Где ум не участвует, там в ход идет сила» (букв. «руки сжимаются в кулак»)» (ОНК. Мах дуг. 2002. № 6).

Имперсонал («безличные формы личных глаголов») кратко упоминается в отдельных грамматиках осетинского языка (например, в [Ахвледиани 1963: 227–229]). Однако в грамматиках и грамматических исследованиях осетинского языка отдельно не рассматриваются морфо-синтаксические и семантические особенности осетинского имперсонала. Далее будут описаны составляющие элементы имперсонала (причастие прошедшего времени и вспомогательный глагол), установлены ограничения на употребление имперсонала и показаны семантические типы имперсонала (семантическая классификация устраненного субъекта).

4.2. Причастие прошедшего времени

Причастие прошедшего времени обычно совпадает с основой прошедшего времени, однако встречаются исключения. Например, у глагола *кæнын* 'делать' *код* – основа прошедшего времени, а *конд* – причастие прошедшего времени; у *раттын* 'отдать, дать' *рад* – основа прошедшего времени, а *рард* – причастие прошедшего времени; у *зоннын* 'знать' *зыд* – основа прошедшего времени, а *зонд* – причастие прошедшего времени; у *уынын* 'видеть' *уыд* – основа прошедшего времени, *уынд* – причастие прошедшего времени. Причастия прошедшего времени от переходных глаголов обычно имеют пассивное значение. Например, *амайын* 'строить' – *амад* 'построенный'. Многие причастия прошедшего времени (образованные как от непереходных глаголов, так и от переходных) в современном осетинском субстантивировались. Например, *цауын* 'идти' – *чыд* 'движение; ход, шествие; течение'; *уынын* 'видеть' – *уынд* 'вид; внешность'.

Помимо имперсонала, причастие прошедшего времени используется в основной пассивной конструкции и в сравнительной конструкции. Основная пассивная конструкция состоит из причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть', который согласуется с пациенсом в числе и лице; агентивное дополнение маркируется аблативом (см. (9, 10)).

Исходная конструкция:

- (9) Куджы-тæ хæдзар арæзт-ой
рабочий-PL.NOM дом строить.PST-TR.PST.3PL
'Рабочие строили дом'.

³ При этом у глаголов, формы причастия прошедшего времени которых оканчиваются на *-онд*, при образовании имперсонала происходят чередования: у глагола *кæнын* 'делать' причастие прошедшего времени имеет форму *конд*, но при субъектном имперсонале используется основа *чынд*-; у глагола *амоннын* 'указывать' причастие прошедшего времени выглядит как *амынд*, однако в случае субъектного имперсонала используется основа *амынд*-.

Основная пассивная конструкция:

- (10) Хæдзар араэз у куджы-т-ы
дом делать.PART.PST быть.PRS.3SG рабочий-PL-GEN
амал-æй
средство-AVL
'Дом построен силами рабочих'.

Важно подчеркнуть, что в основной пассивной конструкции, в отличие от имперсонала, согласование вспомогательного глагола происходит с пациенсом и возможно эксплицитное выражение агенса.

Сравнительная конструкция состоит из объекта сравнения в форме генитива, причастия прошедшего времени (образующего с объектом сравнения генитивную конструкцию) и вспомогательного глагола *кæнын* 'делать', например:

- (11) бирæгъ-ы хæрд кæн-ы
волк-GEN есть.PART.PST делать.PRS-PRS.3SG
'Ест, как волк' [Багаев 1965: 338].

Суффикс *-æ*, участвующий в образовании имперсонала, не используется ни в каких других глагольных формах. Грамматики связывают происхождение суффикса с гласным окончанием иранского причастия прошедшего времени на *-ta* [Ахвледиани 1963: 229]. Однако формы прошедшего времени и контрафактива также образованы по схеме «древнее причастие на *-ta* + личные формы вспомогательного глагола *уæвын* 'быть'»; при этом конечный гласный древнего причастия во всех случаях отпал (см., например, [Абаев 1949], а также обзорную работу [Выдрин 2011]). Сохранение гласного окончания причастия на *-ta* в имперсонале и его потеря во всех других глагольных формах выглядят сомнительно. Выяснение происхождения суффикса *-æ* требует отдельного исследования.

4.3. Вспомогательный глагол

В имперсональной форме вспомогательный глагол *уæвын* 'быть' неотделим от причастия прошедшего времени с суффиксом *-æ*. В орфографии осетинского языка вспомогательный глагол часто пишется слитно со смысловым глаголом.

Интересно поведение энклитических местоимений с имперсональными формами, образованными от сложных глаголов (далее – СГ). СГ представляют собой сочетания именной и глагольной компоненты и характеризуются такими свойствами, как: непереставимость (не допускается перестановка компонентов сложного глагола), неразрывность (между именной и глагольной частью сложного глагола не могут вставляться автономные языковые элементы), цельнооформленность (в случае сложного глагола преверб и отрицание находятся перед именной компонентой сложного глагола, личные окончания присоединяются к его глагольной компоненте; в случае же сочетания глагола и неоформленного дополнения преверб и отрицание присоединяются непосредственно к глаголу) и единое ударение (более подробно см. в [Выдрин 2011]). Выделенные свойства позволяют различать в осетинском языке сложные глаголы (*с-арт код-т-а* (PREF-огонь делать.PST-TR-PST.3SG) 'Он развел огонь') и сочетания простого глагола с его дополнением (*арт с-код-т-а* (огонь PREF-делать.PST-TR-PST.3SG) 'Он развел огонь')⁴.

Энклитические местоимения являются клитиками второй позиции и, если предложение начинается с СГ, обязательно встают в позицию между именной и глаголь-

⁴ Примеры из работы [Абаев 1959: 90].

ной частями СГ (так, невозможно употребление энклитик после глагольной части СГ), например:

- (12) æрба-хъæбыс та сæ код-т-а
 PREF-объятие CONTR 3PL.ENCL.GEN делать.PST-TR-PST.3SG
 'Он опять обнял их' (ОНК. Б.М. Гусалов. И воздастся каждому. Владикавказ, 2003).

При образовании имперсонала от СГ энклитические местоимения могут стоять как между причастием прошедшего времени и именной частью СГ, так и после вспомогательного глагола *уæвын* 'быть', например: *фæ-хабар нæм чынд-æ-уыди* (PREF-новость 1PL.ENCL.ALL делать.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG) 'нас известили', ср. с тем же значением *фæ-хабар чынд-æ-уыди нæм* (PREF-новость делать.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG 1PL.ENCL.ALL). Такое поведение энклитических местоимений отличает формы имперсонала от других финитных форм сложных глаголов, у которых энклитические местоимения не могут присоединяться к глагольной компоненте. Морфо-синтаксически имперсональные формы, образованные от СГ, ближе к сложным словам, в то время как во всех других случаях СГ представляют собой сочетания нескольких слов.

Вспомогательный глагол в составе имперсональной формы может изменяться по всем временам и наклонениям. В настоящем времени индикатива в форме имперсонала вспомогательный глагол имеет форму *уы* (произносится как /wə/), в то время как во всех других случаях в настоящем времени 3SG вспомогательный глагол имеет форму *у* (произносится как /u/). Возникновение дополнительного гласного в настоящем времени индикатива объясняется стремлением языка избежать контактного расположения двух гласных /æ/ и /u/; при появлении дополнительного *ы* /u/ переходит в /w/.

Отметим также возможность употребления имперсонала в императиве (ср. примеры ниже). В таких случаях императив передает значение пожелания.

- (13) Ды цы хæдзар-æй ра-цыд-тæ, уймай ма-куы
 ты что дом-ABL PREF-идти.PST-PST.2SG он.ABL NEG-когда
 ма-цы загъд-æ-уæд!
 NEG-что говорить.PART.PST-IMPERS-быть.IMP.3SG
 'Пусть ничего никогда не будет сказано о доме, из которого ты вышел' (проклятие) (ОНК. И. Айларов, Р. Гаджинова, Р. Кцоев. Пословицы. Владикавказ, 2005).

- (14) Уæлмæрд-т-æм дæ ма
 могила-PL-ALL 2SG.ENCL.GEN NEG
 ба-уагъд-æ-уæд!
 PREF-позволять.PART.PST-IMPERS-быть.IMP.3SG
 'Чтоб тебя не пустили на кладбище!' (проклятие) (ОНК. Мах дуг. 2001. № 3).

4.4. Употребление имперсонала

Имперсонал может образовываться как от переходных, так и от непереходных глаголов. Однако образование форм имперсонала от семантически непереходных глаголов встречается значительно реже, чем от переходных. При подсчете выяснилось, что из 100 примеров выборки имперсонал от семантически непереходных глаголов встречается только в шести примерах⁵. Наиболее частотным одноактантным глаголом, употребляющимся в форме имперсонала, является глагол *цауын* 'идти' (16); также нередко встречается имперсонал от глагола *цагрын* 'жить' (15).

- (15) Иу бон-ы фæндаггаг-æй
 один день-GEN дорожная.провизия-ABL
 нæ цард-æ-уы
 NEG жить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 'Запасами на один день не живут' (ОНК. И. Айларов, Р. Гаджинова, Р. Кцоева. Пословицы. Владикавказ, 2005).

⁵ Однако нужно заметить, что при этом не учитывались непереходные употребления лабильных глаголов.

- (16) Кæдæм ба-цъд-æ-уа
 куда PREF-идти.PART.PST-IMPERS-быть.CONJ.3SG
 куыст-мæ?
 работа-ALL
 'Куда бы пойти работать?' (ОНК. С.Т. Кайтов. Осетинская мелодия. Владикавказ, 2006).

Субъектный имперсонал не имеет формальных ограничений на образование от простых, беспревербных, превербных, сложных и каузативных глаголов.

5. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА УСТРАНЕННОГО СУБЪЕКТА

Устраненный субъект при глаголе в имперсонале не может быть эксплицитно выражен (об исключении см. раздел 7). Тем не менее у устраненного субъекта обнаруживаются некоторые способности к контролю. Далее будут рассмотрены различные тесты на способность устраненного субъекта быть контролером деепричастного оборота, реципрока, агентивного наречия, целевых придаточных (более подробно про применение этих тестов к разным типам невыраженных аргументов (*implicit arguments*) см. работу [Bhatt, Pancheva 2006]).

Устраненный субъект может контролировать деепричастные обороты. Деепричастные обороты выражаются в осетинском с помощью конверба на *-гæйæ* и реже с помощью причастно-конвербной формы на *-гæ* (более подробно см. работу [Belyaev, Vydrin 2011]). Контролером причастно-конвербной формы на *-гæ* может быть как субъект, так и объект; контролером конверба выступает, как правило, субъект главной клаузы. Далее будут рассматриваться только обороты с конвербом. В ОНК обнаруживаются примеры, в которых контролером конверба на *-гæйæ* выступает устраненный субъект предиката главной клаузы в форме имперсонала, например (деепричастный оборот выделен полужирным):

- (17) Куывд-мæ æр-цæу-æг кæнæ куывд-ы бад-æг
 пир-ALL PREF-идти.PRS-PART или пир-INESS сидеть.PRS-PART
 адæм-æн салам лæвæрд-æ-уы
 человек-DAT привет дать.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 худ с-ис-гæйæ æмæ мæнæ ахæм ныхæс-т-æй
 шапка PREF-брать.PRS-CONV и вот такой слово-PL-ABL
 'Пришедших на праздник или сидящих на празднике людей приветствуют, сняв головной убор, следующими словами' (ОНК. Хæуытаты Къоста. Уæздандзинады гуырдæтæ. Владикавказ, 2012).

Устраненный субъект может быть контролером агентивных наречий, например наречия *барæй* 'намеренно'. Ср. пример ниже:

- (18) æнаххос-æй мæлæт нæ-й Хъус-хъус
 беспричинный-ABL смерть NEG-EXT ухо-ухо
 рагæй дзырд-æ-уы, загъгæ,
 издавна говорить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG СИТ
 стыр поэт Сергей Есенин-ы дæр барæй
 великий поэт Сергей Есенин-GEN FOC намеренно
 а-мæрд-æ-уыд
 PREF-убивать.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG
 'Нет смерти без причины, давно шепчутся о том, мол, что и великого поэта Сергея Есенина убили намеренно' (ОНК. Мах дуг. 2002. № 1).

Имперсонал может употребляться в главной клаузе равносубъектной целевой конструкции. В этом случае устраненный субъект кореферентен субъекту целевой клаузы, например:

- (19) Цы чынд-æ-уы,
 что делать.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 цæмæй с-хъæздыг уон, уымæн?
 чтобы PREF-богатый быть.CONJ.1SG он.DAT
 'Что делать, чтобы я разбогател?'

Устраненный субъект имперсональной формы глагола может контролировать реципроки, например:

Ингаен къахгайæ кæнæ мард ныгаенгайæ кусæн дзауматæ кæрæдзимæ къухæй-къухмæ нæ лæвæрдæуы, алчидæр æй исы зæххæй, кæннод, дам, марды рынтæ дзаума райсæг йæ къухтыл ахæссы

'Копая могилу или хороня покойника, **рабочие инструменты друг другу не передают из рук в руки**, каждый поднимает их с земли, иначе, мол, взявший инструмент забирает болезни покойного' (ОНК. Хæуытаты Къоста. Уæздандзинады гуырантæ. Владикавказ, 2012).

- (20) кус-æн дзаума-тæ кæрæдзи-мæ
 работать.PRS-NMLZ инструмент-PL.NOM друг.друга-ALL
 къух-æй-къух-мæ нæ лæвæрд-æ-уы
 рука-ABL-рука-ALL NEG дать.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 'рабочие инструменты друг другу не передают из рук в руки'

Устраненный субъект не может быть контролером рефлексивного местоимения *хи* (ср. примеры ниже). Данное ограничение связано с тем, что *хи* в качестве рефлексивного показателя не используется без личных местоимений *мæ-* (1sg), *дæ-* (2sg), *йæ-* (3sg), *нæ-* (1pl), *уæ-* (2pl), *сæ-* (3pl), которые кореферентны субъекту. Запрет на употребление личных показателей обусловлен основной функцией субъектного имперсонала – полное устранение А-участника.

- (21) Йæ-хи а-мард-т-а
 POSS.3SG-RFL.GEN PREF-убивать.PST-TR-PST.3SG
 'Он себя убил'.
 (22) *Афтæ хи нæ мард-æ-уы
 так RFL.GEN NEG убивать.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 Ожидаемый перевод: 'Таким образом себя не убивают'.

Однако следует заметить, что употребление имперсонала возможно с местоимением *хи*, если *хи* выражает не рефлексивное, а эмпатическое значение, например:

- (23) уый нууыл ра-хау-ба-хау кæн-ы, бирагъ-ау, куы
 он совсем PREF-падать.PRS-PREF-падать.PRS делать.PRS-PRS.3SG волк-EQU то
 фырафсæст, куы фыраххормаг, бирагъ-ау ын куы
 обжорство то голод волк-EQU 3SG.ENCL.DAT то
 йæ-хи фæ-над-æ-уы, куы йæ-хæдæг
 POSS.3SG-RFL.GEN PREF-бить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG то POSS.3SG-RFL.NOM
 искæй ныт-тон-ы...
 кто.TO.GEN PREF-рвать.PRS-PRS.3SG
 'он скитается словно волк, то сыт, то умирает с голоду, то, как волка, его самого бьют, то он сам кого разорвет' (ОНК. Н.Г. Джусойты. Слезы Сырдона. Владикавказ, 2004).

Таким образом, несмотря на то что устраненный субъект имперсональной формы глагола не может быть эксплицитно выражен, а также не может быть контролером рефлексивов, он может быть контролером деепричастного оборота, агентивного наречия и реципрока; устраненный субъект также может быть кореферентен субъекту целевой клаузы.

6. СЕМАНТИКА УСТРАНЕНОГО СУБЪЕКТА

Как правило, осетинский имперсонал может употребляться, если устраненным субъектом является одушевленная сущность (обычно человек). Имперсонал невозможен, например, от глаголов, выражающих метеорологические явления. Однако в ОНК

встречаются примеры, где устраненным субъектом являются неодушевленные сущности (например, стихии). Ср.:

- (24) Сæ-химæ дæр уад-ы уынар
 POSS.3PL-RFL.ALL FOC вихрь-GEN гул
 æр-хаст-æ-уыд сæ зæрдæдарæн
 PREF-нести.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG POSS.3PL надежда
 сахар, дард Цæгат-æй
 город далекий Север-ABL
 'И до них донесся (букв. «к ним принесло») гул вихря с дорогого их сердцу города, с далекого Севера' (ОНК. С.Т. Марзоев. Глашатай: Произведения. Орджоникидзе, 1986).

Отметим, что в известных типологии языках с глагольной категорией имперсонала в качестве устраненного субъекта выступают только одушевленные сущности [Blevins 2003]. Данные осетинского языка показывают, что одушевленность устраненного субъекта не является типологической универсалией.

Небезынтересным представляется вопрос о семантических типах устраненного субъекта. В ходе изучения корпусных примеров удалось выделить пять таких типов.

6.1. Генерический субъект

В данном случае устраненным субъектом являются 'все', 'люди'. Такое употребление имперсонала часто встречается в пословицах или в описаниях обычаев, например:

- (25) Куыст-тæ радыгай чынд-æ-уы
 работа-PL.NOM по.очереди делать.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 'Работы выполняют по порядку' (ОНК. И. Айларов, Р. Гаджинова, Р. Кцоева. Пословицы. Владикавказ, 2005).

6.2. Неизвестный субъект

Субъект является референтным, но неизвестным ('кто-то'). Ср. пример ниже, где очевидно, что говорящий уверен в существовании грабителя, однако не знает, кто именно его ограбил.

- (26) Мæ хæдзар мын фæ-къахт-æ-уыд...
 POSS.1SG дом 1SG.ENCL.DAT PREF-ограбить.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG
 'Мой дом ограбили...' (ОНК. Мах дуг. 2006. № 10).

6.3. Отложенный новый субъект

В данном случае имперсонал употребляется для устранения нового неизвестного субъекта, который становится известным позже, например:

- (27) Уалынджы нын нæ уат-ы дуар
 тем.временем 1PL.ENCL.DAT POSS.1PL комната-GEN дверь
 æрба-хост-æ-уыд, стæй дзы
 PREF-бить.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG потом 3SG.ENCL.ABL
 мидаæмæ æрба-каст нæ уæладзыдж-ы радгæс сылгоймаг
 внутрь PREF-смотреть.PST.3SG POSS.1PL этаж-GEN дежурный женщина
 'Тем временем в дверь нашей комнаты постучали, затем к нам заглянула дежурная по этажу' (ОНК. Мах дуг. 2003. № 11).

В приведенном примере с большой долей вероятности в дверь стучалась именно та женщина, которая потом вошла внутрь. Рассказчик употребляет имперсонал в стилистических целях – для того чтобы отложить на некоторое время введение нового персонажа.

6.4. Известный субъект

В данном случае устранный субъект является сильнореферентным, известным. В примере ниже это автор книги, фамилия которого должна была упоминаться выше.

Чиниджы дзырдауы, фаस्ताг дыууа æнусы даргъы ирон æвзаг, йæ диалектта æмæ ныха-сыздахтытæ цы уавæрты уыдысты...

'В книге говорится о том, в каком состоянии находился осетинский язык, его диалекты и говоры на протяжении последних двух веков...' (ОНК. Мах дуг. 2002. № 9)

- (28) Чинидж-ы дзырд-æ-уы
книга-INESS говорить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
'В книге говорится...'

6.5. Субъект – сам говорящий

При употреблении имперсонала нередко подразумеваемым субъектом является сам говорящий, например:

- (29) «Цы чынд-æ-уа, кæм æй
что делать.PART.PST-IMPERS-быть.CONJ.3SG где 3SG.ENCL.GEN
а-гуырд-æ-уа?» – катый-ы
PREF-искать.PART.PST-IMPERS-быть.CONJ.3SG отчаяние-INESS
ба-цыд Леза
PREF-идти.PST.3SG Леза
'«Что делать, где его искать?» – Леза впала в отчаяние' (ОНК. С.М. Дегоева. Погасший луч солнца. Владикавказ, 2002).

7. ИМПЕРСОНАЛ С ВЫРАЖЕННЫМ А-УЧАСТНИКОМ

Довольно редко осетинский имперсонал может употребляться в предложении с выраженным агентивным участником. В выборке из 400 примеров встретился только один пример на такое употребление формы имперсонала (30); носители осетинского языка оценивают пример как полностью грамматичный. Однако все попытки получить от носителей языка примеры, похожие на (30), оказались неудачными.

Мах, æдзых куыд вайыы, афтæ хъуамæ, чи фæхæрд, састы чи баззад, уый æмуæхск балаууæм – Хуыцауæй нын загъдауыд афтæ, нæ туджы фыст ис.

'Мы, как всегда бывает, должны стать плечом к плечу с тем, кто проиграл, кого победили, – так было сказано нам Богом, это у нас в крови' (ОНК. Мах дуг. 2008. № 4).

- (30) Хуыцау-æй нын загъд-æ-уыд афтæ, нæ
Бог-ABL IPL.ENCL.DAT говорить.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG так POSS.IPL
тудж-ы фыст ис
кровь-INESS писать.PART.PST EXT
'так было сказано нам Богом, это у нас в крови'.

В примере (30) имперсонал образован от переходного глагола, а агентивный участник *Хуыцау* 'Бог' маркирован аблативом. Формально пример похож на пассивную конструкцию (агнс маркирован аблативом). Однако, как мы видели ранее (раздел 4.2), в основной пассивной конструкции согласование всегда происходит с пациентивным участником; в (30) нет согласования с каким-либо участником, а вспомогательный глагол находится в форме 3SG. Пример (30) можно анализировать как так называемый «ленивый», или неполный, пассив: агентивный участник понижен с субъекта до косвенного дополнения, однако пациенс не повышен до субъекта.

8. КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

Считается, что осетинский язык, на протяжении долгого времени находившийся в полной изоляции от других иранских языков, претерпел большое влияние окружающих кавказских (адыгских, картвельских, нахских) и тюркских (карачаево-балкарского) языков [Абаев 1964: 1]. Хрестоматийным примером ареального влияния являются абруптивы, существующие в современном осетинском и не засвидетельствованные ни в каком другом иранском языке (ни современном, ни мертвом). Осетинский глагольный имперсонал, не обнаруженный ни в каком другом иранском языке, мог бы оказаться результатом влияния географически близких к осетинскому кавказских или тюркских языков. В ходе настоящего исследования были изучены средства выражения имперсональности в адыгейском, грузинском, ингушском и карачаево-балкарском языках. В большинстве названных языков нет специализированных средств выражения имперсонального значения, имперсональность передается с помощью личных глагольных форм при опущенном первом участнике. Например, в адыгейском языке имперсональность передают глагольные формы 3рл (в отдельных случаях – формы 2 лица) [Ландер 2012: 147–148].

Нетривиальной является ситуация в ингушском языке, где частотны случаи опущения первого участника, однако непонятно, как их оценивать – как имперсонал или как непереходное употребление лабильного глагола [Nichols 2011: 668]. Ср. пример ниже, где, как признается Дж. Никольс, нет возможности определить, какую роль играет Муса, объекта при опущенном агенте ('Мусу убили') или субъекта непереходного предиката (букв. «Муса убился»).

- (31) Muusaa viira
Musa v.be killed.wp
'Musa got killed' (*Musa* = O if there is a null A, otherwise S.) [Nichols 2011: 467]⁶.

Таким образом, ни в генетически родственных иранских, ни в географически близких к осетинскому кавказских не обнаруживаются специализированных средств для выражения имперсональности. Осетинский глагольный имперсонал может считаться уникальным явлением на ирано-кавказском языковом пространстве.

9. ВЫВОДЫ

Иранские языки (современные и мертвые), как и большинство индоевропейских, не имеют специализированных глагольных средств выражения имперсонального значения. Единственным обнаруженным исключением является осетинский язык, в котором существует глагольная категория имперсонала. Судя по имеющимся на сегодняшний день описаниям, категория имперсонала не характерна не только для других иранских языков, но и для ареально близких к осетинскому кавказских языков. Рассмотренный осетинский материал дополняет типологические данные об имперсонале и расширяет карту языков с глагольной категорией имперсонала.

В статье было подробно рассмотрено образование и употребление имперсонала в современном литературном осетинском языке, а также исследованы синтаксические и семантические свойства устранимого субъекта. В частности, установлено, что устранимый субъект может быть контролером реципроков, деепричастных оборотов, агентивных наречий и целевых придаточных. Устранимый субъект может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Устранимый субъект может быть генерическим, неизвестным референтным, известным референтным, самим говорящим. Также обнаружен не упоминавшийся ранее в типологических работах (ср., например, семантическую классификацию имперсонала в работе [Malchukov, Ogawa 2011]) случай устранения нового неизвестного субъекта, который становится известным позже (отложенный субъект).

⁶ Глоссы и перевод сохранены.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОНК – Осетинский национальный корпус; СГ – сложный глагол; АВЛ – аблатив; ABS – абсолютив; ALL – аллатив; CIT – цитатив; CLM – clause linkage marker; CONJ – конъюнктив; CONTR – контрастная энклитика; CONV – конверб; COP – глагол-связка; DAT – датив; DEM – указательное местоимение; EMPH – эмфаза; ENCL – энклитика; EQU – экватив; EXT – экзистенциальная связка; F – женский род; FOC – фокус; GEN – генитив; IMP – императив; IMPERS – имперсонал; IND – неопределенный; INESS – инессив; INF – инфинитив; ITER – итератив; IZF – изафет; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NOM – номинатив; OBL – косвенный падеж; PART – причастие; PL – множественное; POSS – посессив; POST – послелог; PREF – преверб; PREP – предлог; PR, PRS – настоящее; PST, PT – прошедшее; RA – послелог, маркирующий прямые и косвенные объекты⁷; RFL – рефлексив; SG – единственное; STEM – основа; SUBJ – сослагательное наклонение; TR – переходный; V – gender agreement marker, gender class; WP – witnessed past tense.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1949 – В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.
Абаев 1959 – В.И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
Ахвледиани 1963 – Г.С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963.
Багаев 1965 – Н.К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965.
Выдрин 2006 – А.П. Выдрин. Прямое дополнение и сложные глаголы в современном персидском языке: грамматический и лексикографический аспекты. Маг. дис. СПб., 2006. <http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>
Выдрин 2011 – А.П. Выдрин. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. <http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>
Грюнберг 1987 – А.Л. Грюнберг. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987.
Ландер 2012 – Ю.А. Ландер. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыегские относительные конструкции в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
Рубинчик 2001 – Ю.А. Рубинчик. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
Томмола 1998 – Х. Томмола. Заметки к типологии амбиперсонала // Н.А. Козинцева, А.К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика. СПб., 1998.
Абаев 1964 – V.I. Abaev. A grammatical sketch of Ossetic. The Hague, 1964.
Belyaev, Vydrin 2011 – O. Belyaev, A. Vydrin. Participle-converbs in Iron Ossetic: Syntactic and semantic properties // A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds). Topics in Iranian linguistics. Wiesbaden, 2011.
Bhatt, Pancheva 2006 – R. Bhatt, R. Pancheva. Implicit arguments // M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds). The Blackwell companion to syntax. V. II. Oxford, 2006.
Blevins 2003 – J.P. Blevins. Passives and impersonals // Journal of linguistics. 2003. V. 39.
Creissels 2008 – D. Creissels. Impersonal and related constructions: A typological approach. Lectures at the University of Tartu. Tartu, 2008.
Heston 1976 – W.L. Heston. Selected problems in fifth to tenth century Iranian syntax. Unpublished PhD thesis. Philadelphia, 1976.
Jahani et al. 2010 – C. Jahani et al. Impersonal constructions in Balochi // Orientalia suecana. 2010. V. 59.
Malchukov, Siewierska 2011 – A. Malchukov, A. Siewierska (eds). Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective. Amsterdam; Philadelphia, 2011.
Malchukov, Ogawa 2011 – A. Malchukov, A. Ogawa. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach // A. Malchukov, A. Siewierska (eds). Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective. Amsterdam; Philadelphia, 2011.

⁷ Более подробно об этом послелого см. работу [Выдрин 2006].

Nichols 2011 -- *J. Nichols*. Ingush grammar. Berkeley, 2011.
Shokri 2010 – *G. Shokri*. Impersonal constructions in Mazandarani // *Orientalia suecana*. 2010. V. 59.
Siewerska 2008 - *A. Siewierska*. Introduction: Impersonalization: An agent-based vs. a subject-based perspective // *Transactions of the Philological society*. 2008. V. 106. № 2.

Сведения об авторе:

Арсений Павлович Выдрин
ИЛИ РАН / ИПГИТ МГУ
senjacom@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.10.2013.

© 2014 г. И.М. ГОРБУНОВА

КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОЙ ПОЛЯРНОСТИ В АТАЯЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

Настоящая статья описывает грамматические средства выражения фазовых значений, зафиксированные в атаяльском языке (атаяльская ветвь австронезийской семьи, о. Тайвань). Как показывает полевой материал, в атаяльском языке фазовые значения (присущие, например, русским наречиям *уже* и *еще*) выражаются фразовыми частицами *la* и *na*. В статье рассматриваются такие свойства данных частиц, как линейное положение в предложении, частотность, обязательность в некоторых контекстах. Кроме того, производится подробный анализ значений, которые эти частицы выражают.

Ключевые слова: австронезийские языки, атаяльский язык, ямитив, фазовые значения, фразовые частицы

The present paper describes the way phasal meanings are expressed in Atayal (Atayalic group of Austronesian languages). According to our data, Atayal exhibits a grammatical category of phasal polarity, with two phrasal particles (*la* and *na*) regularly and (sometimes) obligatory expressing the meanings which are similar to those of English adverbials *already*, *still*, *no longer*, and (*not*) *yet*. Some features of those particles (such as linear position, frequency, obligatory use, etc) are discussed in this paper. The semantics of each particle is also given a detailed analysis.

Keywords: Austronesian languages, Atayal, iamitive, phasal meaning, phrasal particles

В данной статье речь пойдет о значениях, которые типологически часто выражаются лексическими средствами, но в атаяльском языке (атаяльская ветвь австронезийской семьи, о. Тайвань) имеют грамматическое выражение в глагольной группе. Это значения, в русском языке присущие двум наречиям *уже* и *еще*, а в английском – четырем наречным группам *already*, *still*, *no longer* и (*not*) *yet*. Грамматическую категорию, выражающую такие значения, в данной статье предлагается называть «фазовой полярностью».

По причине того что эти значения обычно рассматриваются в связи с наречиями, в аспектологии для них нет отдельного устоявшегося термина. Так, в работе [van der Auwera 1998], в книгах [Плунгян 2003; 2011], а также в статье [Plungian 1999] эти значения называются фазовыми, и для каждого из них предлагаются разные термины (см. вводный раздел). Предложенная обоими авторами терминология имеет целый ряд недостатков, поэтому во вводном разделе статьи мы обратимся именно к категории, как она описана у данных двух авторов, и примененной к ней терминологии. Затем, в первом разделе, будут даны пояснения относительно некоторых особенностей атаяльского языка (залоговая система, линейный порядок, аспектуальная система, система отрицания), необходимые для дальнейшего изложения. Во втором разделе будет показано, что в атаяльском языке имеет смысл говорить о грамматической категории, выражающей те

* Более ранняя версия данного исследования была представлена на Восьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2011 г.) в Санкт-Петербурге. Автор выражает благодарность всем принявшим участие в ее обсуждении. Особая благодарность П.М. Аркадьеву, который руководил исследованием и давал неоценимые советы на всех этапах работы, а также анонимному рецензенту за ценные замечания по тексту данной статьи.

значения, которые в русском и английском языках выражают указанные выше наречия. В третьем разделе будет рассмотрено взаимодействие показателей этой грамматической категории с отрицанием. В последующих двух разделах каждый показатель данной категории будет рассмотрен отдельно с точки зрения сочетаемости, линейного порядка и семантики. В заключении будет описана категория фазовой полярности в атайльском языке в целом.

Материалом для настоящей работы служили данные опроса информантов, проводившегося в поселке Пьянан (Наньшань, префектура Илань, о. Тайвань) в период с 2010 по 2011 г., а также корпус устных текстов, собранных в том же поселке в период с 2009 по 2010 г.¹ Примеры (если не указано иное) даются в фонетической транскрипции, максимально приближенной к реальному звучанию, так как атайльский язык, хотя для него и создана письменность на основе латиницы, не имеет единой орфографической нормы, а большинство носителей языка не владеют грамотой.

0. КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОЙ ПОЛЯРНОСТИ: ВОПРОС ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИИ

Согласно [Плунгян 2003; 2011], «фазовые значения... представляют собой фактически утверждения о существовании или несуществовании ситуации по сравнению с некоторым более ранним моментом времени». Иными словами, описываемая ситуация, происходящая (или не происходящая) в момент времени t_1 , характеризуется по отношению к предшествующему моменту времени t_0 как происходившая или не происходившая в t_0 . Тем самым утверждается, что максимальное число фазовых значений – четыре.

Таблица 1

Возможные фазовые значения по [Плунгян 2011]

Значение	Термин	t_0	t_1
ситуация начала иметь место	инхоатив	–	+
ситуация перестала иметь место	терминатив	+	–
ситуация продолжает иметь место	континуатив	+	+
ситуация продолжает не иметь места	кунктатив	–	–

В [Плунгян 2011: 416–422] (а также в [Плунгян 2003: 303–308]) фазовость рассматривается как отдельная категория на периферии аспектуальности, выражающая перечисленные значения. Утверждается, что она «характеризует в первую очередь не “внутреннюю структуру ситуации”, а сам факт существования / несуществования описываемой ситуации по отношению к более раннему моменту времени». С другой стороны, морфологический (и перифрастический) инхоатив и терминатив рассматриваются как формы данной категории: «в русском языке чистый инхоатив выражается глаголом *начать(ся)* (*он начал работать*), а инхоатив с дополнительным компонентом ‘говорящий не ожидал, что в данный момент ситуация имеет место’ – наречием *уже* (*он уже работает*)» [Плунгян 2003: 307].

Тем самым в указанных работах морфологический инхоатив, конструкция с фазовым глаголом и конструкция с фазовым наречием рассматриваются как разные реализации одного значения категории фазовости. На наш взгляд, такое широкое определение данной категории не вполне корректно. Между тремя указанными конструкциями есть

¹ Особую благодарность автор выражает жителям поселка Пьянан, в частности Юкану Масину.

одно существенное различие: конструкция с фазовым глаголом и морфологическая форма инхоатива переносят «окно наблюдения» в начальную точку ситуации, а конструкция с фазовым наречием не меняет «окно наблюдения». Это можно продемонстрировать при помощи следующих примеров:

- (1) В восемь утра я начал сомневаться.
- (2) В восемь утра я засомневался.
- (3) В восемь утра я уже сомневался.
- (4) В восемь утра я сомневался.

Очевидно, что в первом и втором случаях в момент времени «восемь утра» произошел переход от состояния «не сомневался» к состоянию «сомневался». В третьем случае о моменте перехода ничего не говорится и лишь указывается, что в момент времени «восемь утра» ситуация «сомневался» имела место, а в некоторый (возможно, весьма отдаленный) момент времени в прошлом эта ситуация места не имела. Тем самым по отношению к четвертому примеру в первых двух примерах имеет место сдвиг «окна наблюдения» на начало ситуации, а в третьем – нет. Кроме того, конструкции, использованные в примерах (1) и (2), могут сочетаться с фазовым наречием, использованным в примере (3), ср.:

- (1а) В восемь утра я уже начал сомневаться.
- (2а) В восемь утра я уже засомневался.

Это говорит о том, что в примерах (1) и (2), с одной стороны, и в примере (3), с другой, применены разные типы семантических операторов. Если морфологический инхоатив (*засомневался*) и конструкция с фазовым глаголом (*начал сомневаться*) фактически выражают иную ситуацию, чем исходный предикат (*сомневался*), то конструкция с фазовым наречием (*уже сомневался*) лишь оценивает эту ситуацию с точки зрения ее существования в некоторый момент времени в прошлом. Тогда под определение фазовости в том виде, в котором оно дано выше, больше подходит второй семантический оператор (конструкция с фазовым наречием), а не первый (конструкция с морфологическим инхоативом или фазовым глаголом).

Термин «фазовость» как название категории, выражаемой в русском языке фазовыми наречиями, оказывается неудобным. Ведь в большинстве работ, где используется этот или похожий термины, речь идет именно о сегментации ситуации, о перенесении «окна наблюдения» на одну из фаз ситуации, что соответствует значениям, выраженным в примерах (1, 2) (см. [Plungian 1999: 313]). Если в языке есть специальные формы глагола для примеров типа (1, 2) и специальные грамматические показатели для примеров типа (3), логичнее было бы различать эти формы как аспектуальную (1, 2) и неаспектуальную (3). Для неаспектуальной категории можно использовать уже существующий термин «фазовая полярность»² (см. [Плунгян 2003: 307]), поскольку, с одной стороны, значение, выражаемое наречием в (3) соотносит полярность (т.е. наличие / отсутствие) ситуации в указанный момент с некоторым моментом в прошлом, а с другой стороны – указывает на **наличие** у описываемой ситуации фазы начала. Именно этот термин будет использован в данной работе.

Из терминов, предложенных для различных значений данной категории, неудобным представляется также термин «инхоатив», который широко используется для морфологического выражения аспектуального значения начинательности (как *засомневался* в

² Альтернативный термин, который можно предложить для данной категории, – «относительная полярность», т.е. полярность ситуации в указанный момент времени относительно ее же полярности в некоторый другой момент времени (ср. «relative negation» в [Comrie 1985: 53–54]).

(2)), то есть для форм, которые обозначают сдвиг «окна наблюдения» на точку начала ситуации. В данной работе этого термина мы будем по возможности избегать.

Значения, передающиеся в русском языке наречиями *уже* и *еще* в сочетании с отрицанием, и стратегии их выражения в языках Европы рассматриваются подробно в [van der Auwera 1998]. В этой работе важное дополнение к определению фазовых значений, приведенному выше, состоит в том, что «положение дел и момент времени, о котором идет речь, соотносятся (i) с положением дел и моментом времени, предшествующим данному, или (ii) с альтернативным положением дел, либо предшествующим, либо следующим за тем, о котором идет речь»³. Эти значения формируют категорию, для которой в указанной работе не предлагается специального термина; что же касается четырех возможных значений этой категории, предложенные для них в [van der Auwera 1998] термины частично отличаются от используемых В.А. Плунонгом, ср. таблицу 2.

Таблица 2

Соотношение терминов для различных фазовых значений

Термин по [Плунон 2011]	Термин по [van der Auwera 1998]	t ₀	t ₁
инхоатив	inchoative	–	+
терминатив	discontinuative	+	–
континуатив	continuative	+	+
кунктатив	continuative negative	–	–

Из этих четырех терминов также неудобен «инхоатив». Термин «отрицательный континуатив» представляется неудачным, поскольку он недостаточно компактен.

Тем самым, если вопрос о названии категории может быть решен «малой кровью», то вопрос о терминах для четырех возможных значений данной категории остается открытым. Однако существуют системы, в которых четыре значения выражаются двумя показателями (как, например, в русском языке наречие *уже* для одной пары значений и наречие *еще* – для другой). В таких системах представляется удобным использовать термины «дисконтинуатив»⁴ (для значений 'уже') и «континуатив» (для значений 'еще'). Как будет показано ниже, такой оказывается и атаяльская система, поэтому в данной работе везде, где это возможно, будет использована пара терминов «дисконтинуатив / континуатив». В случаях когда будет необходимо апеллировать к каждому из четырех значений в отдельности, мы будем придерживаться терминологии [van der Auwera 1998], но каждый термин будет заключаться в таком случае в кавычки.

1. НЕОБХОДИМЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ В АТАЯЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Атаяльский язык распространен на острове Тайвань в префектурах городов Тайпей, Таюань, Синьдзу, Мяоли, Тайджун, Наньтоу, Хуалянь и Илань. Как и большинство австронезийских языков (по [Blust 2009: 343]), атаяльский язык является агглютинативным синтетическим языком.

³ «In conformity with past descriptions... I hold that it is necessary that the state of affairs and time referred to be related to (i) the state of affairs and time preceding the ones referred to, or (ii) an alternative state, whether it be preceding or following» [van der Auwera 1998: 39].

⁴ Как верно указал анонимный рецензент, термин «дисконтинуатив» также не является идеальным, поскольку, например, в англоязычной терминологии существует термин «discontinuative past» («дисконтинуативное прошлое»), соответствующий русскому термину «сверхпрошлое».

1.1. Система «залога» в атайальском языке

В атайальском языке наблюдается четырехчленная система «залогов». Четыре формы, образующие систему «залога», не являются собственно залоговыми в привычном понимании, о чем речь пойдет ниже. Поэтому термин «залог» в данной статье будет братья в кавычки и предпочтение будет отдаваться термину «фокус» (который принят в тайваньской австронезистике, а также в работах таких австронезистов, как С. Староста⁵). Система атайальских «залогов» представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Система фокуса в атайальском языке (по [Liu 2004: 26])⁶

Фокусная форма	Показатель	
Агентивный фокус AF	<i>m- / -m- / ∅</i>	
Неагентивный фокус NAF	Пациентивный фокус PF	<i>-un</i>
	Локативный фокус LF	<i>-an</i>
	Инструментальный фокус IF	<i>s-</i>

При каждом из «залогов» в синтаксически привилегированную позицию выдвигается либо группа, обозначающая один из ядерных актанта предиката (при агентивном или пациентивном фокусе), либо группа, обозначающая дополнительного участника ситуации (инструментальный / бенефактивный фокус) или место / время ситуации (при локативном фокусе). В исследуемом варианте атайальского языка категория падежа различается только у личных местоимений. Поэтому традиционно считается (ср. [Rau 1992]), что синтаксическая привилегированность именной группы в предикации заключается в том, что актанта или сирконстанта, будучи выражен прономинально, маркируется номинативом (в отличие от других групп, которые маркируются генитивом), а будучи выражен полной именной группой, занимает позицию на правой периферии предикации. Однако в отношении полных именных групп это утверждение не совсем верно⁷. С учетом сказанного, можно с некоторой осторожностью утверждать, что базовый порядок слов в атайальском языке – VOS, но он не является единственно возможным.

Многие исследователи склоняются к тому, что атайальский (и австронезийский) «залог» собственно залогом не является. Так, в последние два десятилетия во многих работах, касающихся стратегии кодирования актанта в данном языке, AF-формы рассматриваются как непереходные предикаты, в то время как все NAF-формы считаются производными переходными предикатами (ср. [Starosta 2002]). Тем самым «залог» оказывается повышающей актанта деривацией, что для залога в привычном понимании этого термина не характерно.

⁵ Подробнее по вопросу терминологии см. [Starosta 2002; Himmelman 2002].

⁶ В таблице приводятся только показатели фокуса в утвердительной декларативной форме, поскольку прочие формы в данной статье не рассматриваются.

⁷ Так, при трехвалентных глаголах (например, *beq* 'давать'), как указывается в [Huang 1993], в локативном фокусе (для таких глаголов он продвигает в синтаксически привилегированную позицию реципиента) порядок полных именных групп пациенса и реципиента может быть любым (то есть крайнее правое положение может занимать и пациенс). Кроме того, существуют случаи, когда правее такой группы может стоять другая именная группа, кореферентная генитивной прономинальной клитике при предикате, но синтаксический статус такой группы пока не ясен, а само явление не изучено (см. примеры в разделе 2.1).

Действительно, зачастую AF- и NAF-формы одной основы отличаются актантной структурой, как в примерах (5) и (6):

- (5) *piu=ku* **k:m:ayal**
 PRG=1SG.N AF:говорить
 'я говорю'
- (6) *piu=mu* **kyal-un**
 PRG=1SG.G говорить-NAF
 'я говорю ему / с ним'

Так, в примере (5) употреблена AF-форма от основы *kayal* 'говорить', и адресата при этой форме выразить нельзя. В примере (6), с другой стороны, употреблена NAF-форма от той же основы, и, несмотря на отсутствие явно выраженной группы адресата, пример (6) трактуется как ситуация с адресатом.

В отличие от залогов в привычном понимании этого термина, среди фокусов в атаяльском языке нельзя выделить один, от формы которого прочие формы можно было бы считать производными (см. Таблицу 3). Кроме того, как указывает [Сирк 2008: 283] со ссылкой на [Шкарбан 1995: 110–114], «залоговая» форма, при которой привилегированную позицию в предложении занимает агенс («активный залог»), как и во всех австронезийских языках филиппинского типа, выражает минимальную интенсивность действия, или максимальную инактивность⁸.

Большинство глаголов в атаяльском языке допускает лишь две «залоговые» формы (форму агентивного фокуса и форму одного из неагентивных фокусов – пациентивного, локативного или инструментального), а некоторые глаголы допускают лишь одну форму, причем не обязательно форму агентивного фокуса. При этом зачастую существует ощутимое различие между семантикой двух «залоговых» форм от одной предикатной основы (ср. *baq* 'уметь' (AF-форма) и *baqun* 'знать' (PF-форма)).

Из-за всех вышеперечисленных особенностей атаяльской «залоговой» системы мы предпочитаем термин «фокус» термину «залог», хотя и не считаем термин «фокус» удачным.

1.2. Аспектуальная система атаяльского языка

Аспектуальная система атаяльского языка строится вокруг формы фактатива⁹. Под фактативом понимается такая форма глагола в атаяльском языке, которая, с одной стороны, не имеет никаких специальных видо-временных показателей, а с другой стороны, в зависимости от контекста и акционального класса предиката может иметь практически любую видо-временную характеристику. В частности, эта форма может обозначать событие в прошлом (7) или будущем (8), состояние (9–10) или процесс (11–12) в прошлом или настоящем, а также регулярно повторяющуюся ситуацию (13).

- (7) *sasan soni k:m:ayal squleq mha p-behuy kira ma*
 утро сегодня AF:говорить человек CMPL PROS-ветер сейчас QUOT
 'Утром сказали, что сегодня будет тайфун'.
- (8) **m-wah** *suxan ssuy=mu kneril*
 AF-прийти завтра старший.родственник=1SG.G женщина
 'Завтра придет моя старшая сестра'.
- (9) *s-ragan ga qyinut=sami balay*
 ADV-древний TOP бедный=1PL.EXC.N настоящий
 'В древности мы были очень бедны'.

⁸ К сожалению, автор указанной монографии не уточняет, что имеется в виду.

⁹ Также именуется «нейтральным видом» в [Egerød 1965]; «нейтральной видо-временной формой» в [Сирк 2008: 302]; «формой настоящего времени» в [Rau 1992]; «формой имперфектива» в [Liu 2004]. Термин «фактатив» был предложен для подобной формы в [Welmers 1973] и использован для аналогичных форм в языках мира в [Шлуинский 2012].

- (10) **m-naga**=ku гаҗи=mu
 AF-ждать=1SG.N друг=1SG.G
 'Я жду друга'.
- (11) ana niu m-ouay balay qu squleq qani
 хотя PRG/RES AF-устать очень DEF человек этот
 si ga **m-hkaҗi** ha
 ASR TOP AF-идти.пешком EMPH
 'Хотя этот человек очень устал, он все же идет'.
- (12) **m-qumah**=sami tiqah shera
 AF-работать.в.поле=1PL.EXC немного вчера
 'Мы вчера немного поработали в поле'.
- (13) **m-qumah**=ku kҗiax
 AF-работать.в.поле=1SG.N постоянно
 'Я постоянно работаю в поле'.

Наряду с формой фактатива и помимо довольно специфичных форм проспектива и авертива, которые для настоящей статьи интереса не представляют, в атаяльском языке можно выделить три аспектуальных или околоаспектуальных формы: форму прогрессива / результатива, форму перфекта / комплетива и форму нерезультативного прошедшего.

Форма прогрессива / результатива образуется при помощи пары вспомогательных глаголов *tiu(x) / niu(x)* (лексическое значение – 'находиться вдали / вблизи от говорящего'). Выбор вспомогательного глагола зависит от того, как расположено место ситуации относительно дейктического центра. В большинстве случаев конструкция имеет прогрессивную интерпретацию. Результативная интерпретация возможна лишь с малым классом глаголов (в частности, с глаголом *quji* 'вешать / висеть'). Для предикатов этого класса выбор интерпретации зависит от фокуса: при агентивном фокусе имеет место прогрессивная интерпретация (14), в то время как при неагентивном – результативная интерпретация (15).

- (14) **niu**=ku traҗ **q:m:uji** lukus
 PRG/RES=1SG.N FPRG AF:вешать/висеть одежда
 'Я как раз сейчас вешаю одежду'.
- (15) **tiu**=mu **s-quji** lukus
 PRG/RES=1SG.G NAF-вешать/висеть одежда
 '~Одежда повешена мной (и висит там)'.

Рассматриваемая форма тем самым обозначает длящуюся фазу некоторой ситуации (состояние, процесс, результирующее состояние процесса или события). При этом в случае, если фактатив некоторого предиката сам по себе обозначает такую длящуюся фазу, форма прогрессива вносит дополнительную семантику временности обозначаемой ситуации, ср.:

- (16) **m-aki**=ku gako
 AF-находиться=1SG.N школа
 'Я нахожусь в школе' (допустимо и в случае, если говорящий живет в школе и никогда не покидает ее территории).
- (17) **niu**-ku **m-aki** gako
 PRG/RES=1SG.N AF-находиться школа
 'Я (именно в указанный момент) нахожусь в школе' (допустимо, только если говорящий бывает в школе, но не всегда находится в ней).

Это свойство формы прогрессива / результатива важно для понимания семантики показателя *na* в атаяльском языке, о котором речь пойдет в разделе 4.

Форма со вспомогательным глаголом *wa(l)* (< *wayal*, лексическое значение 'уйти') имеет целый ряд аспектуальных значений, из которых наиболее частотны – значение перфекта (18) и комплетива (19). В «окне наблюдения» этой формы в большинстве случаев находится момент достижения ситуацией ее предела или момент перехода в стативную фазу ситуации.

(18) *wa=ku m-lukus la*
 PRF=1SG.N AF:надевать DCNT
 'Я уже оделся'. (Контекст: «Уже можно зайти? – Да, можно: ...»)

(19) *wa koh-un masij qu ngux qasa la*
 PRF пугать-NAF M. DEF медведь тот DCNT
 'Масин уже до смерти напугал того медведя'.

Наконец, у формы с инфиксом *-in-*, в дальнейшем именуемой формой нерезультативного прошедшего, можно выделить аспектуальные (и околоаспектуальные) значения сверхпрошлого (20), антирезультатива (21), экспириентива (22) и делимитатива (23):

(20) *m-in-smoya=ku tiqah gal-an pɕbaq biru*
 AF-FP-хотеть=1SG.N немного брать-NAF учить книга
 'Я (раньше) хотел работать учителем (теперь не хочу)'.

(21) *m-in-shreq likuy=nia qu kneril qasa*
 AF-FP-покинуть мужчина=3SG.G DEF женщина тот
 'Та женщина уходила от мужа (а потом снова к нему вернулась, сейчас она с ним)'.

(22) *m-in-nbuw=ku qwaw tayal*
 AF-FP-пить=1SG.N вино атаял
 'Я (как минимум раз в жизни) пил атаяльское вино'.

(23) *tiuwal giah p:in:lukus=mu lukus=mu qani*
 три день FP.NAF:надевать/носить=1SG.G одежда-1SG.G этот
 'Я пронесил эту одежду три дня'.

В данной статье нас прежде всего будут интересовать экспириентивные и делимитативные употребления данной формы.

1.3. Система отрицания в атаяльском языке

Последняя категория, описание которой необходимо для дальнейшего изложения, – это категория отрицания. В атаяльском языке отрицание образуется аналитически при помощи двух вспомогательных глаголов, *ini* и *yat*, ср.:

(24) *ini=ku pnet quleh*
 NEG=1SG.N AF.DEP.ловить.рыбу рыба
 'Я не ловлю рыбу'.

(25) *yat=ku pnet quleh*
 NEG=1SG.N AF.ловить.рыбу рыба
 'Я не буду ловить рыбу'.

Грамматика [Rau 1992: 169] называет их провербами, однако *ini* и *yat* принадлежат к знаменательным частям речи, поскольку несут на себе фразовое ударение, могут употребляться независимо как отдельные высказывания и к ним присоединяются прономинальные клитики. Грамматика говорит не о двух, а о четырех таких «провербах». Однако «провербы» *bali* (также *wali*, форма субъюнктива от глагола *wal* 'уйти') и *laxi* (форма субъюнктива от глагола *lax* 'бросить') образуют конструкции с модальным значением

(уступительное и прохибитивное соответственно). Нас же интересуют индикативные независимые контексты, поэтому эти две конструкции в данной статье не рассматриваются.

Вспомогательные глаголы *ini* и *yat* имеют довольно тонкие различия в семантике, которым посвящена статья [Huang, Davis 1989]. Так, конструкция со вспомогательным глаголом *ini* (смысловый глагол в такой конструкции выступает в особой «зависимой» форме) обычно означает, что ситуация, выражаемая смысловым предикатом, не завершилась к релевантному моменту времени (для предельных предикатов) или не имеет места в релевантный момент времени (для непредельных предикатов). Иными словами, эта конструкция обозначает актуальное состояние, характеризующееся отсутствием самой ситуации (26) или ее результата (27) на релевантный момент времени.

(26) **ini** **рууңау** **squleq**
 NEG AF.DEP.быть.обезьяной человек
 'Человек не обезьяна'.

(27) **ini=ku** **beqi** **minbajin=mu** **qeqaуа**
 NEG=1SG.N AF.DEP.дать покупка=1SG.G вещь
 'Мне не отдали покупки'.

Вспомогательный глагол *yat* образует две конструкции отрицания: с формой нерезультативного прошедшего (28) и с формой фактатива (29). В первом случае конструкция имеет значение отсутствия опыта некоторой ситуации на момент речи (~ отрицательный экспериентив). Во втором случае конструкция обозначает, что на момент речи нет и не ожидается предпосылок или возможности для того, чтобы ситуация имела место в неопределенном (обычно близком) будущем (~ отрицательный проспектив / потенциалис).

(28) **yat** **m-in-bba** **qba=mu**
 NEG AF-FP-опухать рука=1SG.G
 'У меня никогда не опухала рука'.

(29) **yat** **qwalah**
 NEG дождь
 '(Судя по всему,) дождя не будет'.

Несмотря на то что, как и ожидается от отрицательной конструкции (согласно [De Swart, Molendijk 1999]), все рассмотренные выше выражения имеют акциональное значение состояния, специфичность значений конструкции со вспомогательным глаголом *yat* дает нам право ожидать, что показатели фазовой полярности не будут свободно сочетаться с этой конструкцией. Действительно, если континуатив предполагает, что у делящейся фазы ситуации есть (ожидается) окончание, это противоречит семантике формы из примера (29). Если же дисконтинуатив предполагает, что у делящейся ситуации есть начало (и это начало уже наступило), в таком случае семантика дисконтинуатива находится в конфликте с семантикой формы из примера (28). Как будет продемонстрировано ниже, показатели фазовой полярности в атаяльском языке действительно сочетаются с данными отрицательными конструкциями не свободно.

2. ПОКАЗАТЕЛИ *LA* И *NA*: ГРАММАТИКАЛИЗОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ФАЗОВОЙ ПОЛЯРНОСТИ

Грамматика [Rau 1992] в разделе, посвященном «финальным частицам с временным значением», кратко описывает две частицы – *la* и *na*. Для обеих дается несколько значений (вернее, несколько английских выражений, которыми можно было бы перевести эти частицы в разных контекстах). Эти значения – 'already' (для частицы *la* в положительном контексте, пример (30)), 'not any more' (для частицы *la* в отрицательном контексте,

пример (31)), 'still' (для частицы *na* в положительном контексте, пример (32)), 'not yet' (для частицы *na* в отрицательном контексте, пример (33)) [Rau 1992: 158–159]¹⁰:

- (30) waN gal-un squliq la ga'
PRF взять-NAF человек DCNT Q
'Она уже вышла за кого-нибудь замуж?'
- (31) misuw qa l¹¹-ga unat la
теперь этот DCNT-TOP нет DCNT
'Теперь мы уже больше этого не делаем.'
- (32) ini ptas-i ga laqi qasa na ma
NEG татуировка-NAF.DEP TOP ребенок тот CNT QUOT
'Если она еще не татуирована, считалось, что она еще ребенок'.
- (33) ini wah hiya na
NEG DEP.идти.сюда он CNT
'(Когда я пришел,) он еще не пришел'.

Уже приведенного материала достаточно для предположения о том, что указанные частицы выражают фазовые значения. На основе приведенных примеров можно было бы предположить такие кластеры значений: *la* – дисконтинуатив; *na* – континуатив. Но прежде чем обратиться к подробному описанию семантики данных показателей, рассмотрим вопрос о том, являются они самостоятельными лексическими единицами (аналогично русским наречиям *уже*, *еще*) или же это показатели отдельной грамматической категории.

2.1. Формальные признаки показателей *la* и *na*: фиксированное положение в предложении

Показатели *na* и *la*, в отличие от самостоятельных лексических единиц – наречий, имеют фиксированное положение в предложении. Так, показатель *na* линейно располагается на правой периферии предикации, но левее полной именной группы, ср.:

- (34) ini=ku wah na
NEG=1SG.N DEP.прийти CNT
'Я еще не пришел'.
- (35) ini wah na ya¹¹
NEG DEP.прийти CNT мама
'Мама еще не пришла'.

Если в предложении более одной полной именной группы, то правее показателя *na* может быть одна именная группа (эту линейную позицию, как указано в разделе 1, в атайльском языке занимает подлежащее) или несколько именных групп (если одна из них кореферентна местоименной клитике при глаголе¹²). Так, в примере (36) нет местоименных клитик (глагол употреблен в агентивном фокусе), и частица *na* занимает позицию правее именной группы, обозначающей прямой объект, но левее группы, обозначающей субъект ситуации. В примере (37) местоименная клитика *nia* кореферентна

¹⁰ Примеры из грамматики даны в графике источника, глоссы наши.

¹¹ Как будет показано в разделе 2.1, в сочетании с частицами *ga* (топикализация), *ro* (союзность), *ma* (эвиденциальность) частица *la* теряет гласный.

¹² В этом случае именная группа, кореферентная местоименной клитике, располагается на правой границе предложения, как в примере (37), что противоречит данным о том, что крайняя правая позиция закреплена за подлежащим. Синтаксическая структура таких примеров на данный момент не изучена, и их допустимость отрицается в существующих описаниях, например в [Huang 1993].

именной группе *masij* 'Масин', которая расположена правее подлежащего (глагол использован в неагентивном фокусе, а значит, подлежащим является группа *ɲarux qasa* 'тот медведь'), и частица *na* располагается левее обеих:

(36) *tiu hiŋkaŋi ɲarux na masij*
 PRG/RES AF.искать медведь CNT M.
 'Масин все еще ищет медведя'.

(37) *ini- nia lɬu-y na ɲarux qasa qu masij*
 NEG-3SG.G найти-NAF.DEP CNT медведь тот DEF M.
 'Масин еще не нашел того медведя'.

Показатель дисконтинуатива *la*, в отличие от показателя континуатива, всегда линейно расположен на правой границе предложения; правее него не может быть никаких групп, выраженных знаменательными частями речи. Из показателей, способных располагаться (и всегда располагающихся) правее данного, можно назвать только три частицы: показатель топикализации *ga* (в сочетании с показателем *la* эта частица маркирует условные и темпоральные придаточные, пример (38)), показатель союзности *ro* (39) и показатель эвиденциальности *ma* (40). Все эти частицы располагаются на правой границе клаузы, которую оформляют. Со всеми тремя частица *la* образует фонетически единый комплекс, в котором собственный гласный частицы теряется, ср.:

(38) *sasan meyiboq s-an m-ita l-ga ini k.takuy*
 утро рано идти-NAF AF-смотреть DCNT-TOP NEG DEP.унасть
 'Рано утром, когда (я) пошел посмотреть, (дерево) не упало'.

(39) *ariŋ-yi laqi l-ga kial-un*
 начать-& ребенок DCNT-TOP говорить-NAF
qa ke ckoku qu ya-ya-yaba=nha l-ro
 DEF речь Китай DEF мама-пана=3PL.G DCNT-&
si luhij ini q.baq ke tayal la
 ASR абсолютно NEG DEP.мочь речь атаял DCNT
 'С ними с детства их родители говорят по-китайски, и они совсем не умеют говорить по атаяльски'.

(40) *puqij=nia balay ga*
 особый=3SG.G очень TOP
niu k-m-ayal mha-yi kneril ga
 PRG/RES AF:говорить CMPL-& женщина TOP
kneril kia qa m-qelaŋ qumah l-ga
 женщина там этот AF-ленился работать.в.поле DCNT-TOP
papu musa riŋa ipau qani m-yuŋau l-ga
 что MOD AF.похож Ипай этот AF-обезьяна DCNT-TOP
musa m-yuŋau l-ma
 MOD AF-обезьяна DCNT-QUOT
 'Цель (этой легенды) – сказать, что, если женщина станет лениться в поле, она, как и Ипай, станет обезьяной'.

2.2. Высокая частотность показателей *la* и *na*

Частота употребления этих частиц указывает на то, что это сильно грамматикализованные элементы: на 842 предикации¹³ в устном корпусе приходится 292 показателя¹⁴

¹³ Статистика может иметь погрешность, поскольку количество предикаций считалось не вручную, а поиском по обязательным показателям. Тем самым точность статистики зависит от полноты глосс в корпусе.

¹⁴ Включая 180 показателей фазовой полярности в составе комплекса, оформляющего темпоральные клаузы и, предположительно, имеющего дополнительное таксисное значение.

фазовой полярности. При этом из-за жесткого линейного расположения данных частиц их употребление в предикациях и полипредикативных конструкциях ограничено количественно. Так, в одной предикации может присутствовать только один показатель (*la* или *na*). Кроме того, такой показатель в полипредикативной конструкции может оформлять оба предиката только в случае, если эти предикаты описывают две отдельные ситуации, поскольку тогда семантически зависимая предикация (темпоральная или условная клауза) располагается слева от семантически главного предиката (как в (41)). Иными словами, такой показатель не может оформлять два предиката, если один из них является сентенциальным актантом другого (*musa* относительно *qbaq* в (41), *musa* относительно *benri* в (42)) или если они составляют глагольную цепочку (*musa mtyaw* в (42)):

- (41) m-sluxi qutux-i tuqi qasa l-ga
 AF-обвал один-& дорога этот DCNT-TOP
 ana qalaŋ qani ini qbaq (*la)
 но поселок этот NEG DEP.знать
 m-usa hogal uyi la
 AF-идти равнина тоже DCNT
 'Когда на эту гору свалился обвал, (люди) в ауле не знали, как идти на равнину'.
- (42) kwarə squleq ga ini benri (*la) m-usa (*la) m-tyaw la
 все человек TOP NEG удобно AF-идти AF-работать DCNT
 'Всем людям (теперь) неудобно идти работать'.

2.3. Обязательность показателей *la* и *na*

В пользу того, что в атаяльском языке есть грамматическая категория фазовой полярности, говорит также существование контекстов, где употребление того или иного показателя фазовой полярности обязательно. Так, показатель *la* оказывается обязательным в контексте пунктивных глаголов. В примере (43), в частности, опустить показатель *la* нельзя, хотя в аналогичном русском предложении опустить наречие *уже* вполне можно.

- (43) pgyaw hojil=mu *(la)
 AF.потерять собака=1SG.G DCNT
 'У меня потерялась собака'.

Несколько сложнее найти контекст, в котором обязательным оказался бы показатель *na*. Это является следствием его семантики, поскольку, как будет показано в разделе 4, он обозначает не только ситуацию, которая продолжается, но и ситуацию, которая, как ожидается (или точно известно), закончится после описываемого момента. В случае когда о дальнейшей ситуации известно, что она закончится, показатель *na* становится обязательным, как в (44).

- (44) ini =ta q.aneq *(na) ga lama=ta mima qba
 NEG=IPL.INC DEP.кушать CNT TOP сначала=IPL.INC мыть рука
 'Перед едой (букв. «пока мы еще не едим») мы сперва моем руки'.

Тем самым в атаяльском языке категория фазовой полярности выражается грамматическими средствами, регулярно и в определенных контекстах обязательно. Каким же образом четыре возможных фазовых значения выражаются двумя показателями? Этому вопросу посвящен следующий раздел данной статьи.

3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФАЗОВОЙ ПОЛЯРНОСТИ С ОТРИЦАНИЕМ

В статье [van der Auwera 1998] рассматриваются различные стратегии выражения четырех фазовых значений в языках Европы и системы делятся на симметричные и асимметричные. В симметричных системах четыре значения распределяются между

двумя показателями и их сочетаниями с отрицанием, объединяясь в пары {«инхоатив», «дисконтинуатив»} и {«континуатив», «отрицательный континуатив»}. Примерами таких систем являются системы русского и испанского языков. Асимметричные системы могут быть организованы при помощи одного показателя, в разных комбинациях с отрицанием допускающего разные интерпретации ('еще' («континуатив»), 'еще не' («отрицательный континуатив»), 'не еще' (= 'уже не', «дисконтинуатив»)), при этом система не имеет показателя для значения 'уже' («инхоатив»)¹⁵. Пример такой системы – албанский. Другой вариант асимметричной системы – когда все четыре значения имеют отдельные показатели, из которых показатели «отрицательного континуатива» и «дисконтинуатива» являются элементами отрицательной полярности (NPI). Примером такой системы является английский.

Тем самым, если в языке четыре фазовых значения распределены между менее чем четырьмя показателями, такое распределение становится возможным за счет взаимодействия с отрицанием. Если показатель фазовой полярности один (скажем, со значением 'еще'), он может как входить в семантическую сферу действия отрицания ('не верно, что ситуация X еще имеет место' ~ 'уже не X'), так и включать отрицание в свою семантическую сферу действия ('еще не верно, что ситуация X имеет место' ~ 'еще не X'). Если показателей фазовой полярности два, то, скорее всего, это показатели для значений «континуатива» и «инхоатива», которые включают в свою семантическую сферу действия отрицание. Именно так ведет себя симметричная система, и именно такую систему мы ожидаем видеть в атаяльском языке, исходя из того, что показателей фазовой полярности здесь два.

Как было сказано в разделе 1, отрицание в атаяльском языке образуется аналитически при помощи одного из двух вспомогательных глаголов: *ini* и *yat*. Частицы *na* и *la*, как было показано в разделе 2.1, линейно расположены на правой периферии предложения, в то время как вспомогательные глаголы расположены на левой. Вспомогательные глаголы отрицания входят в семантическую сферу действия показателей фазовой полярности, что демонстрируют примеры (45) и (46). В них интерпретация с инвертированной сферой действия («неверно то, что человек уже обезьяна», «неверно то, что рис еще готов») недопустима.

(45) *ini ruɟaɟ squleq la*
 NEG DEP.быть.обезьяной человек DCNT
 'Человек уже не обезьяна'.

(46) *ini hoqil na mami*
 NEG DEP.готовый CNT рис
 'Рис еще не готов'.

Тем самым грамматическая категория фазовой полярности в атаяльском языке организована симметрично, аналогично системам фазовых наречий в русском и испанском языках. Мы глоссируем частицы *la* и *na* в соответствии с их семантикой DCNT (discontinuative) и CNT (continuative).

4. ДИСТРИБУЦИЯ И СЕМАНТИКА ПОКАЗАТЕЛЯ *na*

Предполагается, что показатель континуатива имеет более узкую сочетаемость, чем показатель дисконтинуатива. Это ожидание основано на том, что продолжение ситуации возможно лишь в том случае, когда у ситуации есть длящаяся фаза, и лишь применительно к форме, которая эту фазу обозначает, в то время как начало и за-

¹⁵ По крайней мере систем, выражающих значение «инхоатива» при помощи сочетания показателя континуатива с отрицанием, не зафиксировано в [van der Auwera 1998], хотя теоретически это значение представимо в виде «не еще не».

вершение ситуации возможно вне зависимости от того, какие естественные фазы у данной ситуации есть. В атаяльском языке показатель континуатива *na* отвечает этим ожиданиям.

В отрицательном контексте частица *na* сочетается только с отрицательными конструкциями с *ini* (47–48), а в случае вспомогательного глагола *yat* – только с конструкцией с формой нерезультативного прошедшего (49).

(47) **ini kayal na sinsi**
 NEG DEP.говорить CNT учитель
 'Учитель еще не говорит'.

(48) **ini tehok na qalaŋ ruanan**
 NEG DEP.достичь CNT поселок П.
 'Еще не приехали в поселок Пьянан'.

(49) **yat=ku m-n-aneq na pinhapuy=su**
 NEG=1SG.N AF-FP-есть CNT стряпня=2SG
 'Я еще (никогда) не ед твою стряпню'.

Как было сказано в разделе 1, в целом конструкции с глаголом *ini* обозначают такое состояние, когда обозначаемая ситуация не произошла или не происходит, в то время как конструкция с *yat* и формой фактатива имеет значение 'нет и не ожидается предпосылок / возможности осуществления ситуации X'. Предположительно, невозможность употребления показателя континуатива *na* в примерах типа (29) из раздела 1 связана с дополнительной семантикой континуатива, о которой речь пойдет ниже.

В положительном контексте данный показатель может сочетаться только с формой прогрессива (50), результата (51) и с немаркированной формой тех глаголов, которые не допускают форму прогрессива (52):

(50) **tiu m-kkayal na sajiŋ kneril qasa**
 PRG/RES AF-болтать CNT два женщина тот
 'Те две женщины все еще болтают'.

(51) **tiu=mu s-quji na lukus**
 PRG/RES=1SG.G NAF-вешать/висеть CNT одежда
 'Одежда (которую я повесил) все еще висит там'. (букв. «Одежда все еще там повешена мной».)

(52) **ana ubeh tehoq qutux qbhol kawas qu squleq qasa**
 но скоро AF.достичь один сто год DEF человек тот
baq mhkaŋi nanaq na
 AF.мочь AF-ходить сам CNT
 'Хотя этому человеку скоро сто лет, он еще может сам ходить'.

При этом если глагол допускает форму прогрессива, показатель *na* не сочетается с его фактативной формой. Так, в (50) показатель прогрессива опустить нельзя. Причина этого запрета кроется в дополнительной семантике показателя континуатива.

Показатель континуатива используется только в контекстах, когда продолжение (или не наступление) ситуации противоречит ожиданиям или намерениям (то, что это значение зачастую совмещается с фазовостью, отмечается, например, в [Plungian 1999; Plungian 2003; 2011]; в [van der Auwera 1998] это значение считается непосредственной частью семантики континуатива). Иными словами, показатель континуатива в атаяльском языке означает, что ситуация имеет ту же полярность, что и в некоторый предшествующий момент времени, но отличается полярностью от ожидаемого положения дел. Так, в примере (53) ожидалось, что дети уже спят, но это не так, а в примере (54),

напротив, не ожидалось и не ожидается, что говорящий спит или будет спать. В первом случае показатель *na* используется, во втором – нет:

(53) swa ini ?abi na laqi qani
 почему NEG спать CNT ребенок этот
 'Почему этот ребенок еще не спит?'

(54) ini-ku ?abi
 NEG=1SG.N спать
 'Я не сплю (и в ближайшее время не собираюсь).'

Тем самым структура значения континуатива выглядит таким образом:

Таблица 4

Структура значения континуатива в атаяльском языке

t ₀ (предшествующий момент)	t ₁ (указанный момент)	t ₂ (ожидаемая ситуация)
ситуация имеет место	ситуация имеет место	ситуация не имеет места
ситуация не имеет места	ситуация не имеет места	ситуация имеет место

Такая структура значения объясняет, почему данный показатель при доступности формы прогрессива не сочетается с формой фактатива: как было сказано в разделе 1, форма прогрессива, сочетаясь с глаголами, которые в фактативе обозначают состояние или процесс, имеет дополнительное значение временности описываемой ситуации. Иными словами, прогрессив таких глаголов, в отличие от фактатива, подразумевает наличие потенциальной конечной фазы ситуации, что является необходимым условием для употребления показателя *na*.

Кроме того, такая структура значения объясняет, почему данный показатель недопустим в примерах с отрицательной конструкцией с *yat* и фактативом, как в примере (29) из раздела 1. Если такая конструкция означает, что предпосылок для осуществления некоторой ситуации нет и не ожидается, то показатель *na* несовместим с такой конструкцией в силу семантического компонента нарушенного ожидания.

5. ДИСТРИБУЦИЯ И СЕМАНТИКА ПОКАЗАТЕЛЯ LA

Показатель дисконтинуатива, как и можно было бы предположить, имеет более широкую дистрибуцию, чем показатель континуатива. Он сочетается с обеими формами отрицания (55–56):

(55) ini ruŋaɣa squleq la
 NEG DEP.обезьяна человек DCNT
 'Человек уже не является обезьяной'.

(56) yat=ku pnet quleh ?ariŋ kira la
 NEG=1SG.N AF.удить рыба начало сейчас DCNT
 'Я отныне больше не ужу рыбу'.

Данный показатель недопустим лишь в конструкции с отрицательным экспериментивом (57), что объяснимо. Действительно, состояние, в котором у субъекта еще нет опыта некоторой ситуации, не имеет начала: субъект изначально не имеет никакого

опыта. Поэтому невозможно представить себе ситуацию, в которой отрицательный экспериментивный контекст допускал бы показатель дисконтинуатива.

(57) *yat=ku m-n-aneq pinharuy=su la
NEG=1SG.N AF-FP-ссть стряпня=2SG DCNT

В положительном контексте показатель дисконтинуатива допустим с формами перфекта (58), прогрессива (60) и фактатива (59, 61) вне зависимости от того, имеет фактативная форма перфективное (59) или имперфективное (61) прочтение.

(58) wa m-hoqil squleq qasa *(la)
PRF AF-умереть человек тот DCNT
'Тот человек (букв. «уже») умер'.

(59) m-slaqi qsuyan=mu la
AF-родить старший=1SG.G DCNT
'Моя старшая (сестра) (букв. «уже») родила'.

(60) niu=sami kʔabi la
PRG/RES=1PL.EXC.N AF.ужинать DCNT
'Мы уже ужинаем'.

(61) m-qwalah la
AF-дождь DCNT
'Дождь уже идет'.

При этом во многих контекстах данный показатель оказывается обязательным (как в примере (58)), но при переводе на язык-посредник (китайский / японский) не требует вставки лексического эквивалента русского наречия *уже* (*yijing* в китайском¹⁶, *sudeni* в японском).

Кроме того, показатель дисконтинуатива в атаяльском языке сочетается с формой нерезультативного прошедшего в делимитативном значении, внося инклюзивное значение в семантику такой конструкции, ср.:

(62) qutux kawas p-in-qwas-an=nia laigako
один год FP:учиться-NAF=3SG.G университет
qu laqi=mu la
DEF ребенок=1SG.G DCNT
'Мой ребенок уже год учится в университете'.

(63) qutux kawas p-in-qwas-an=nia laigako qu laqi=mu
один год FP:учиться-NAF=3SG.G университет DEF ребенок=1SG.G
'Мой ребенок год учился в университете'.

Разница между примерами (62) и (63) состоит во временной локализации правой границы отрезка времени, который оценивается по длительности. Весь отрезок обязательно лежит на временной оси слева от момента речи. Однако в случае (62) ситуация «учится в университете» продолжается на момент речи, а значит, правая граница оцениваемого отрезка совпадает с моментом речи. С другой стороны, в (63) ситуация «учится в университете» уже некоторое время не продолжается, то есть правая граница оцениваемого отрезка лежит слева от момента речи. Это можно условно изобразить следующим образом:

¹⁶ При использовании китайского языка в качестве языка-посредника во всех контекстах, где показатель дисконтинуатива *la* обязателен, в переводе на китайский также присутствует фразовая частица *le*, о которой речь пойдет ниже. Однако для китайской фразовой частицы *le* характерна необязательность в контексте пунктивных предикатов и перфективных форм глагола (см., например, [Soh, Gao 2006]), что для атаяльской фразовой частицы не характерно.

Рис. 1. Ситуация, описываемая при помощи делимитатива и показателя дисконтинуатива

Рис. 2. Ситуация, описываемая при помощи делимитатива без показателя дисконтинуатива

Интересно, что аналогичным образом ведет себя фразовая частица *le*, занимающая позицию на правой границе клаузы, в делимитативных контекстах в китайском языке, ср.¹⁷:

(64) wo xue le liang nian de zhongwen le
я учить PFV два год ATR китайский.язык IAM
'Я уже два года учу китайский язык'.

(65) wo xue le liang nian de zhongwen
я учить PFV два год ATR китайский.язык
'Я два года учил китайский язык'.

В [Olsson 2013] китайская фразовая частица *le* анализируется как показатель ямитива (iamitive, «уже-перфект»). Если принять такую точку зрения, между показателем *le* в китайском и показателем *la* в атаяльском наблюдается некоторая семантическая близость, однако дистрибуция китайской фразовой частицы значительно шире, чем атаяльской¹⁸.

¹⁷ Примеры сконструированы нами, глоссы и перевод наши.

¹⁸ Как заметил анонимный рецензент, наличие семантической и фонетической близости между фразовыми частицами в атаяльском и китайском языках наводит на мысль о том, что атаяльская фразовая частица может быть результатом заимствования из китайского языка. К сожалению, никаких данных, способных подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, у нас нет.

Более того, аналогичный эффект наблюдается и у русского наречия *уже* в сочетании с делимитативными формами глагола, ср.:

(66) Я проучился уже два года (на момент речи говорящий продолжает учиться).

(67) Я проучился два года (неизвестно, продолжает ли говорящий учиться).

За счет чего же в атаяльском языке показатель *la* (как и другие показатели и лексические единицы с близкой семантикой в других языках) в контексте делимитатива имеет инклюзивное значение?

Можно было бы считать, что показатель дисконтинуатива обозначает, что в любой момент времени до описываемой ситуации ситуация имела иную полярность, чем в описываемый момент. Иными словами, семантику дисконтинуатива можно было бы сформулировать так: «в любой момент времени, предшествующий описываемой ситуации, данная ситуация еще не имела места». Тогда наличие в (62) или отсутствие в (63) показателя дисконтинуатива объяснялось бы следующим образом. В примере (62) в любой момент времени до момента речи длительность обучения еще не была равна году (тем самым не существует такого момента в прошлом, чтобы ситуация «проучился один год» уже имела бы место). В примере (63), с другой стороны, существует целый отрезок времени, в котором ситуация «проучился в университете один год» уже имела место. Однако при такой интерпретации семантики показателя *la* все примеры с показателем дисконтинуатива должны были бы трактоваться в том смысле, что смена полярности произошла только что, и в любой предшествующий момент времени она еще не произошла. Это не так, поскольку в примере (68), по утверждению информанта, ситуация «умереть» произошла в неопределенном прошлом (то есть неверно, что в любой момент до момента речи эта ситуация еще не имела места), а в примере (69) ситуация «учиться» уже какое-то время имеет место.

(68) wa m-hoqil yaba-yaya=mu la
 PRF AF-умереть отец-мать=1SG.G DCNT
 'Мои родители уже (некоторое время назад) умерли'.

(69) tiu m-qwas laigako laqi=mu la
 PRG/RES AF-учиться университет ребенок=1SG.G DCNT
 'Мой ребенок уже учится в университете'.

Есть, однако, другая возможность объяснить такое распределение значений между конструкциями с показателями дисконтинуатива и без него в контексте делимитатива. Если дополнить Рисунок 1, получим следующую картину:

Рис. 3. Ситуация, описываемая при помощи делимитатива и дисконтинуатива: полная версия

Ситуация, о которой идет речь, началась до указанного момента, длилась некоторое время до этого момента и продолжает длиться. Однако оценивается только тот ее отрезок, который лежит в прошлом относительно указанного момента. Его длительность будет меняться по мере продолжения ситуации, поэтому ситуация «X имеет место в течение времени t» перестанет иметь место. В примере (62), таким образом, наличие показателя *la* указывает на то, что существует момент времени в прошлом, когда ситуация «ребенок проучился один год» еще не имела места, и что существует момент времени в будущем, такой что ситуация «ребенок проучился один год» уже не будет иметь места. Для примера (63) верна только первая часть утверждения, поэтому показатель *la* не используется. Иными словами, показатель *la* указывает на то, что ситуация не только имеет иную полярность, чем в некоторый момент в прошлом, но и на то, что эта полярность должна смениться в будущем.

Тем самым мы постулируем следующую структуру значения показателя дисконти-уатива:

Таблица 5

Структура значения дисконтиуатива в атаяльском языке

предшествующий момент t_0	указанный момент t_1	ожидаемое положение дел t_2
ситуация имеет место	ситуация не имеет места	ситуация имеет место
ситуация не имеет места	ситуация имеет место	ситуация не имеет места

При такой формулировке значения дисконтиуатива многие особенности дистрибуции показателя *la* становятся понятны.

В частности, это объясняет необязательность показателя *la* в перфектных контекстах с инкрементальной темой – точным обозначением количества. Рассмотрим примеры (70) и (71). Наличие показателя дисконтиуатива в (70) означает, что говорящий собирается продолжать (или продолжает) пить, в то время как в (71) такого значения нет и говорящий, скорее всего, уже некоторое время не пьет и не собирается это делать в ближайшее время. Тем самым ситуация «говорящий выпил одну бутылку вина» в (70) неизбежно изменится в ближайшем будущем, а в (71) такого изменения не ожидается:

(70) wa=ku nbuw qutux yuyut qwaw la
 PRF=1SG.N AF.пить один бутылка вино DCNT
 'Я уже выпил одну бутылку вина (и выпью еще).'

(71) wa=ku nbuw qutux yuyut qwaw
 PRF=1SG.N AF.пить один бутылка вино
 'Я выпил одну бутылку вина'.

Таким образом, предложенная структура значения показателя дисконтиуатива представляется наиболее удобной и верной.

С точки зрения типологии стратегии выражения фазовых значений важны еще два аспекта семантики показателя дисконтиуатива. Во-первых, показатель дисконтиуатива, исходя из предложенной структуры значения, должен обладать «семантическим спутником» нарушенного ожидания, как и показатель континуатива (хотя, согласно [Плунгян 2011: 422], такой «семантический спутник» гораздо реже встречается у показателей дисконтиуатива). Показатель *la*, действительно, привносит дополнительное значение неожиданности в тех контекстах, где использование этого показателя необязательно, ср.:

(72) tiu m-lhaw laqi la
 PRG/RES AF-бодрствовать ребенок DCNT
 'Ребенок уже не спит'.

Пример (72) информант сопроводил комментарием о том, что ситуация должна быть неожиданной для говорящего или противоречить предыдущей реплике в диалоге. Например, (72) может служить ответной репликой на просьбу говорить потише, чтобы не разбудить ребенка. Наличие такого семантического спутника у показателя дисконтинуатива еще раз подтверждает верность анализа, предложенного в Таблице 5.

Во-вторых, согласно работе [van der Auwera 1998] различаются несколько типов «инхоатива»: с дополнительной семантикой «ситуация произошла раньше, чем ожидалось» (русский, английский), с дополнительной семантикой «ситуация произошла позже, чем ожидалось» (турецкий) и без дополнительной семантики (испанский). Атаяльский дисконтинуатив, очевидно, принадлежит к «испанскому типу»: в приведенных примерах прочтение с дополнительной семантикой возможно, но не обязательно (а в конструкциях с делимитативом сложно представимо). О европейских языках с таким «инхоативом» в [van der Auwera 1998: 62] постулируется, что они имеют тенденцию использовать один показатель для «инхоатива» и «дисконтинуатива», – то есть такие языки стремятся иметь симметричную систему выражения фазовых значений. Атаяльский язык, не будучи европейским, также соответствует этому постулату, поэтому возможно, что данная «евроверсалия» претендует на статус «универсалии».

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в атаяльском языке, наряду с категорией аспекта, имеет самостоятельное выражение категория фазовой полярности. Граммы данной категории выражают наличие или отсутствие начала и конца описываемой ситуации в прошлом и ожидаемом будущем. При этом от граммы данной категории не зависит, какая фаза попадает в «окно наблюдения», – это определяется аспектуальной формой и акциональным классом глагола. Иными словами, граммы категории фазовой полярности соотносят полярность ситуации в описываемый момент времени t_1 с полярностью той же ситуации в некоторый предшествующий момент t_0 , а также с ситуацией, которая, как ожидается, будет иметь место (или должна была иметь место) в некотором возможном мире в момент t_2 .

Тем самым структура грамматической категории фазовой полярности в атаяльском языке выглядит следующим образом («+» означает, что ситуация в указанный момент времени имеет место, «-» – что ситуация в указанный момент времени не имеет места):

Таблица 6

Структура категории фазовой полярности в атаяльском языке

	показатель	наличие отрицания	t_0	t_1	t_2
нейтральная форма		без отрицания	+/-	+	+
		с отрицанием	+/-	-	-
континуатив	<i>na</i>	без отрицания	+	+	-
		с отрицанием	-	-	+
дисконтинуатив	<i>la</i>	без отрицания	+	-	+
		с отрицанием	-	+	-

Показатели континуатива и дисконтинуатива имеют ряд общих и различных признаков. Так, эти показатели противопоставлены по линейному положению в предложении, а также по сочетаемости с аспектуальными формами и формами отрицания. Если первое различие сложно объяснить на данном этапе исследования, то второе целиком и полностью следует из собственной семантики показателей.

Оба показателя имеют «семантический спутник» – значение нарушенного ожидания, которое также следует из собственной семантики этих показателей и является типологически распространенным «расширением» значений фазовой полярности.

В целом система выражения фазовых значений в атайальском языке является симметричной (аналогично системам русского и испанского языков) и подтверждает наблюдения [van der Auwera 1998], сделанные на основе европейских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1/2/3SG/PL – лично-числовая характеристика прономинальных клитик; ADV – наречная форма; AF – агентивный фокус; ASR – ассертив; ATR – атрибутив; CMPL – комплементаризер; CNT – континуатив; DCNT – дисконтинуатив; DEF – определенный артикль; DEP – зависимая форма; EMPH – эмфатическая частица; EXC – эксклюзивная прономинальная клитика; FP – нерезультативное прошедшее, по одному из значений (framepast); FPRG – фокусированный прогрессив; G – генитивная прономинальная клитика; IAM – ямитив; INC – инклюзивная прономинальная клитика; MOD – модальный глагол; N – номинативная прономинальная клитика; NAF – неагентивный фокус; NEG – отрицание; PFV – перфектив; PRF – перфект; PRG/RES – прогрессив / результатив; PROS – проспектив; Q – вопросительность; QUOT – квотатив; TOP – топиализатор; & – сочинительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.
Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
Сирк 2008 – Ю.Х. Сирк. Австронезийские языки. Введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.
Шкарбан 1995 – Л.И. Шкарбан. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.
Шлуинский 2012 – А.Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Н.Н. Казанский (отв. ред.). Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2012.
van der Auwera 1998 – J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera, D. Ó Baoill (eds). Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin, 1998.
Blust 2009 – R. Blust. The Austronesian languages. Canberra, 2009.
Comrie 1985 – B. Comrie. Tense. Cambridge, 1985.
De Swart, Molendijk 1999 – H. De Swart, A. Molendijk. Negation and the temporal structure of narrative discourse // Journal of semantics. 1999. № 16.
Egerød 1965 – S. Egerød. Verb inflexion in Atayal // Lingua. 1965. V. 15.
Himmelman 2002 – N.A. Himmelman. Voice in Western Austronesian: An update // F. Wouk, M. Ross (eds). The history and typology of Western Austronesian voice systems. Canberra, 2002.
Huang 1993 – L.M. Huang. A study of Atayal syntax. Taipei, 1993.
Huang, Davis 1989 – L.M. Huang, P.W. Davis. Negation in Atayal and Mandarin: A comparison. Paper presented at the 22nd Sino-Tibetan conference. Honolulu, 1989.
Liu 2004 – A.K. Liu. On relativization in Sqliq Atayal. MA thesis. Hsinchu, 2004.
Olsson 2013 – B. Olsson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. University essay. Stockholm, 2013.
Plungian 1999 – V.A. Plungian. A typology of phasal meanings // W. Abraham, L. Kulikov (eds). Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam, 1999.
Rau 1992 – V.D. Rau. A grammar of Atayal. Taipei, 1992.
Soh, Gao 2006 – H.L. Soh, M. Gao. Perfective aspect and transition in Mandarin Chinese. An analysis of double *-le* sentences // P. Denis et al. (eds). Proceedings of the 2004 Texas linguistics society conference. Somerville, 2006.
Starosta 2002 – S. Starosta. Austronesian 'focus' as derivation. Evidence from nominalization // Language and linguistics. 2002. V. 3. № 2.
Welmers 1973 – W. Welmers. African language structures. Berkeley, 1973.

Сведения об авторе:

Ирина Михайловна Горбунова
АВВУУ, Российский государственный гуманитарный университет
kma63@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.09.2013.

© 2014 г. Л.И. МОСКАЛЮК

НЕМЕЦКИЕ «ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В статье анализируется современная языковая ситуация в селах с компактным проживанием российских немцев в Алтайском крае, рассматриваются факторы, влияющие на развитие островных немецких говоров, их сохранение или утрату. Демонстрируются особенности представленных на Алтае немецких говоров.

Ключевые слова: российские немцы, островные немецкие говоры, процессы смешения

The article analyses the contemporary language situation in the villages with compact habitation of Russian Germans in Altai Krai, the factors influencing the development of island German dialects, their preservation or loss. It demonstrates the features presented in Altai German dialects.

Keywords: Russian Germans, Island German dialects, mixing processes

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия из-за массовой эмиграции в Германию резко снизилась численность российских немцев. Однако доля лиц, считающих себя немцами, в некоторых регионах России, в том числе в Алтайском крае, остается довольно значительной.

По данным переписей, в целом по России произошло значительное сокращение общей численности немцев, на 30% (с 842 до 597 тыс. человек) с 1989 по 2002 г. и с 2002 по 2010 г. еще на 30% (с 597 до 394 тыс. человек). В Алтайском крае доля немцев в общей численности населения (2419,8 тыс. человек) составляет 2% (50,7 тыс. человек), т.е. снизилась с 2002 г. на 36,2%. Качественные изменения являются еще более значительными: если в переписи 1989 г. насчитывалось более 1 000 сельских населенных пунктов, где немцы составляли в России подавляющее большинство (более 80%), то уже в переписи 2002 г. таких населенных пунктов больше нет. Все бывшие немецкие поселения в Алтайском крае имеют сейчас смешанный состав населения.

Тем не менее до настоящего времени на территории Алтайского края еще сохранились языковые острова, где проживают носители различных немецких диалектов. Их предки переселялись в Россию начиная со второй половины XVIII в. из Германии. Наиболее крупным скоплением сел с компактно проживающим немецкоязычным населением является Немецкий национальный район Алтайского края с районным центром Гальбштадт. Но и его затронули эмиграционные процессы: если после образования Немецкого национального района в 1993 г. доля немцев в общей численности населения составляла 60%, то по переписи 2010 г. их осталось 31,8%.

1. ИЗ ИСТОРИИ КОМПАКТНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Первые немецкие колонисты пользовались привилегиями, данными им Екатериной II в манифесте от 22 июля 1763 г. После начала Первой мировой войны были изданы «ликвидационные законы», царские указы от 2 февраля и от 13 декабря 1915 г. Все немецкие газеты были запрещены, а преподавание в школах переводилось на

русский язык. Но немецкие диалекты остались основным средством коммуникации в компактных немецких поселениях.

Согласно историческим сведениям о немцах Поволжья и Украины [Ипатов 1978; Клаус 1869; Писаревский 1909; Штах 1916], откуда большей частью прибывали в Сибирь переселенцы, они владели разговорной языковой формой – одним из немецких диалектов, а также официальной языковой формой – диалектно окрашенным литературным немецким языком, освоенным в немецкой школе и постоянно использовавшимся в дальнейшем (церковь, чтение, корреспонденция, язык национального государственного образования – Немецкого района). Распространение индивидуального билингвизма среди этнических немцев в России началось уже во второй половине XIX в., хотя основная масса немецкоязычного населения оставалась монолингвальной. Так, Л.В. Малиновский, ссылаясь на воспоминания П.К. Галлера и исследования А.Н. Минха, пишет, что «более половины колонистов совершенно не говорят по-русски, а среди женщин едва найдутся две-три в каждом селении, умеющих сказать несколько русских слов» [Малиновский 1982: 25]. Подобная ситуация сохранилась и в первые десятилетия после массового переселения немцев в Сибирь в начале XX в. В 1927 г. на территории Славгородского округа был создан Немецкий район, объединивший 57 деревень (54 из них немецкие). Тем самым разговорный немецкий язык получил новый толчок к развитию, а литературный расширил свои функции. С начала основания немецких сел в Сибири на рубеже XIX–XX вв. и до 1938 г. с перерывами, вызванными войной и революцией, занятия в школах в немецких поселениях велись на немецком языке. Русский язык как государственный изучался как школьный предмет по расширенной программе (ср. [Шлейхер 1992: 51; Черказьянова 2004: 194–197]). По свидетельству старожилов немецких сел, чтобы дети лучше знали русский язык, на переменах им разрешалось говорить только по-русски. Из-за замкнутости немецких поселений использовавшиеся диалекты удовлетворяли основные коммуникативные требования немецкоговорящего населения. Русский язык использовался спорадически и как коммуникативная форма оставался для большинства невостребованным.

Заглянуть в прошлое и воссоздать языковую ситуацию в немецких компактных поселениях, изменявшуюся в течение XX в., дает возможность анализ результатов социолингвистических опросов, проводившихся в немецких селах Алтайского края в 1967 и 1997 гг. Л.В. Малиновским [Малиновский, Резниченко 2007] и в 1978 и 2000 гг. Л.И. Москалюк [Москалюк 2000]. В анкеты включены вопросы, ответы на которые позволяют определить степень распространения и сферы использования немецкого диалекта, литературного немецкого и русского языков среди немецкого населения всех возрастных групп. Так как анкетированием были охвачены и представители старшего поколения (в возрасте от 60 лет и старше), ответ на вопрос о языке родителей давал представление о языковой жизни немецких компактных поселений начала XX в. Данные анкет показывают постепенное развитие билингвизма. Так, начиная с первых лет XX в. и до конца 30-х – начала 40-х гг. языковая ситуация в немецких селах Сибири характеризуется диглоссией с медленно развивающимся субординативным билингвизмом.

После упразднения автономии Немецкого района наряду с другими автономиями на территории СССР (конец 30-х – начало 40-х гг.) происходит распространение двуязычия на все немецкоязычное население, кроме детей дошкольного возраста, а также женщин пожилого возраста, не получавших школьное образование. В 1938 г. все школы перешли на преподавание по унифицированным планам, русский стал всеобщим языком обучения, немецкий вводился с 5-го класса как иностранный [Черказьянова 2004: 256]. Массовое двуязычие, вызванное сменой официального языка, приняло вид диглоссии: официальный уровень: немецкий язык (ограниченно используемый), русский язык – доминирующий; неофициальный уровень: немецкий диалект.

В конце 50-х – начале 60-х гг. происходят новые изменения. Опять вводится в языковой репертуар российских немцев литературный немецкий язык. Открываются немецкие национальные школы, вводится «немецкий как родной» в школах немецких

поселений, отменяются запреты на немецкие газеты и радиопередачи. Предпринимается попытка сохранения немецкого языка и восстановления литературного немецкого языка в его прежней роли (ср. [Матис 1997: 117]). Но последствия, которые принесла с собой смена языка в школе, оказались необратимыми. Начинается переход к массовому координативному билингвизму.

Начиная с 70-х гг. проводится политика укрупнения сел, ликвидации малых деревень. В это время продолжается активное развитие координативного билингвизма в образующихся мультидиалектных сообществах. Происходит проникновение билингвизма в сферу повседневной жизни, контактирование немецкого и русского языка на уровне неофициального общения как средств коммуникации между носителями разных диалектов. Одновременно увеличивается коммуникативная нагрузка на второй диалект в качестве средства контактирования. Происходит расширение функций русского языка как языка средств массовой информации, внедрение русскоязычного телевидения в немецкую деревню. До начала 90-х годов, пока немецкое население составляло в немецких селах Сибири 80 % и более, сохранялось относительное равновесие между двумя основными формами коммуникации: немецким диалектом и русским языком. Немецкий диалект являлся неотъемлемым компонентом национальной идентичности носителей говоров. При этом ни один из языковых вариантов нельзя было считать маргинальным, оба они полноценно использовались в формальных и неформальных речевых ситуациях, разделив свои функции.

Несмотря на такое равновесие, немецкий диалект как язык меньшинства был обречен на постепенное отступление под мощным давлением иноязычного окружения. Тенденция к медленному сдвигу в сторону русского языка была заметна даже при еще стабильном этнодемографическом составе языковых коллективов.

Период конца 80-х – первой половины 90-х гг. характеризуется началом перехода к субординативному билингвизму на новом уровне с доминантной формой – русским языком. Ситуация начала стремительно изменяться в связи с оттоком немцев из немецких сел, массовым отъездом коренного немецкого населения в Германию. На место уехавших прибывают представители других национальностей, а также немцы из Казахстана и других республик Средней Азии, слабо владеющие немецким языком, что приводит к глубокой дестабилизации ситуации языкового контакта, создавая условия для все большего обращения к русскому языку как основному инструменту общения внутри села, оттесняющему немецкие диалекты на задний план в важных сферах коммуникации. Происходит расширение функций русского языка, доминирующего как на официальном уровне, так и на неофициальном уровне межгруппового и внутригруппового общения. Немецкий диалект сохраняется для внутрисемейного общения [Москалюк 2000: 50–93; 2003: 18–25].

2. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Для современной языковой ситуации в немецких селах Алтайского края с компактно проживающим немецким населением типично сосуществование различных форм билингвизма, характеризующих языковое поведение представителей разных возрастных групп. Для старшего поколения немецкий остается одним из основных средств коммуникации наряду с русским языком, сохраняя свою ведущую роль. Языковое поведение младшего поколения характеризует языковой сдвиг и смена кода в сторону русского языка. Среднее поколение занимает промежуточное положение, сохраняя немецкую диалектную компетенцию и возможность общаться на немецком со старшим поколением, но диалект здесь выполняет вспомогательную роль, так как представители среднего поколения предпочитают общение на русском языке в большинстве ситуаций, приближаясь по своим привычкам употребления языка к представителям младшего поколения.

В настоящее время для российских немцев характерна высокая степень владения русским языком: количество российских немцев, не владеющих русским языком, при-

ближается к нулю. Это люди весьма преклонного возраста, проживающие в сельской глубинке, которые никуда не выезжали из своих деревень и не имели возможности получить образование.

Согласно данным опроса 2000 г., который проводился в девяти немецких поселениях Алтайского края, основанных немцами на рубеже XIX–XX вв., только 17 человек из 1 500 опрошенных не владеют русским языком, 71 человек говорит по-русски с затруднениями. Все остальные опрошенные владеют русским языком свободно [Москалюк 2000: 50–76]. Эти данные уточняются результатами опроса 2009 г., согласно которым только 4 человека из 1 500 опрошенных не владеют русским языком, 7 человек плохо понимают и говорят по-русски, 16 человек испытывают определенные трудности при разговоре на русском языке [Смирнова 2010: 12–15].

Современные тенденции в области языковой компетенции определяются тем, что, с одной стороны, растет доля немцев, не владеющих немецким языком совсем, но, с другой стороны, увеличивается доля тех, кто владеет языком свободно. Если у лиц старшего поколения достаточную языковую компетентность можно объяснить сохранением языка (немецкого диалекта) в их семьях, то у молодежи эта компетентность формируется посредством образования. Высокая языковая компетентность у представителей молодого поколения связана с развитием в 1990–2000 гг. преподавания литературного немецкого языка (школы, языковые курсы). Самую слабую степень владения немецким языком демонстрируют люди среднего поколения.

Все без исключения сферы общения стали сегодня двуязычными, владеющие немецким языком редко практикуют употребление только немецкого (или исключительно русского) языка. Чаще всего российские немцы, проживающие в компактных немецких поселениях, говорят и по-немецки, и по-русски. Выбор языка зависит от конкретной ситуации. Так, согласно данным опроса 2000 г., по-немецки говорят со старшими 70,5 % респондентов (по-немецки и по-русски – 18,1%), со сверстниками – 46,6% (по-немецки и по-русски – 33,6%), с младшими – 28% (по-немецки и по-русски – 32,5%). Согласно данным опроса 2009 г., по-немецки и по-русски говорят с родителями 20,8 % респондентов (17,6% – по-немецки), с супругами – 14,7% (по-немецки – 7,3%), с детьми – 19,3% (по-немецки – 4,7%), на работе – 9,7% (1,7%), с друзьями и соседями – 17,6% (3,1%), в центре немецкой культуры – 32 % [Москалюк 2000: 82–97; Смирнова 2010: 12–15]. Двуязычие всех сфер общения связано не только с ассимиляционными процессами, но и с тем, что диалектные формы, которые в основном употребляются немцами в повседневной речи, не отвечают потребностям времени, например, в производственной сфере общения.

Таким образом, русско-немецкое двуязычие является в настоящее время наиболее определяющей чертой при характеристике языковых процессов у немецкого населения России.

Сохранившиеся билингвальные отношения, которые являются основой существования «языковых островов», объясняют их особое положение. Немецкое население сел Немецкого национального района Алтайского края сохраняет языковые и культурные особенности, отличающие их от окружающего русскоязычного населения.

Языковая система островных немецких говоров в нашей стране складывалась не только под влиянием общих внутриязыковых закономерностей, но и в результате взаимодействия и смешения различных немецких говоров, носители которых находятся в непосредственной близости друг к другу, а также под влиянием русского языка в условиях изоляции от исходного языкового коллектива. Компактное проживание носителей в обособленных населенных пунктах способствовало сохранению отдельных черт материнских диалектов, принесенных из родных мест.

Это объясняет диалектную вариативность и возникновение ряда отличительных особенностей в языковой системе рассматриваемых говоров. В островных немецких говорах до сих пор сохраняется целый ряд явлений, свойственных лишь определенным областям Германии.

3. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ НА АЛТАЕ

На территории Алтайского края в настоящее время представлены все основные типы островных немецких говоров, бытовавших на территории бывшего Советского Союза. Они могут быть разделены на четыре основные группы: 1) украинские, ориентированные на нижненемецкий диалектный ареал (Ploutdietsch), 2) поволжские, ориентированные на западнореднемецкий диалектный ареал, 3) волинские, ориентированные на восточнореднемецкий диалектный ареал, 4) украинские, ориентированные на южнонемецкий диалектный ареал. За время существования в России немецкие говоры приобрели новые черты, родной язык российских немцев существенно отличается сегодня от базовых «внутринемецких» диалектов.

Анализ современного состояния немецких говоров в Алтайском крае показывает, что островные говоры сохранились как форма существования немецкого языка, при этом они сохраняют свою самостоятельность и самобытность на всех языковых системных уровнях [Москалюк 2003; Москвина 2010; Трубакина 2012]. В настоящей статье особенности нижненемецких говоров рассматриваются на примере говора села Протасово. Говоры сел Камыши, Подсосново и Желтенькое представляют группу поволжских говоров, ориентированных на западнореднемецкий диалектный ареал, а говор села Самсоновки обладает признаками восточнореднемецкого диалектного ареала. Особенности украинских говоров, ориентированных на южнонемецкий диалектный ареал, показаны на примере говоров сел Ямбург, Константиновка и Красноармейское.

Не подлежит сомнению смешанный характер всех исследуемых островных немецких говоров. В условиях длительной изоляции от языка прародины одни островные говоры сохранили лишь наиболее общий характер диалектов исходного языкового коллектива, другие не утратили многие специфические черты своих предшественников, третьи, занимая промежуточное положение, утратили при скрещении первичные, но сохранили вторичные признаки.

Нижненемецкий Алтайского края обладает основными чертами нижненемецких говоров меннонитов Западной Пруссии, отказавшихся до начала переселения на Украину от родных нидерландско-фризских диалектов и принявших в качестве разговорного языка восточнонижненемецкий диалект. После их переселения из Украины в Сибирь в начале XX в. произошло смешение говоров меннонитов Хортицкой и Молочненской колоний [Авдеев 1965; Jedig 1966], основными признаками которых являются отсутствие второго верхненемецкого передвижения с переходом герм. $k > t$ после узких гласных (*Darp* 'Dorf', *site* 'setzen', *et* 'ich'), сохранение звонких согласных в конце слова (*Med* 'Mitte'). До настоящего времени нижненемецкие говоры отличаются определенной вариативностью, прежде всего в области фонетики: *äw/au*: *häwe* – *haue* 'hauen', *mäwe* – *maue* 'Ärmel', *äi/oi*: *häi* – *hoi* 'er', *fläisch* – *floisch* 'Fleisch', *au/ou/o*: *daut*, *dout*, *dot* 'das'. В качестве иллюстрации нижненемецкого диалекта российских немцев приводится текст, который отражает современное состояние одного из островных говоров. Информант родился в 1985 г. в меннонитском селе Протасово Алтайского края.

(1)

*En onsem Darp jachte viile Mensche, wiens det interessont es. Et' jacht ok, oba et' hab
In unserem Dorf jagen viele Menschen, weil das interessant ist. Ich jage auch, aber ich habe
noch t'oine Flint. Et' doi prosta enjoghe. Klok siwen klok acht stune wi ap en t'rafe ans am
noch keine Flinte. Ich jage einfach ein. Um 7–8 Uhr stehen wir auf und treffen uns am
En' darp, en gune nu de Staap ap Loishe. Do site wi anst ap ne Passadke
Dorfende, und gehen in die Steppe, wir laufen Schi. Da setzen wir uns im Schutzwaldstreifen
euda em Weultje. Em Weultje doi wi ondascht jachte os ene Passadke.
oder im Wäldchen. Im Wäldchen jagen wir anders als im Schutzwaldstreifen.
Em Weultje sat de Jachta sech ene Medweultje han en de Jachtesch doi gune em det
Im Wäldchen setzt sich der Jäger in der Mitte hin und die Einjagenden gehen durch das
Weultje en joghe doine se de Huse nu dem Jacht.
Wäldchen und jagen die Hasen zu dem Jäger.*

‘В нашей деревне охотятся многие люди, потому что это интересно. Я тоже охочусь, но у меня еще нет ружья. Я просто загоняю. Часов в семь-восемь мы встаем, встречаемся в конце деревни и идем в степь на лыжах. Тут мы садимся в посадках или в лесочке. В лесочке мы охотимся не так, как в посадках. В лесочке охотник садится в середине лесочка, а загонщики идут через лесочек и гонят зайцев к охотнику’.

В вышеприведенном отрывке текста отражаются такие морфологические особенности говора, как последовательное сохранение окончания датива ед. числа артикля и притяжательных местоимений мужского и среднего рода (*en onsem Darp, am En'darp, em Weultje, nu dem Jacht*), которое часто вытесняет окончания аккузатива (*em det Weultje*), использование единой формы определенного (*de*) и неопределенного (*ne*) артикля для существительных женского рода единственного числа и всех трех родов множественного числа в номинативе, дативе и аккузативе (*t'oine Flint, nu de Staap, de Jachta, ap ne Pasatke, ene Pasadke*). Одним из отличительных признаков этой группы говоров является широкое использование конструкции «*tun* + инфинитив» для выражения настоящего и прошедшего времени (*doi enjoghe, doi jachte, doi gune, doine joghe*).

К лексическим особенностям можно отнести диалектное существительное *Klok* ‘Uhr’, а также прямые заимствования и калькированные конструкции из русского языка (*prosta, Posatke, ap Loighe gune*).

Говор села Камыши имеет наиболее общие фонетические признаки гессенских диалектов, приближаясь к южногессенскому типу: *-n* сохранился после *-r-* (*jouhn* ‘Jahren’, дат. п. мн.ч.), *-a-* вместо ср.-в.-нем. *ou* (*kaawe* ‘kaufen’), *-st* в середине и конце слова (*zwozigste*). Смычные и щелевые озвончаются в интервокальном положении и после сонорных согласных (*uwer* ‘Ufer’, *moder* ‘Mutter’).

Эти признаки отражаются в речи носителя говора с. Камыши (год гождения – 1957).

(2)

Ti kamischne Lait soin all fun Deenhof ha. Tausentnainhundertsechs komde ti iaschte
Die Kamyschener Leute sind alle aus Denhof her. 1906 kamen die ersten
Oiwohner. Ti iaschte Haiser am Uwer une ongeleigt. Pis ti Revolution ongefonge hot, nort
Einwohner. Die ersten Häuser unten am Ufer angelegt. Bis die Revolution angefangen hat, dann
won zwo krouße Strouße une onkepaut. Zwische Kamisch un Ustjange wor e groußi
waren zwei große Straßen unten angebaut. Zwischen Kamyschi und Ustjanka war eine große
Schlacht, hots viil Mensche kekost, zwisch te Roude un zwisch te Waise.
Schlacht, hat es viele Menschen gekostet, zwischen den Roten und zwischen den Weißen.
Un viil komde auch zurick hom nouch tem. In ti zwozigste Joun hewe se ongefonge ti iaschte
Und viele kamen auch zurück heim nach dem. In den 20. Jahren haben sie angefangen die ersten
Kolchose zu maghe. So soin ti Kolchose konge pis veirem Kriich.
Kolchosen zu machen. So sind die Kolchosen gegangen bis vor dem Krieg.

‘Камышенцы все из Денгофа. В 1906 году прибыли первые жители. Первые дома построили внизу на берегу. Когда началась революция, тогда уже внизу были застроены две большие улицы. Между Камышами и Устьянкой была большая битва, стоила многих человеческих жизней, между красными и между белыми. И многие тоже вернулись домой после этого. В 20-х годах начали создавать первые колхозы. Так и были колхозы до войны’.

Претерит вытеснен в верхненемецких говорах перфектом почти полностью, в тексте встречается лишь одна форма претерита (*komde*), сохранение которой наряду с формами претерита глагола *gehen*, вспомогательных и модальных глаголов является отличительной особенностью исследуемых средненемецких говоров. Особенностью сильного склонения прилагательных является окончание *-i* существительных женского рода в номинативе, дативе и аккузативе единственного числа (ср.: *e grosi Schlacht*).

Сохранив гессенскую основу, в значительной степени отошел от диалектов прародины говор села Подсосново, сложившийся в результате дальнейшего смешения различных западно- и восточносредненемецких говоров Поволжья, утеравших многие первичные признаки. В селе Подсосново с начала его основания проживали переселенцы

Поволжья, родным языком которых были значительно различающиеся западно- и восточносреднемецкие говоры. Языковые различия, по свидетельству старожилів села, постепенно сгладились лишь к 30-м годам XX в. В результате выравнивания гессенские и саксонские говоры утратили большинство своих отличительных признаков, которые противопоставляли их другим представленным в селе среднемецким говорам.

В приведенном отрывке коренная жительница села Подсосново рассказывает о своем детстве:

(3)

Wii ich kleener war, war ich recht faul. Ich pin vun ti Schul homkkomme, hun kekese, Als ich kleiner war, war ich recht faul. Ich bin von der Schule heimgekommen, habe gegessen, hun mich ufs Bett kelegt un ton pin ich oigeschlowe un hun kschlowe pis te Ouwent, habe mich aufs Bett gelegt und dann bin ich eingeschlafen und habe geschlafen bis zum Abend, pis ti Mome kommt. Hot ti Mome ti konz Arwait for mich keschafft: s Kescherr bis die Mama kommt. Hat die Mama die ganze Arbeit für mich geschafft: das Geschirr keweshe un ufkerroomt. Un ich hun plous kel'ant, naus kongr midi Kinner spiile. gewaschen und aufgeräumt. Und ich habe bloß gelernt, hinausgegangen mit den Kindern spielen No hot se mich mol vuzählt. Saat se: s' war o Mätje, s' war krat so faul wi tu, no hot Dann hat sie mir mal erzählt. Sagt sie: «Es war ein Mädchen, es war gerade so faul wie du, na hat ti Mome awer t'are net ongewehnt schawe. Un wi se kreiser is kewore, hot se ihre Mama sie aber nicht daran gewöhnt zu arbeiten. Und als sie größer geworden ist, hat sie kehairat un is pan Monn hinkonge wouhne. Un ten soi Mome, ten Monn soi geheiratet und ist zu einem Mann hingegangen wohnen. Und dessen Mama, dem Mann seine Mome hot so kesaat, te Mont wonn se ufkestighe is, hot se ksaat: Ta, w'a hait Mama hat so gesagt, am Morgen, wenn sie aufgestanden ist, hat sie gesagt: «Der, wer heute mont schun was keschaft hot, ta kann ese...»

Мorgen schon was gearbeitet hat, der kann essen».

«Когда я была меньше, я была довольно ленивой. Я приходила из школы, ела, ложилась в кровать, и потом я засыпала и спала до вечера, пока не придет мама. Всю работу за меня делала мама: мыла посуду и убирала. А я просто училась, бегала на улицу играть с детьми. Тогда мама мне однажды рассказала. Она сказала: «Жила-была одна девочка, она была такая же ленивая, как ты, ее мама не приучила ее работать. А когда она стала старше, она вышла замуж и ушла жить к мужу. А его мама, мама мужа, сказала, утром, когда она встала, сказала: «Тот, кто сегодня утром уже поработал, тот может поесть...»».

Процессы смешения привели к упрощению морфологической системы говора. Так, в говоре используется одна форма артикля женского рода и множественного числа для номинатива, датива и аккузатива (*vun ti Schul, midi Kinner*). Вместо формы артикля в дативе единственного числа мужского рода употребляется форма аккузатива (*pan Monn, ten Monn*). Родительный падеж, утраченный в немецких говорах, заменяется конструкцией с притяжательным дативом (*ten soi Mome, ten Monn soi Mome*). Формы личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. ч. в дативе и аккузативе совпали в форме аккузатива (*mich, dich*). Вместо притяжательных местоимений часто используются указательные местоимения (*t'are 'ihre'*). Наблюдаются колебания употребления инфинитива с частицей *zu* и без частицы (*hat ongewehnt schawe*). В тексте встречается претеритная форма глагола *gehen* (*kong*).

Следует отметить, что в этом направлении развивается большинство поволжских говоров, сохранившихся в Сибири. Так, говор села Канны, которое также основали переселенцы из различных деревень Поволжья, отличается лишь тем, что в нем ярче представлены восточносреднемецкие признаки, например, не перешел в спирант *-b-* в середине слова (*traibe 'treiben', uftebig 'lebhaft'*). Этот говор частично сохранил и пфальцские признаки: *-schp* в *angekrapscht 'angekratzt', selwascht 'selbst'*, но в остальных случаях всегда *st* (*s best 'das Beste', lustig 'lustig'*).

Говор бывшего села Желтенького, жители которого в настоящее время проживают в селе Кусак, сохранил пфальцскую основу, он сложился в результате смешения средне- и южнонемецких говоров Поволжья и Украины. Следующий отрывок текста, пред-

ставляющий говор села Желтенького, демонстрирует особенности пфальцского и южногессенского диалектов. Как и в вышеописанных говорах, в этом отрывке проявляется влияние восточнореднемецкого: *f*- в начале слова (*ferd* 'Pferd'), частое употребление форм accusativa вместо dativa (*in Torf, pa s' Viich, nach s' Viich, pa ti Mama, uf ti Rāda, no am Enddorf*). В говоре села Желтенького прослеживается и влияние южнонемецкого, например уменьшительный суффикс *el* наряду с суффиксом *che*, вытеснение претеритных форм глаголов *kommen* и *gehen* перфектом (*pin komme, sin kange*), но сохранение претерита глагола *sein* (*wa, ware*). Особенностью данного говора является образование множественного числа существительных при помощи суффикса *s* (*Määdls, Keals, Feets*).

В тексте встречаются такие диалектизмы, как *Feet* 'Onkel', *Paas* 'Tante', *rope* 'reißen'.

Носительница этого говора проживает в селе Кусак, но она родилась в 1962 г. в селе Желтеньком.

(4)

Ich pin uf ti Welt komme in Scholting. Maine Eltre hen imma kschafft. Ta Papa Ich bin zur Welt in Sholtinkoje gekommen. Meine Eltern haben immer geschafft. Der Papa wa imma pa s' Viich kschafft un ti Mama Uborschitza. Mia ware fünf Kinna pa ti Mama un Papa, war immer beim Vieh und Mama war Putzfrau. Wir waren fünf Kinder bei Mama und Papa, zwai Keals un trai Määdls. Scholting wa aine Strooß, ware arich viil Prüidre un zwei Kerle und drei Mädels. Sholtinkoje war eine Straße, waren sehr viele Brüder und Schwesrte, Paas un Feets. Mea sin uf Kino kange. uf Tanzi nach s' Viich. Arich Schwestern, Tanten und Onkel. Wir sind ins Kino gegangen, zum Tanzen nach dem Vieh. Sehr viil sima kfahre uf ti Rāda. Am Enddorf wa n Osa. Jeda Tag sima alle Kinna jeta viel sind wir Rad gefahren. Am Dorfende war ein See. Jeden Tag sind wir alle Kinder im Summa kange pade, Plume rope. In Torf wa ne Banje, tort hema uns Sommer baden gegangen, Blumen pflücken. Im Dorf war ein Dampfbad, dort haben wir uns kewesche, tes wa fa uns wi n Prasdnik. gewaschen, das war für uns wie ein Feiertag.

'Я появилась на свет в Желтеньком. Мои родители всегда работали. Папа всегда работал со скотиной, а мама уборщицей. Нас было пятеро детей у мамы и папы, два мальчика и три девочки. В Желтеньком была одна улица, много было братьев и сестер, тетей и дядей. Мы ходили в кино, на танцы после работы со скотом. Много катались на велосипедах. В конце деревни было озеро. Каждый день мы, все дети, летом ходили купаться, рвать цветы. В деревне была баня, там мы мылись, это был для нас праздник'.

Говор села Самсоновки, сложившись в основных чертах на Волини, получил основные признаки восточнореднемецкого: германскому *p* соответствует *f* (*Feat* 'Pferd'); *-b-* и *-g-* не спирантизированы в середине слова в отличие от других островных немецких говоров (*gebliibn, getragn*), *-n* сохраняется в конце слова (*sehn*). В качестве примера восточнореднемецкого говора представлен следующий отрывок текста. Запись диалектной речи информанта, уроженки села Самсоновки (год рождения – 1937), производилась в селе Кусак, где она проживает в настоящее время.

(5)

Hap ich dich vazählt, wi ti Eltre von Samara gekomn sin un in Scholting gebliibn, Habe ich dir erzählt, wie die Eltern von Samara gekommen sind und in Sholtinkoje geblieben, in Naihaim wa doch noch niks. Nu hen s sich Schalash kepaut. T Nacht hats in Neuheim war noch nichts. Na haben sie sich eine Laubhütte gebaut. In der Nacht hat's keschnait, hot ma niks zu sehn. Un ta Mornt wa s warm keworn. N Haus hen se kepaut. geschneit, hat man nichts zu sehen. Und am Morgen wurde es warm. Ein Haus haben sie gebaut. In ti Erd hen se n Loch rausgegrabn. Ti Fenstra hen uf ti Erd kstan, Stige Raase In der Erde haben sie ein Loch rausgegraben. Die Fenster standen auf der Erde, Rasenstücke rumgestellt, klatt kschmiat. Ti elste Prida hen uns rausketragn un hema kspiilt. rumgestellt, glatt geschmiert. Die älteren Brüder haben uns rausgetragen und haben wir gespielt. Ti Witts, ti Nochpars warn arich raich, hen se sich n Feat kekauft, Schof... Die Witts, die Nachbarn, waren sehr reich, sie haben sich ein Pferd gekauft, Schafe...

‘Я тебе рассказывала, когда родители приехали из Самары и остановились в Желтеньком, в Самсоновке еще ничего не было. Они построили себе шалаш. Ночью пошел снег, ничего не было видно. А утром стало тепло. Они построили дом. В земле они вырыли яму. Окна стояли на земле, кругом поставили пласты дерна, обмазали глиной. Старшие братья выносили нас наружу, и мы играли. Витты, соседи, были очень богатыми, они купили лошадь, овец...’

По своим морфологическим характеристикам говор села Самсоновки близок говору села Желтенького.

Говор села Ямбург на Алтае сохранил основные черты севернобаварского диалекта, который привезли с собой переселенцы из села Ямбург на Днепре [Жирмунский 1931; Иоганзен 1985]: южнонемецкий характер передвижения согласных: *p – pf, b – p, g – k, d – t (khoodf ‘Kopf’, kroos ‘groß’, Petstot ‘Bettstätte’)*; расширение ср.-в.-нем. *æ* (*Khaas ‘Käse’*), то есть явление «обратного умлаута»; наличие «обращенных дифтонгов» (*Khii ‘Kühe’, Khiu ‘Kuh’, Peu ‘Bube’*); реликтовые местоименные формы (*ets ‘ihr’, enk ‘euch’*), восходящие к старому двойственному числу.

Здесь приводится отрывок диалектного текста, иллюстрирующего особенности говора села Ямбург Алтайского края, носительница диалекта родилась в 1927 г. в селе Ямбурге на Украине.

(6)

Ich ko-me gedenke, nu ho-me Haus khot, mit fia Stuma, Zieglhaus.

Ich kann mir gedenken, nun haben wir ein Haus gehabt mit vier Stuben, ein Ziegelhaus.

In e Kroßstum is e kschmiane Eabon kwen, is kstandn e Petstott,

In der großen Stube ist ein geschmierter Erdboden gewesen, ist gestanden eine Bettstätte.

en Tisch un e lange Luebenk, un e groÿi Trugha. Un wann Gost khuma han,

ein Tisch und eine lange Lehnbank und eine große Truhe. Und wenn Gäste gekommen waren,

ha-ma n Tisch hikricht khot un hot Gost afknum. Af dere Penk han

haben wir den Tisch hingerichtet gehabt und die Gäste aufgenommen. Auf der Bank haben die

Gost khuckt, mia hom tonzt unt klacht. Wie i jinga kwen pin, ha i ksunga.

Gäste gesessen, wir haben getanzt und gelacht. Als ich jünger gewesen bin, habe ich gesungen.

In de onden Stum hom Kinda kschlofa, is kstandn e Petstott

In der anderen Stube haben Kinder geschlafen, ist eine Bettstätte gestanden

un de Schloufbenk un de Ofabenk...

und die Schlafbank und die Ofenbank.

‘Я помню, у нас был дом с четырьмя комнатами, кирпичный дом. В большой комнате пол был глиняный, стояла кровать, стол и длинная лавка со спинкой, и большой сундук. И когда приходили гости, мы накрывали на стол и принимали гостей. На лавке сидели гости, мы танцевали и смеялись. Когда я была моложе, я пела. В другой комнате спали дети, стояла кровать и лавка, на которой спали, и печная лавка...’

В тексте отражаются особенности образования и употребления временных форм глагола в говорах южнонемецкого диалектного ареала, полное вытеснение форм претерита перфектом, в том числе претерита глаголов *sein* и *haben* (*pin kwen, ho khot*), использование двойного перфекта вместо плюсквамперфекта (*ha-ma hikricht khot*), образование перфекта глаголов *stehen, sitzen* со вспомогательным глаголом *sein* (*is kstandn, han khuckt*), замена исконных форм глагола *sein* во мн. числе презенса индикатива формами глагола *haben* (*han*). Особенностью склонения прилагательных является окончание *-i* прилагательных женского рода в номинативе и аккузативе ед. и мн. числа (*e groÿi Trugha*).

Говоры сел Константиновка, Тельман, Елизаветград, Забавное обнаруживают признаки южносреднемецких смешанных говоров, которые были распространены в католических колониях под Мелитополем на Украине. В.М. Жирмунский определил их как пфальцско-баденские смешанные диалекты [Жирмунский 1929]. К сожалению, на Украине они были мало исследованы. Эти говоры появились в результате смешения пфальцских и швабских диалектов. В тексте, приведенном в качестве примера, отражаются признаки южнорейнско-франкского диалектного ареала: *p* в начале сло-

ва (*pan* 'Pfanne', но *pf* в середине слова (*apfel* 'Apfel')), *-scht*, *-schp* (*leichschta* '(das) Leichteste', *abraschpla* 'abraspeln'), *-scht* во 2-м лице ед. ч. настоящего времени (*muschtu* 'musst du'), но *st* в 3-м лице у глаголов с основой на *s* (*lescht* – *lest* '(du)liest – (er) liest'), ср.-в.-нем. /i:/ реализуется как дифтонг /ei/ (*schräiwa* 'schreiben'), только глагол *sein* сохранил форму претерита (*woa*, *woare*), остальные глаголы, в том числе глагол *haben* и модальные глаголы, употребляются в форме перфекта для выражения прошедшего времени (*hema kmesst*, *hat kakennt*).

Информант, 1981 года рождения, родилась в немецком селе Шумановке, свободно владеет русским языком, но с матерью говорит в основном на диалекте. Ее мать родом из села Константиновки, представительница старшей возрастной группы, хорошо говорит по-русски, но дома использует в качестве средства коммуникации только немецкий диалект.

(7)

- *Was muscht tes Joa apkewa?*

Was musst du dieses Jahr ablegen?

- *Jetz hense uns kanz naies wwoodit'. Jetz hema kmesst Test schreiwa.*

Jetzt haben sie uns etwas ganz Neues eingeführt. Jetzt mussten wir einen Test schreiben.

- *Isch's schwea oda net?*

Ist es schwer oder nicht?

- *S' Audirowanie woa ta leichschta, hat ma kmesst harcha un noot schun nooschreiwa.*

Das Hörverstehen war das Leichteste, man musste hören und dann schon nachschreiben,

was ma vaschtana hat. Tes woa leicht. Tes hat ma noch kakennt macha.

was man verstanden hat. Das war leicht. Das konnte man noch machen.

Ta Priif woa schun pissl schw'ara. Tat woare fif Punkte un ti hat ma

Der Brief war schon ein bisschen schwerer. Dort waren fünf Stichpunkte und die hat man

kmesst all raskriwaje. Fa jeden hat ma noot kriikt zwoai Ball...

müssen alle darstellen. Für jeden hat man dann zwei Punkte gekriegt.

'- Что ты должна сдавать в этом году?

- Сейчас нам ввели кое-что совсем новое. Сейчас мы должны были писать тест.

- Это трудно или нет?

- Аудирование было самым легким, нужно было слушать, а потом уже пересказывать, что понял.

Это было легко. Это можно было еще сделать. Письмо было уже немного труднее. Там было пять пунктов, и их нужно было все раскрыть. За каждый тогда получал два балла...'

Заемствования из русского языка в тексте частично адаптированы, глагол образует перфект с помощью вспомогательного глагола *haben* (*hense wwoodit'*), неопределенная форма глагола получает суффикс инфинитива (*raskriwaje*), существительные употребляются с артиклем (*s' Audirowanie*).

Фонетические признаки говоров красноармейской группы (села Красноармейский, Дегтярка, Бославино) соответствуют основным чертам южнофранкского диалекта, который был представлен в евангелических поселениях колонистов Причерноморья. Основные признаки – это герм. *p* > *pf*- в начале слова (*pfan* 'Pfanne'), *scht*- в середине и в конце слова (*pischt* 'bist', *hascht* 'hast', но *is* 'ist' в отличие от южнорейнско-франкской формы *isch* 'ist'). Диалектный текст представляет говор села Красноармейского, носительница которого родилась в селе Красноармейском в 1956 г.

(8)

Wann t Mama t Supp kocht, nehmt se t Kaschtrol, schitt trai Liter Wassa nai.

Wenn die Mama die Suppe kocht, nimmt sie den Kochtopf, schüttet drei Liter Wasser hinein,

no schält se Katoffle, Zwiwle, e Kelriib, e Rotriib, un schmaißt alles ins Wassa.

dann schält sie Kartoffeln, Zwiebeln, eine Möhre, eine rote Rübe und schmeißt alles ins Wasser.

T Supp muss ma schmelze. Ins Pfännel legt se Schmolz, Zwiwle un schwatzt alles

Die Suppe muss man schmelzen. Ins Pfännlein legt sie Schmalz, Zwiebeln und brät alles

pis t Zwiwle prau w'are, tonn legt se alles in t Supp nai.

Bis die Zwiebeln braun werden, dann tut sie alles in die Suppe hinein.

‘Когда мама готовит суп, она берет кастрюлю, наливает три литра воды, потом чистит картошку, лук, морковь, свеклу и все бросает в воду. В суп нужно добавить сало. В сковородку она кладет сало, лук и жарит все, пока лук не станет коричневым, тогда она все кладет в суп’.

По своим морфологическим характеристикам говоры последних двух групп очень близки. Форма *nehmt* в последнем тексте свидетельствует об устранении преломления при образовании настоящего времени сильных глаголов. Это явление, так же как и устранение умлаута, характерно для всех островных говоров Алтайского края.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значительное число фонетических и морфологических признаков немецких говоров Алтайского края характерно с некоторыми местными различиями для исходных базовых немецких говоров западной части России, ориентированных на нижненемецкий, южнонемецкий, западно- и восточнореднемецкий диалектные ареалы. Но среди исследуемых говоров нет ни одного, который бы полностью совпадал с описанием говоров, существующих в настоящее время на территории ФРГ, как нет и таких, которые являлись бы точным повторением какого-либо говора материнских колоний, описанных советскими диалектологами и зарубежными исследователями (Жирмунский, Дингес, Дульзон, Лонзингер, Квиринг, Миронов, Унверт и др.). Основной причиной своеобразия этих говоров является то, что они возникли в результате многократного смешения первоначально различных немецких диалектов.

Определенная общность в территориальном, экономическом и социальном отношении сел Немецкого национального района способствовала взаимопроникновению отдельных элементов разных диалектных групп, что привело к дальнейшему выравниванию верхненемецких говоров на основе общих признаков. Нижненемецкие говоры также испытали определенное воздействие со стороны верхненемецких говоров.

Анализ современной языковой ситуации в бывших компактных немецких поселениях показал, что диалектная гетерогенность смешанных немецких поселений оказала негативное влияние на сохранение родного языка российских немцев, она привела к укреплению позиций русского языка. Переходу на русский язык внутри бывших немецких сел способствует сокращение в них доли немецкого населения как результат активной эмиграции российских немцев в Германию. Но немецкие говоры остаются в немецких семьях до настоящего времени средством коммуникации в семье и общения с друзьями, являясь одновременно и одним из важнейших показателей национальной идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев 1965 – *И.Е. Авдеев*. Фонетический строй нижненемецкого диалекта Алтайского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1965.
- Жирмунский 1929 – *В.М. Жирмунский*. Проблемы колониальной диалектологии // *Язык и литература*. 1929. Вып. 3.
- Жирмунский 1931 – *В.М. Жирмунский*. Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах Южной Украины // *Язык и литература*. 1931. Вып. 7.
- Иогансен 1985 – *Т.Б. Иогансен*. Звуковой строй севернобаварского диалекта в СССР. Одесса, 1985.
- Ипатов 1978 – *А.И. Ипатов*. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978.
- Клаус 1869 – *А.А. Клаус*. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869.
- Малиновский 1982 – *Л.В. Малиновский*. Языковая жизнь немецкой деревни. Барнаул, 1982. (Рук. депонирована в ИНИОН. 1982. № 11669.)
- Малиновский, Резниченко 2007 – *Л.В. Малиновский, О.Л. Резниченко*. Языковая жизнь немецкой деревни в Сибири. Барнаул, 2007.

- Матис 1997 – *В.И. Матис*. Проблема национальной школы в поликультурном обществе. Барнаул, 1997.
- Москалюк 2000 – *Л.И. Москалюк*. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул, 2000.
- Москалюк 2003 – *Л.И. Москалюк*. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул, 2003.
- Москвина 2010 – *Т.Н. Москвина*. Изучение диалектной лексики в русле исторической семантики // *Филология и человек*. 2010. № 3.
- Писаревский 1909 – *Г.Г. Писаревский*. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.
- Смирнова 2010 – *Т.Б. Смирнова*. Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев // *Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития*. М., 2010.
- Трубавина 2012 – *Н.В. Трубавина*. Синтаксис островных говоров: проблемы лингвистического картографирования // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 5.
- Черказьянова 2004 – *И.В. Черказьянова*. Школьное образование российских немцев. СПб., 2004.
- Шлейхер 1992 – *И.И. Шлейхер*. Пособие по истории российских немцев. Барнаул, 1992.
- Штах 1916 – *Я.Г. Штах*. Очерки по истории и современной жизни южно-русских колоний. М., 1916.
- Jedig 1966 – *H. Jedig*. Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes. Berlin, 1966.

Сведения об авторе:

Лариса Ивановна Москалюк
Алтайская государственная педагогическая академия
l.moskalyuk@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2013.

© 2014 г. В.Л. ВАСИЛЬЕВ, Н.Н. ВИХРОВА

**ТИПОЛОГИЯ НАИМЕНОВАНИЙ НОВГОРОДСКИХ ПОГОСТОВ
(по данным писцовых книг конца XV–XVI в.)***

В статье ставится задача исследовать особенности топонимической номенклатуры средневековых территориальных округов на Русском Северо-Западе, иначе говоря «погостов», которые, как обычно считается, являлись существенной особенностью административно-территориального устройства Новгородской земли в течение восьми столетий. В качестве источника исследования использованы древнейшие новгородские писцовые книги XV–XVI вв., в которых система погостов представлена в наиболее полном и систематизированном виде. Авторы характеризуют основные модели номинации территориальных погостов-округов и анализируют древнюю архаическую топонимию главных селений этих округов (погостов-мест) с точки зрения мотивации и семантики.

Ключевые слова: погост, территориальный округ, центральное селение, топонимия, номинация, Новгородская земля, средневековая письменность

This article seeks to explore the features of toponymic nomenclature of medieval territorial districts in the Russian North-West, in other words, the churchyards (pogost's), which were an essential feature of the administrative-territorial division of the Novgorod Republic land for eight centuries. Sources of research are Novgorod medieval tax registers (piscovyje knigi) of the XV–XVI centuries, in which the system of churchyards is presented in the most complete and systematic form. The authors describe the main nomination models for territorial districts and interpret the archaic toponymy of the main villages of these districts in terms of motivation and semantics.

Keywords: pogost, territorial district, central village, toponymy, nomination, Novgorod land, medieval writing

Одной из существенных особенностей культурно-исторической топографии средневековой Новгородской земли считается традиционное, насчитывающее более восьми столетий, деление на округа, называемые погостами. В письменности эпохи независимости Великого Новгорода обнаруживаются нередкие, но фрагментарные свидетельства о существовании погостов. Первое систематизированное описание погостского деления Новгородской земли было сделано уже после присоединения Новгорода к Москве; в самом полном виде оно представлено в новгородских писцовых и переписных книгах конца XV – середины XVI в.¹ По подсчетам К.А. Неволлина, опиравшегося не только на писцовые книги, но и на иные источники (дозорные книги, изгонные книги, сотные выписи и др.), в XVI в. пространство новгородских пятин (Шелонской, Водской, Обонежской, Бежецкой и Деревской) подразделялось на 343 погоста-округа (включая и такие округа, которые именуются в источниках не погостами, а волостями

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-11-53001).

¹ Тексты самых ранних книг опубликованы в изданиях: [НПК; ПКНЗ; ПКОВ; ПКВод].

и околородьями) [Неволин 1853: 98]². Сложившаяся к XVI в. система новгородских погостов, зафиксированная писцовыми книгами, выполняла функции церковно-приходской и административной (податной) организации территории Новгородской земли [Селин 2003: 43].

Топонимическая номенклатура средневековых новгородских погостов весьма разнообразна в мотивационно-семантическом и структурно-деривационном аспектах. Задача настоящей статьи – охарактеризовать в общих чертах специфику номинации новгородских погостов. Ранние формы и модели погостской топонимии извлечены нами из писцовых книг конца XV–XVI в., а более поздние варианты этих названий почерпнуты преимущественно из масштабных историко-топографических исследований пятинного и погостского деления Новгородской земли³. Термин «погост» в новгородской документации синкретичен: он используется в двух пересекающихся, не вполне подразделяемых средневековыми писцами смыслах – локальном и территориальном: ‘селение с церковью, являющееся центром округа’ и ‘церковно-административный округ, состоящий из центрального селения и подчиненных ему селений’. Поэтому оказывается важным различать номинацию погостов-мест (погостских центров) и погостов-округов. Другой важный критерий классификации названий погостов связан с отражением ими двух главных функций – административно-фискальной и церковной. Наконец, следует обратить внимание на различия, вызванные использованием и закреплением топонимов преимущественно в официально-письменной или народно-разговорной речи.

Считается, что погостская организация Новгородской земли была устойчивой и традиционной⁴. Вместе с тем понятно, что погосты в тех границах и наименованиях, которые представлены письменностью XV–XVI вв., нельзя прямолинейно переносить на отдаленную эпоху установления их княгиней Ольгой в середине X в.⁵; такая экстраполяция, вероятно, допустима лишь для отдельных элементов погостской системы и то в самом общем, приблизительном виде. Мнения большинства историков – дореволюционных, советских и постсоветских – сводятся к тому, что новгородские погосты времен княжения Ольги – это административно-фискальные округа, с помощью которых был регламентирован характер взимания дани (податей) и расширена податная территория Новгородского государства. Центры погостов были установлены как постоянные пункты, в которые окрестное население свозило дань. Надо полагать, на территориях, давно заселенных и освоенных славянами-язычниками, места взимания дани обустроивались в уже существовавших селениях или рядом с ними, а также устанавливались в отдалении от существовавших селений в разных урочищах по берегам сравнительно

² Ранее новгородский митрополит Евгений (Болховитинов), сославшись на опубликованные им «Новгородские изгонные книги», перечислил 358 погостов [Болховитинов 1808: 91–98]. Это число завышено, поскольку один и тот же погостский округ, входящий в две смежные пятины, считается в данном списке двумя отдельными погостами (например, Сабельский пог. Шелонской пятины – Сабельский пог. Водской пятины). Подсчеты К.А. Неволина лишены этих погрешностей, и в целом они до сих пор являются наиболее обоснованными и точными, поскольку зиждутся на ряде дополняющих друг друга исторических источников.

³ К такому относим в первую очередь работу [Неволин 1853], охватившую все новгородские пятины и погосты. Мы опираемся преимущественно на этот труд, созданный 160 лет назад и до сих пор сохранивший высокую научную значимость. К.А. Неволину принадлежит первое (и, пожалуй, до сих пор единственное) специальное рассмотрение возникновения названий погостов [Там же: 93–98]. Позднее появились труды, посвященные историко-топографическому описанию погостов Шелонской пятины [Андрияшев 1914], Деревской пятины [ИАДП], части погостов Водской пятины [Селин 2003].

⁴ Так, судя по письменным данным, внутренняя целостность новгородских погостов, которые описывались в конце XV–XVI в., сохранялась по меньшей мере на протяжении трех столетий – до начала XIX в. [Селин 2003: 39–40].

⁵ Об этой дате судят с опорой на сообщение о походе Ольги в новгородские земли в 947 г.: «Иде Вольга Новгороду и уставы по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани» [Лавр. лст.: 58–59].

крупных озер и рек, являвшихся известными в местной округе ориентирами и средствами коммуникации. Пункты сбора дани были и местом размещения княжеской администрации и быстро вырастали в главные селения округов. Весьма гипотетичным остается назначение погостов в догосударственную эпоху ранее середины X в.: в них предполагали места купли-продажи, исходя из родства др.-русс. *гостьба* 'торговля' и *погость* (В.О. Ключевский), или места временных остановок князя во время сбора полюдья (С.М. Соловьев), или места общих языческих богослужений (К.А. Неволин), или так называемые «съезжие места», куда съезжались со всей округи для решения каких-то важных дел (П.Г. Бутков), см. [Платонова 1984: 173–175]. Забегая вперед, отметим, что топонимия средневековых погостов в силу разнообразия мотивации не дает достаточных аргументов для принятия ни одной из этих гипотез. Есть, однако, некоторые топонимические основания полагать, что немало старых селений еще до учреждения в них погостов как пунктов взимания дани являлись территориальными центрами ранних славян-язычников⁶.

Недавно была обоснована новая, противоречащая традиционной точка зрения, согласно которой в основе административно-территориального устройства Новгородской земли в XIV–XV вв. лежали не погостские округа, а отдельные владения (волостки-вотчины). Об этом свидетельствуют древнейшие писцовые книги (Деревской и Бежецкой пятин), в которых учет и обложение земель проведены не по погостским округам, а по владениям, при этом оказывается, что границы владений очень часто нарушают границы погостов-округов. Существование до XVI в. погостских округов как таковых, впрочем, не отрицается, но за ними оставляется роль лишь церковных приходов [Фролов 2008: 164–165]⁷.

Топонимия средневековых погостов, извлекаемая из писцовых книг конца XV – середины XVI в., ожидаемо отличается архаическим характером, что находит проявление в различных признаках непродуктивности топооснов и топоформантов. Однако за погостами эта архаическая топонимия, этимология которой зачастую остается непроясненной, закреплялась как правило вторично – в результате закономерного переноса имен от уже существовавших древних селений и водоемов, при которых устанавливались погостские центры и округа. Следовательно, в плане первичной мотивации название пог. *Смолинской* с церковью Покрова Богородицы связано с местом его учреждения в с. *Смольно* (см. в [НПК, V: 381]: «Селцо Смольно, а въ немъ церковь Покровъ Пречистая»), название *Пажеревицкого* пог. обозначило установление его в с. *Пажеревици* (см. в [НПК, IV: 368]: «въ Пажеревицахъ на погостъ»), название пог. *Щир*, иначе *Щирской*, отметило установление центра при оз. *Щир*, названия *Бронницкой* и *Вышегородской* обозначили обустройство погостов соответственно в древних с. *Бронница*, г. *Вышегород*. Древность, порой дославянская, возникновения селений, при которых впоследствии расположились погосты, нередко свидетельствуется субстратным неславянским происхождением их названий (с. *Буреги*, бывшее центром *Бурежского* пог., с. *Луговещенье* как центр *Логовещского* пог., с. *Мусцы*, центральное в *Мусецком* пог., с. *Свинорд*, центральное в *Свинорецком* пог., с. *Яжелбицы* как центр *Яжелбицкого* пог.). На севере Водской и Обонежской пятин большинство поздних погостов было прикреп-

⁶ В свою очередь, с учетом данных археологии было обосновано, что центры отдельных погостов писцовых книг Шелонской и Водской пятин отождествляются с раннедревнерусскими селениями по Верхней Луге, а конфигурации и плотность погостских округов в северо-западных землях Великого Новгорода коррелируют с процессами раннеславянского расселения [Платонова 1984: 174–183].

⁷ А.А. Фролов пишет о том, что в источниках домосковского времени под погостом понимается всегда селение и нет примеров использования данного понятия в территориальном смысле [Фролов 2008: 161]. Это не совсем так. Например, в летописном фрагменте под 1240 г. более определенно, на наш взгляд, сообщается о погосте как о территории, а не селении; см.: «...городъ учиниша в Копорьи погостъ» [НПЛ: 78] (около 1500 г. местность вокруг г. Копорье, согласно писцовой книге Водской пятины, принадлежала Каргальскому пог.).

лено к селениям и водоемам, носившим именно субстратные, обычно генетически прибалтийско-финские, названия: *Веницы, Дудорово, Кижы, Колтуши (Келтуши), Корбоселка, Куйвоша, Мелегижа, Тервиничи, Сердоболь, Ильеши, Ярвосоля* и др.

После христианизации Новгородской земли на погостах стали строить православные храмы, и данные пункты становились не только податными, но и церковно-приходскими центрами. Топонимия откликнулась на появление церковной функции закреплением нового церковного признака в номинациях погостов. В составных наименованиях округов, принятых в писцовых книгах конца XV–XVI в., церковный признак устойчиво квалифицируется в качестве приоритетного, занимающего первое место в словосочетании (*Егорьевской в Чудини, Никольской Будковской, Успенской Коломенской на Волхове, Спасской в Кижях, Спасской в Молодильне, Покровской и Борисоглебской в Боровичах, Никольской Поддубской в Еванове, Михайловской в Лоцемле*). Что касается названий погостов-мест, сообщенных писцовыми книгами, то церковный признак только в отдельных случаях относительно устойчиво закреплялся в их структуре, будучи воспроизводимым в хронологически различной документации. Так, центр *Федоровского Песоцкого* погоста-округа отмечен под этим же составным именем в записях 1540, 1568, 1612, 1718, 1791 гг.; но вместе с тем встречаются варианты названия без церковного признака: *На Песку на погосте* (1500 г.), *Пески* (1669, 1709, 1748 гг.), *На Песках* (1678 г.) [Селин 2003: 308]. Обыкновенно церковный признак не закреплялся в имени погостского центра, а становился его сопроводителем, благодаря нередкому сообщению о церкви, поставленной на погосте. Писцы, нацеленные на описание округов, похоже, подразумевали (в силу синкретизма территориального и локального смыслов родового термина) и у погоста-мест название такое же, как у погоста-округа, но, избегая повторения, либо эллиптировали его до названия селения, где был обустроен погост, отмечая при этом наименование погостской церкви, либо (что наблюдается еще чаще) вообще опускали собственное название погоста-места, заменяя его родовым словом *погост*⁸ опять же с обязательным указанием церкви. Например, для погоста-округа, устойчиво именуемого *Егорьевским в Чудини* (или *в Чудини Егорьевским*), центром указан «въ Чудини ж погостъ, а в немъ церковь Егоргий Великий» [НПК, VI: 61–71, 72]; при описании *Никольского Будковского* погоста-округа название центрального селения вовсе опущено, дабы избежать повторения с заголовком главы, посвященной описанию сел и деревень округа: «а на погостѣ церковь Велики Никола» [НПК, III: 278].

В целом церковный признак устойчиво закрепился лишь в писцовой документации при номинации погостских округов, тогда как в народно-разговорной речи население искони называло погосты (причем не только их центры, но и сами округа) по древним селениям, в которых они были когда-то учреждены. После упразднения погостского окружного деления во второй половине XVIII в.⁹ перечисленные выше бывшие центры погостов именуется *Чудини (Чудины), Бутково, Молодильской (или Молодильно), Коломно (или Коломенской), Морконницы (иначе Морконецкой), Боровичи, Поддубье, Лоцемля, Пески*. «Нецерковный» тип номинаций древних погостов, поставленных при селениях и водоемах, оставался основным на протяжении всей эпохи существования погостского деления Новгородской земли. Погосты, известные по писцовым книгам как *Успенской Сабельской Водской пятины, Налючской Деревской пятины, Егорьевской во Млехе Бежецкой пятины, Доворецкой Шелонской пятины*, в памятниках XII–XIII вв.

⁸ В силу стереотипности такого эллипсиса родовое слово *погост* само иногда превращалось в собственное название погостского центра; см. центральное сс. *Погост* для Посонского погостского округа Деревской пятины (позднее оно стало называться с. *Покровское*), сс. *Погост* в Курском погосте-округе (позднее – сс. *Старокурское*) [ИАДП, 1: 181, 245].

⁹ В практике административного управления старое территориальное деление на погосты и пятины сохранялось до 80-х гг. XVIII в., но и после его официального упразднения погост, ставший низшей территориально-административной единицей, просуществовал до середины XIX в. [АТД Новг: 20]. Для эпохи XIX – начала XX в. новгородский погост – это «стоящая на церковной земле церковь с домами попа и причта, с кладбищем» [Даль, 3: 158].

именуются *Сабле* (1240 г.), *Налючь*, *Доворьць* (1200 г.) в Новгородской 1-й летописи [НПЛ: 45, 295], *Мьлевь* (из берестяной грамоты 885 середины XII в. [Зализняк 2004: 316–317]); эти средневековые имена погостских центров и округов унаследованы современными населенными пунктами *Саблѣ*, *Налючи*, *Доворец*, *Млево*. Таким образом, новгородская народно-речевая традиция, в отличие от официально-письменной традиции, заложенной первыми московскими писцами и переписчиками, не обособляла названия погостов от названий тех селений, при которых они когда-то появились.

Судя по топонимическим свидетельствам, древние погосты, установленные при селениях и впервые поименованные по селениям, особенно многочисленны в бассейнах рек Шелони, Плюссы, Луги, Мсты (в этой связи уместно вспомнить приведенное выше летописное сообщение об установлении Ольгой погостов и даней именно по Мсте и Луге).

Иной является топонимическая специфика погостов в целом сравнительно более позднего времени, которые учреждались после возведения церквей и монастырей вне существовавших селений, но обычно вдоль водных путей. О таких погостах, установленных при церквях, топонимия, извлекаемая из писцовых книг, зачастую сигнализирует географической привязкой к крупным рекам и озерам, но главное – наличием устойчивой номинации по церкви, которая, в отличие от рассмотренного выше типа, закрепляется не только в письменности, но и в народной речи. Благодаря речевому закреплению церковные наименования передавались в течение многих веков: пог. *Антоньевской на Волхове* 1500 г. идентифицируется с с. *Антоньево* XIX в. на левом берегу Волхова под Новгородом, на месте средневекового *Воскресенского на Порусье* пог. сегодня известно ур. *Воскресенское* к югу от Старой Руссы, пог. *Михайловской на Полоной* Шелонской пятины продолжен современной д. *Михайлов Погост* возле г. Дно, пог. *Михайловской в Деревской* пятины превратился в современную д. *Михайловское* при оз. *Михайловском* и р. *Березайка* западнее г. Бологое, на месте *Семеновского в Вудрицах* пог. сегодня стоит д. *Семеновщина* к западу от Валдая. Такого рода примеров можно подобрать немало. Погосты с устойчивым церковным типом номинаций значительно преобладают, в частности, по течению рек Волхов, Сясь, Паша (см., например, следующие один за другим вдоль р. Сяси пог. *Ильинской*, *Воскресенской*, *Никольской*, *Рождественской*, *Богоявленской*, сохранившие свои церковные имена и в XIX–XX вв.). Данный факт связан с издревле слабой заселенностью, даже безлюдностью этих заболоченных залесенных местностей, где крупных населенных пунктов почти не было, но проходили водные пути.

Для писцов и переписчиков книг конца XV–XVIII в. основной практической задачей являлась фиксация и описание селений по погостам-округам с целью налогообложения. Поэтому наименования округов предстают в сравнительно устоявшихся письменных формах-моделях на протяжении ряда столетий. Однако соотносимые с ними названия погостских центров в письменном языке не были строго регламентированы и в имеющейся документации представлены различными вариантами. В колеблющихся на письме вариантах названий погостских центров, непосредственно и более тесно связанных с народной речью, устойчивым оставалось только традиционное название селения, в котором основали погост. Порой по разным причинам наименование погоста-округа лексически не соотносится с названием погоста-места. Так, центр *Бельского* погостского округа Деревской пятины располагался в с. *Лишины* у р. Мсты¹⁰, центр *Никольского Пидебского* пог., вероятно, находился в устье р. Питьбы, где начиная с 1568 г. фиксируется с. *Королево*¹¹, центр *Никольского Толдожского* пог. был в с. *Котлы*. Иногда центрального пункта вовсе не существовало (например, округа *Заверяжье*, *Малая Лопца* не имели главного селения), или из-за документальных лакун погостский

¹⁰ Наименование *Бельского* округа объясняется близким соседством с округами *Прокотьевской на Белой* и *Богородицкой на Белой*, которые находились на противоположном берегу Мсты в Бежецкой пятине. Все эти топонимы отсылают к имени р. *Белая*, левого притока Мсты.

¹¹ Позднее оно стало центром дворцовой волости *Королево* (или *Пидебской* волости), к которой были приписаны деревни и Пидебского, и Кречневского пог. [Селин 2003: 88, 90, 92].

центр со своим исконным названием локализуется предположительно, как в случае с *Каргальским* пог.¹² Имена и местоположение некоторых погостских центров порой удается узнать только из более поздней исторической документации (так, о центральном селении описанного в писцовой книге 1500 г. *Антоновского на Волхове* пог., стоявшего на левом берегу Волхова, первые сведения дает дозорная книга 1615 г., в которой он именуется *Онтоньевским* [Селин 2003: 215]).

Первые писцы и переписчики систематизировали топонимическую номенклатуру погостов-округов, ориентируясь преимущественно на несколько главных моделей номинации, закрепленных в самых первых писцовых и переписных книгах конца XV в. – начала XVI в. и устойчиво воспроизводимых в письменной документации XVI–XVIII столетий. Эти главные модели показывают очевидную зависимость от пятинного деления Новгородской земли. Они различаются: 1) наличием одного или сочетанием двух главных признаков номинации – топографического, отражающего название смежных селения или водоема, и церковного, отражающего название церкви, 2) приоритетностью одного из этих двух признаков, 3) морфологическим выражением данных признаков, 4) особенностями соотношения наименований погостов-округов и погостов-мест. Следует подчеркнуть, что формулы номинации округов, сложившиеся на письме и используемые главным образом на письме, повлияли в большей или меньшей степени на оформление более поздних устоявшихся вариантов названий населенных пунктов, продолжавших средневековые погосты-места. Влияние письменной топонимической традиции на речевую в данном случае не стоит недооценивать, хотя оно вряд ли было существенным.

Кратко охарактеризуем главные номинационные модели. Одна из них представлена производным адъективом, содержащим относительный суффикс *-ск-* и заключающим топографический признак, который отсылает к исходному имени селения или водоема (пог. *Боротенской, Деревяницкой, Коломенской, Нерецкой, Сеглинской, Сумерской*). Еще К.А. Неволин [Неволин 1853: 96] отметил, что именно таким образом в писцовых книгах поименовано подавляющее большинство погостов-округов двух южных пятин – Шелонской и Деревской при том, что в остальных пятинах данная модель, за редким исключением, не используется. В отношении погостов-мест картина более разнообразна. Довольно часто средневековые писцы и переписчики именуют их аналогично соответствующим погостам-округам, т.е. адъективом на *-ской/-ский* (*Еглинской, Нерецкой, Сутоцкой, Хмерской* и т.п.); кроме того, очень много случаев неморфологического именования погостских центров по селениям, при которых они были поставлены (*Опоки, Дегжа, Бурегу, Борки, Налючи* и т.п.)¹³, или описательными конструкциями с эллипсисом географических имен, но с указаниями на церковь, ближайший водоем и др.¹⁴ После упразднения территориального погостского деления в 1770-х гг. примерно 20% названий населенных пунктов на месте бывших погостских центров Шелонской и Деревской пятин все еще сохраняли относительный суффикс *-ск-* в своей структуре. Материалы середины XIX в. сообщают о пунктах *Дремяцкой, Демьянск, Короцкое, Косицкое, Которска, Локоцкой, Лубинской, Передольской, Сытенской, Оксоцкой, Теребуновское, Чернецко, Чертицка, Ширской* и др., см. [Неволин 1853: 130, 141, 144–146, 150, 151, 175, 179, 180, 182, 183, 185, 187–189]. Повышенный процент адъективных

¹² Его центр можно соотнести с разными пунктами середины XIX в.: с д. *Краколье* (*Караколье*) на р. *Луге* или с д. *Гарколово* на берегу Финского залива [Неволин 1853: 134–135].

¹³ Писцы порой отчетливо различают наименования погостов-округов и погостов-мест, совмещая их; см. один из показательных примеров такого рода: «Въ Налючскомъ погостѣ въ Курскомъ присудѣ, въ Налючѣ на погостѣ» [НПК, II: 601]. Интересно, что погосты-места, при которых не имелось округов, даны писцами почти всегда в субстантивной форме: *Взвад, Ужин, Медведь* [НПК, V: 327, 354].

¹⁴ Например: «на погостѣ у Дмитрея Святого» (о центре Влажинского пог.) [НПК, I: 726] или: «Селцо надъ Короцкомъ озеромъ: въ немъ церковь Покровъ святаго Богородици» (о центре Короцкого пог.) [НПК, I: 321].

форм ойконимов допустимо объяснить влиянием модели на *-ской/-ский*, в течение столетий стабильно воспроизводимой в местной письменности при упоминании погостов. Все же подавляющее большинство названий бывших погостских центров сохранилось в своей исконной форме субстантива (*Облучье, Жедрицы, Щенец, Рютино, Млево, Язвици* и др.).

В редких случаях (менее 10% всей совокупности) наименования погостов Деревской и Шелонской пятин представлены адъективом, выражающим не топографический, а церковный признак. Таковы названия пог. *Фроловского* (по церкви в честь святых Флора и Лавра [НПК, IV: 37]), *Семеновского в Удрицах, Офремовского, Воскресенского, Рождественского, Петровского, Михайловского на Узе, Михайловского на Полоной Шелонской пятины* и *Михайловского* в Деревской пятине; к данному отцерковному типу названий примыкают деапеллятивные названия *Боженского, Черньчевицкого и Черенчевского* пог.; ср. яросл., волог. *божѡнка* 'божница', пск. *бо́жний* 'божественный' [СРНГ, 3: 65], др.-русс. *чър(ь)ньци* 'монахи'.

В составных наименованиях погостов-округов, представленных в писцовых книгах Водской, Обонежской и Бежецкой пятин, топографический признак обязательно сочетается с церковным признаком, который выражен первым и главным словом в словосочетании. Топографический признак всегда присутствует, но ему отводится роль дифференциатора, поскольку номинации погостов по церквям, будучи не вполне различительными, однообразными, постоянно повторяются (*Никольской Пидебской, Никольской с Городища, Никольской в Морткиничих, Никольской в Любонях, Никольской в Добрынях, Никольской в Дорке* и др.). Для нескольких названий погостов-округов Водской пятин, церкви которых стояли в городах, дифференциатором, напротив, служит церковный признак: *Пречистенской Городенской* (с церковью в Богородицком конце г. Старая Ладога), *Спасской Городенской* (с церковью Спаса Преображения в г. Орешек), *Воскресенской Городенской* (с церковью Воскресения в г. Корела); к ним примыкает и *Дмитреевской Городенской* с центром вблизи *городища* у д. Белая в верховьях Луги. Выдвижение адъектива с церковным признаком на первое место означает, что писцам конца XV в. и вслед за ними переписчикам XVI–XVIII вв. показалось важнее обозначить погосты именно как церковные округа с главным приходским храмом, расположенным в том или ином месте (или в той или иной местности). При этом сочетание церковного и топографического признаков по-разному грамматически структурировано в писцовых описаниях разных пятин.

Модель номинации погостов-округов, которая типична для одной только Водской пятин, представляет собой двухлексемную структуру из производных адъективов-приложений, включающих первый церковный и второй топографический признаки (*Никольской Пидебской, Егорьевской Теребужской, Федоровской Песоцкой, Дмитриевской Гдицкой*). Более того, очень часто такая двуадъективная структура характеризует также наименования соответствующих погостов-мест Водской пятин, причем она устойчиво воспроизводится в письменной документации на протяжении столетий вплоть до упразднения системы погостов в конце XVIII в. Так, центром *Егорьевского Лусского* погостского округа писцовые и переписные книги 1500, 1540, 1568, 1669, 1718, 1748 гг. отмечают пог. *Егорьевской* (иначе *Георгиевской*) *Лусской*, центром *Дмитриевского Городенского* округа указан пог. *Дмитриевской Городенской* под 1539/1540 и 1718 гг. (впрочем, наряду с *Городенской, Городня*), погостский округ *Успенской Хрепельской* главным своим селением имел пог. *Хрепельской Успенской* под 1500 г., или *Успенской Хрепельский* под 1539/1540, 1568, 1582, 1612 гг., позднее – *Хрепельской*; подобного рода тождества территориального и локального составных названий наблюдаются в описаниях на протяжении двух-трех столетий также пог. *Ильинского Тигодского, Никольского Будковского, Егорьевского Теребужского, Федоровского Песоцкого* и др., см. [Селин 2003: 107, 115, 155, 184, 189, 206, 292, 308]. Помимо данной топонимической специфики, для погостских центров Водской пятин, разумеется, не исключены и другие варианты номинаций в хронологически разных материалах (например, главное селение *Успенского Коломенского* округа именуется сельцом *Успенья Пречистой на погосте на*

Коломенском под 1500 г., или пог. Коломна под 1582 г., или пог. Коломенский под 1718 г. [Селин 2003: 242]). Церковный признак оказался, впрочем, неустойчивым: после отмены погостского территориального деления названия центров бывших округов стабилизировались обычно с сохранением исконной формы – без суффикса *-ск-* (*Теребужка, Песок, Коломно, Будково, Кречнево*). Значительно реже в таких названиях закреплялся церковный признак; таковы, например, отмечаемые в первой половине XIX в. с. *Богослово, с. Климонтово, д. Ильинская Тигода*, пог. *Егорьевской* (иначе *Лужской*), которые значились центрами средневековых погостов-округов соответственно *Иванского Переезжского, Климецкого Тесовского, Ильинского Тигодского и Егорьевского Лусского*, см. [Неволин 1853: 121, 126, 127].

Третья главная модель номинации погостов-округов – это составная структура, сложенная из опорного производного адъектива, выражающего церковный признак, и локативной формы гидронима с предлогом *на* (*Дмитриевской на Капше, Воскресенской на Сяси, Никольской на Пшогже, Рождественской на Водлоозере, Никольской на Андоме*). С помощью данной формулы писцы и переписчики конца XV–XVI в. и позднее описывали около 70% округов в Обонежской пятиине, включая около десятка поволховских погостов по обеим сторонам Волхова, принадлежавших как Обонежской, так и Водской пятиинам, а также примерно 20% погостов Бежецкой пятиины. В номинации соответствующих погостов-мест, как правило, использовались однословные имена по церквям (типа *Воскресенской, Рождественской*) или нерегулярные описательные конструкции. После отмены погостского деления стабилизировались однословные имена бывших погостских центров, заключающие либо церковный, либо топографический признаки. Для населенных пунктов конца XVIII – начала XIX в., продолживших бывшие погостские центры Обонежской пятиины, оказался сравнительно высоким процент закрепленной по церквям ойконимии. Такие селения XIX в., как *Михайловское, Никольская, Никольской, Васильевской, Воскресенской, Петровской, Рождественской*, в средневековое время считались центрами погостов соответственно *Михайловского на Волхове, Никольского на Явосьме, Никольского в Дреглах, Васильевского на Волхове, Воскресенского на Сяси, Петровского на Пшогже, Рождественского на Паше*; перечень этот легко продолжить. Другая, более многочисленная группа сохранившихся к XIX в. селений на месте погостских центров Обонежской пятиины закрепила производные, причем очень часто с суффиксом *-ск-*, названия по водоему. Таковы, например, ойконимы *Масельской, Вороновской, Явосемской, Шугозерской, Хубец* применительно к пунктам XIX в., которые продолжили главные селения средневековых пог. *Воскресенской на Масельге, Рождественской на Вороной, Никольской на Явосьме, Спасской на Шугозере, Покровской на Хубце*; см. [Неволин 1853: 157, 160–162, 164, 165].

В рассматриваемой модели номинации погостов-округов топографический признак выражает неопределенную локализацию погоста-места (в прикреплении к местности – бассейну большой реки или озера, а не к конкретному локусу – старому селению). Данная конструкция, похоже, предполагает сравнительно позднее, относительно времени писцовых описаний конца XV–XVI в., становление многих погостов именно как церковных округов, центры которых не обустраивались в уже существовавших старых населенных пунктах, носивших свои специфические названия, а ставились по берегам водоемов, от которых и получали свои новые имена.

С отгидронимной моделью, типовой для Обонежской пятиины, морфологически смыкается характерная особенно для описания Бежецкой пятиины модель номинации погостов-округов, представляющая собой структуру из опорного адъектива с церковным признаком и локативной формы топонима с предлогом *в* (*Никольской в Шереховичах, Спасской в Молодильне, Спасской во Млеве, Петровской и Борисоглебской в Боровичах, Воскресенской в Избоицах, Богородицкой в Сеглинах*). Отличие от отгидронимной модели заключается в семантике локативной формы, которая привязывает не к местности при водоеме, а к месту – конкретному селению, при котором был обустроен погостский центр. Разновидностью данной модели выступает конструкция, указывающая не на селение, а на небольшую территорию (волость или волостку), но эта территория, в отличие

от бассейна водоема, имела свои традиционные границы и носила свое специфическое древнее имя. Например, пог. *Ильинской в Слезкине, Никольской в Слезкине, Покровской в Слезкине, Воскресенской в Слезкине* располагались в границах одной большой волости *Слезкино*, пог. *Троицкой в Охоне, Никольской в Охоне, Ивановской в Охоне* находились в волости *Охона*. После отмены погостского деления пункты, в которых располагались центры округов, в целом сохранили свои прежние исконные имена (*Шереховичи, Молодильно, Боровичи, Избоищи, Сеглины*). Центры погостов, которые были приурочены к древним волостям, закрепили названия по церкви (так, на месте погостов-мест в волостях *Охона, Слезкино* в XIX в. сохранялись населенные пункты *Троицкой, Ивановской, Спасской, Ильинской Слезкинской, Никольское, Покров, или Покровское*, см. [Неволин 1853: 202, 204, 213–215]).

Прочие модели номинации погостов-округов в писцовой документации встречаются редко, спорадически, часто безотносительно к тем или иным пятинам. В их числе: модель с одним адъективом, носителем церковного признака (*Фроловской, Михайловской*); модель, представленная двумя адъективами с церковным и топографическим признаками и топонимом в локативе (*Никольской Поддубской в Еванове, Покровской Удомельской в Залесье, Успенской Коломенской на Волхове*; встречается при описаниях Бежецкой и Водской пятин); модель, сочетающая адъектив с церковным признаком и топоним в номинативе (*Воскресенской Клин, Богородицкой Замутье*; обнаруживается при описаниях Бежецкой пятины) и др.

В очевидной соотнесенности главных номинационных моделей погостов-округов с пятинным делением не стоит искать глубоких историко-топографических оснований. Само пятинное деление было проведено по крупным рекам региона (Волхов, Мста, Луга, Шелонь, Ловать), по-видимому, сравнительно поздно¹⁵, по крайней мере без учета древнего традиционного деления на погосты, коль скоро немало погостов, распространявшихся по двум берегам крупных рек, оказались в двух смежных пятинах. Топонимическая номенклатура погостов в том виде, в каком ее доносят писцовые книги XV–XVI вв., являет собой систему элементов, единообразно и сознательно упорядоченных писцами и переписчиками уже в московский период новгородской истории. Разные пятины описывались разными московскими писцами, которые для передачи названий погостов-округов ориентировались на избранные ими структурные формулы и придерживались их в своих описаниях. Эти формулы, принятые первыми московскими писцами, традиционно воспроизводились последующими поколениями переписчиков. Московские писцы, которые в конце XV в. описывали Деревскую и Шелонскую пятины, очевидно, ориентировались на народную, древненовгородскую традицию именованя погостов как территориальных центров, а не как церковных приходов. Данная топонимическая традиция недвусмысленно свидетельствует о том, что богослужебная функция погостов не являлась первичной в эпоху их раннего установления. Писцы, описывавшие Водскую, Обонежскую и Бежецкую пятины, во главу угла поставили церковно-приходскую функцию, которая к XV в. стала основной в погостском делении Новгородской земли. Показательно, что номинации погостских центров, полученные по церквям, характеризуются особенной множественностью вариантов. В отсутствии речевой закреплённости ощущается недооформленность отцерковной ойконимии, что может быть обусловлено недавним появлением стоявших за ними погостских центров. Очевидно, система погостов в той номенклатуре и границах, которые зафиксированы первыми сохранившимися писцовыми книгами конца XV – середины XVI в., окончательно сложилась в сравнительно позднее время, вероятно, в XIV–XV вв.

От рассмотрения главных моделей номинации погостских округов перейдем к интерпретации происхождения погостской ойконимии. Если взять наименования погостских селений и округов по церквям, то они в основном сравнительно молоды,

¹⁵ В историографии, однако, не сложилось единого мнения о времени возникновения пятинного деления: одни исследователи связывают пятины с эпохой преобразований после присоединения Новгорода к Москве, другие относят к эпохе новгородской независимости [АТД Новг: 11].

однообразны, неспецифичны, многие из них часто повторяются, будучи известными в разные века христианства далеко за пределами Новгородской земли¹⁶. Напротив, ойконимия погостов, перенесенная от древних селений и водоемов, содержит черты архаичности и вполне разнообразна в плане мотивационной семантики и деривации. Есть у нее и общие особенности. В первую очередь обращает на себя внимание повышенный удельный вес погостских названий, дублирующих имена соседних рек и озер. Вектор деривации от гидронимов, среди которых оказалось много имен дославянского происхождения, определенно доказывается исходно гидронимическим характером основ данной ойконимии. Погосты-округа, центральные селения которых носили отгидронимные названия, весьма многочисленны, поэтому приведем лишь отдельные показательные факты. Например, таковы стереотипно воспроизводимые писцовыми книгами XV–XVI вв. следующие названия погостов: *Бельской* (с центром на р. *Белая* в течении Шелони), *Березайской* (при р. *Березая*, позднее *Березайка*, тскушей из оз. *Березай*), *Бологовской* (при с. *Бологое* на оз. *Бологое*), *Богородицкой Врудской* (при с. *Вруда* на р. *Вруда*), *Богородицкой в Смердомле* (при с. *Смердомля* на р. *Смердомля*), *Васильевской Ровдужской* (на р. *Ровдуга*), *Вельевской* (при оз. *Велье*), *Воскресенской на Масельге* (с центром на р. *Масельга*, позднее названном *Масельской*, или *Масельга*), *Дегожской* (с центральным с. *Дегжа* на оз. *Дегжа*), *Должинской* (при с. *Должино* на оз. *Должино*¹⁷), *Еглинской* (с центром *Еглинской* при оз. *Еглино*), *Егорьевской в Кирве* (с центром, известным позднее как пог. *Кирвовский*, или *Кирва*, при р. *Кирва*), *Егорьевской Лусской* (в верховьях р. *Луга*), *Жедрицкой* (при с. *Жедрицы* на оз. *Жедрицкое*¹⁸), *Илеменской* (при с. *Илемно* на р. *Илемна*, позднее *Илеменка*), *Ильинской Тигодской* (с центром на р. *Тигода*), *Климецкой Тесовской* (при с. *Тесово* на оз. *Тесово* и р. *Тесова*), *Морева*, или *Моревской* (в с. *Морева* на р. *Морея*, сегодня *Маревка*¹⁹), *Нерецкой* (при оз. *Нерецкое*, ранее *Нерцо*²⁰), *Никольской в Левоче* (при с. *Левоча* на р. *Левоча*), *Никольской Ижорской* (при с. *Ижора* на р. *Ижора*), *Никольской Молдинской* (при с. *Молдино* у оз. *Молдино*), *Никольской Толдожской* (с центром в с. *Котлы* на р. *Толдога*), *Никольской Суйдовской* (на р. *Суйда*), *Никольской Удомельской и Покровской Удомельской в Залесье* (с центрами при оз. *Удомля*), *Пажеревской* (при с. *Пажеревичи*, иначе *Пажерицы*, *Пажеревичи*, при ручье²¹), *Пидебской* (с центром в устье р. *Пидьба*), *Пиросской* (при с. *Пирос* на оз. *Пирос*), *Покровской в Сорогошине* (при с. *Сарагожское* на р. *Сырогожа*, или *Сурогожа*), *Покровской и Никольской в Черенке* (центр в с. *Черенко* при р. *Черной*), *Полишской на Волхове* (с центром у р. *Полисть*, притоке Волхова), *Деманской* (с центром *Селище* у Николы на *Демянке*²²), *Полоновской* (при с. *Пол(о)ново* близ р. *Полоновка* и оз. *Полонец*), *Понедельской* (с центром в с. *Понеделье* на р. *Понеделька*²³), *Посонской* (центр – с. *Погост* на р. *Цна*), *Снежской* (центр на р. *Снежа*), *Солецкой* (центр при

¹⁶ В целом оказалось закреплено около трех десятков церковных наименований погостов. Среди них повторяются (в порядке убывания) названия *Никольской*, *Богородицкой*, *Успенской*, *Егорьевской*, *Михайловской*, *Ильинской*, *Петровской*, *Воскресенской*, *Спасской*, *Рождественской*, *Покровской*, *Дмитриевской*, *Иванской*, *Васильевской*, *Введенской*, *Климецкой*, *Троицкой*, *Григорьевской*, *Антоньевской*, единичны: *Андреевской*, *Федоровской*, *Воздвиженской*, *Офремовской*, *Фроловской*, *Богоявленской*, *Прокопьевской*, *Борисоглебской*, *Кузьмодемьянской* и др.

¹⁷ *Должино* было интерпретировано как гидронимический балтизм со значением 'красивное озеро' ввиду лит. *dilginis* 'крапивный' и т. п., подробнее см. [Васильев 2003: 114–116].

¹⁸ К балт. гидронимической основе *gedr- 'ясный', подробнее см. [Васильев 2012: 622].

¹⁹ Основа *mor-* означает здесь 'озерную' реку, подробнее [Васильев 2009б: 268–269].

²⁰ К основе *ner- 'погружаться, нырять', принадлежащей гидронимии, см. [Васильев 2012: 458–459].

²¹ Трактовалось как др.-слав. дериват с префиксом *na-* от смежного гидронима (село стоит при ручье) с основой *жерев-/жер-*, часто повторяющейся в водных именах [Васильев 2009а: 8–9].

²² В центре *Деманского* погоста-округа, помимо речки *Демянки*, располагался среднеславянский г. *Демон*, рядом с которым лежит оз. *Мосылинское*, некогда носившее имя на **Дем-ен-* 'грязное, топкое', подробнее см. [Васильев 2005: 97–110].

²³ Трактовалось как дериват с префиксом *no-* от гидронима с субстратной основой *ned- 'течь, плыть' [Васильев 2009а: 10–11].

впадении р. *Сольца*, иначе *Посолка*, в Волхов), *Спасской Орлинской* (при с. *Орлино* у оз. *Орлино* и р. *Орлинка*), *Сумерской* (при оз. *Самро*), *Ужинской* (при с. *Ужин* на оз. *Ужин*), *Устьволомской* (при с. *Усть-Волма* в устье р. *Волмы*), *Хмерской* (при оз. *Хмерское*²⁴), *Хольинской*, иначе *Петровской на Хольне* (с центром в с. *Хольня* при р. *Хольня*), *Холовской* (с центром *Холова* на р. *Холова*), *Шегринской* (на р. *Шегрина*, иначе *Щегрина*), *Щирской* (при с. *Щир* на оз. *Щир*), вероятно, *Млевской* (при с. *Млево* на р. *Млевка*, впадающей во Мсту²⁵); сюда же еще *Буец* и *Стерж*, древненовгородские волости, перечисляемые среди погостов-округов, с центральными селениями – пог. *Буец* и *Стерж* при озерах *Буец* и *Стерж*. Перечисленные названия или их основы доказываются как первично гидронимические по специфике апеллятивных коррелятов, обыкновенно образующих гидронимы, по наличию параллелей именно в гидронимии, по типологии формантов, характерных только для гидронимов. Среди них обнаруживается много дославянских гидронимических основ, из которых одни уже раскрыты этимологически, другие еще ожидают специального этимологического анализа (балт. *Вруда*, *Дегжа*, *Должино*, *Демянка*, *Жедрицы*, *Млевка*, *Морея*, *Полисть*, *Понеделька*, *Стерж*, *Тесова*, *Цна*, балт. или слав. *Снежа*, *Удомля*, прибалт.-финск. *Ижора*, *Кирва*, *Луга*, *Масельга*, *Пирос*, *Питьба*, *Ровдуга*, *Самро*, *Толдога*, *Тигода*, *Суйда*, *Хмерское*, балт. или финск. *Молдино*). Изложенный топонимический ряд неполон, его можно продолжить, но перечисление займет слишком много места. В целом отгидронимных названий новгородских погостов набирается не менее трети от всей совокупности исследуемой топонимии. Особенно высок удельный вес отгидронимных погостских названий в Деревской пятине (по нашим приблизительным подсчетам, до 40% всей суммы).

Часть древних погостов получила свои отгидронимные имена опосредованно – через существовавшие до них селения с отгидронимными именами, расположенные на берегах рек и озер. Другие погосты были поименованы непосредственно от рек и озер, если они были заложены как станы, пункты сбора дани при водных путях вне селений. Погостские центры устраивались, как правило, у берегов сравнительно крупных водоемов, традиционно значимых для окрестного населения в качестве объектов хозяйствования и/или коммуникаций. В свою очередь конфигурации соответствующих погостов-округов нередко показывают в центре погостского округа озеро, по которому наименован округ, или же они отчетливо ориентированы по течениям рек, названия которых отражены в наименовании погоста.

Помимо отгидронимных номинаций, названия погостов отразили многообразие объектов природного и культурного ландшафта. Славянская терминология, мотивирующая такую ойконимию, опять же чаще всего свидетельствует о смежности с водоемами, обозначая их особенности или ориентацию по ним. Погосты устанавливались по берегам водоемов (*Забережье*, *Заозерицы*, *Заречье*, *Локотско*²⁶, *Молодильно*²⁷, *Озерева*, *Ручьи*, *Сутоки*, *Устрека*, *Устьяны*) или на низменных, сырых, моховых местах, обычно связанных с водоемами (*Болонье*, *Влажины*, или *Лажины*²⁸, *Вшели*, *Грезна*, *Дрегли*,

²⁴ Ср., например, финск. *hämärä* 'сумрачное, темное'.

²⁵ Основа восходит к апеллятиву, максимально близкому лит. *mulvas* 'грязь', *mulvė* 'тина, ил', 'грязь', 'болото', 'родник, источник' [Невская 1972: 347–348], сюда же *Mulelė*, *Mūliškės*, микротопонимы в Литве [Vanagas 1981: 221]; ср. также родственные славянские термины (на иной ступени чередования), такие как блр. и русск. диал. *мул*, *муля*, *муляка* 'ил, нанос, мутная вода' и др. Внешне possessивный облик формы *Млево*, похоже, сложился не без славянской «подгонки» гидронимического балтизма под тип адъективных дериватов с суффиксом *-ев-*.

²⁶ Селение расположено на *локте* – крутом изгибе р. Мсты.

²⁷ Центральное селение и весь округ *Спасской в Молодильне* охватывает цепь соединяющихся друг с другом *Молодильских* озер, которые отличаются карстовостью, уходом под землю и наполнением из-под земли. Название отметило периодичность этих озер, которые в период своего появления действительно являются «молодыми»; ср. диал. *молодой* 'новый, только что приобретенный, появившийся', *молодѣть* 'зарождаться (о месяце)' [СРНГ, 18: 222, 227].

²⁸ При сравнении с диал. *лаг* 'овраг, ложбина, лог' (Крестец. Новг., Орл., Том.), *лага* 'низкое влажное место' (Вожег. Волог., Арх.), 'низкая, непригодная земля' (Арх.) [СРНГ, 16: 223].

Жабны, Замошье, Кречнево, Лучани, Мокрыни, Мошна, Наволок, Облучье, Передолье, Плави, Ситно, Смердыни, Сытино, Тростны, Тухоли, возможно, Грузино), а также у порогов, волоков и переправ (Бух²⁹, Быстрое, Великий Порог, Волок Держков, Волок Хотславль, Вышний Волочек, Переезд)³⁰, на высоких, боровых местах, возвышениях среди болот и древних городищах (Борки, Боровичи, Высокое, Вышгород, Городище, Городня, Заборовье, Остров, Сопины, Холм), на открытых местах, в том числе расширенных из-под леса (Вудрицы, Голино, Дора, Дорок, Дретено, Дятелино³¹, Кострецы, Ляды, Ополье, Полици, Поляны, Теребушка, Чертицко), на облесенных или поросших деревьями местах (Береза, Березовец, Деревя, Деревяницы, Дубровно, Липна, Налесье, Ореховно, Поддубье, Хрепле³², Ясеновичи), на разных видах почв и неровностях почв (Копорье, Кременичи, Опоки, Пески, Суглица, Шереховичи, Язвици, возможно, сюда же Коростынь³³), а также на иных местах, связанных так или иначе с деятельностью людей: Боротно, Бронница, Взвяд, Дыми, Загородье, Карачуницы, Клин, Которско, Крестцы, Лубино, Любони, Мытно, Осечня, Ретно, Сеглины, Смольно, Щепец и др.³⁴ Подробнее остановимся на повторяющемся ойкониме Коломно, обозначающем языческие места погребений. В разных новгородских пятинах имелось четыре Коломенских погостских округа с центральными селениями Коломно, расположенными: 1) на левом берегу Ловати ниже г. Холм, 2) на левом берегу Волхова выше современного г. Чудово, 3) на правом берегу Мсты в ее среднем течении (сегодня – д. Окулово), 4) близ оз. Коломно и р. Коломенка в верховьях р. Мсты неподалеку от Вышнего Волочка. Языковыми источниками этой и другой топонимии на Кол(о)м- исследователи указывали финск. *kalma* ‘смерть, могила; загробный мир’, карел. *kalma*, ливск. *kalmi* ‘могила’, вепс. *kaum*, *koum* ‘то же’, эст. *kalm* ‘неосвященное кладбище, могильный холм’, вод. *kalmo* ‘кладбище’ и т.п. лексемы (см. [Попов 1981: 67–68; Мызников 2004: 140–142; Kalima 1919: 125] и др.). Частотность проявления данной топонимической основы, усвоенной славянами в дохристианскую эпоху, свидетельствует о том, что древненовгородские территориальные центры часто вырастали в местах, до прихода славян обжитых народами, имевшими поблизости свои традиционные места погребений. Не исключено, что подобным образом нужно трактовать также название с. Хутынь, бывшего центром пог. Введенского Хутынского на Горке; ср. олон. *хути́ть* ‘хоронить, погребать’, *охути́ть* ‘спрятать’, *сохути́ть(ся)* ‘спрятаться, скрыться’ в русских говорах Карелии, *хуто́к* ‘укромное место’ и др., подробнее см. [Васильев 2012: 506–510].

²⁹ Перед нами исконное название порожистого участка на р. Поле, перенесенное на погостский центр (рядом действительно отмечают пороги Бух и Телеша, см. [Шанько 1929: 356]). Являясь первичной номинацией порога, Бух легко объяснимо из др.-русс. *бухати* ‘бухать, бить, шуметь (о воде)’ (ср. структурно-семантическое сходство с названиями порогов Рык и Вып на р. Мсте: к др.-русс. *рыкати* и *вьпяти*).

³⁰ Дополнительно стоит отметить, что название центрального селения Скнятинского пог. Шелонской пятины тоже, по-видимому, было получено от смежного речного порога на р. Шелонь; ср. упоминание в этом погосте Введенского Скнятинского монастыря «что на Скнятинъ порозъ» [НПК, V: 40].

³¹ Вероятное указание на поле, поросшее клевером, ввиду диал. *дятьльник*, *дятьловина*, *дятьлевина* и подобных обозначений клевера [СРНГ, 8: 308–309].

³² Ср. твер. *хрепняк* ‘старый лес’ (Ост.) [ОСГКО: 274], пск. *хрип*, *хрып* ‘мелкий сосняк по болоту’ [Кузнецов 1915: 141].

³³ Если сблизать Коростынь с новг. диал. *коростынь* ‘болотный кочкарник’ (Чуд.) [НОС, 4: 116], тул. *короста* ‘кочковатое и болотистое место’, волог. *коростоватый* ‘кочковатый’ и др. [СРНГ, 14: 366, 367]. Однако существуют и неславянские трактовки данного топонима.

³⁴ Значительная доля семантически не очевидных ойконимов с чертами архаичности, представленных в данном перечне (Боровичи, Боротно, Волок Держков, Волок Хотславль, Вудрицы, Вишли, Вышгород, Грузино, Дрегли, Дретено, Копорье, Крестцы, Кречнево, Кременичи, Лучани, Озерева, Сеглины, Сытино, Теребушка, Устьяны, Шереховичи, Ясеновичи), ранее была подробно исследована нами (их легко найти по Топонимическому индексу в [Васильев 2012]).

Что касается названий погостских селений, произведенных от личных имен, то они сравнительно немногочисленны на фоне значительного большинства ойконимов с исконным собственно топографическим смыслом (что разительно отличает погостскую ойконимию от более поздней ойконимии деревень). К антропонимии восходят, в частности, посессивные названия погостских центров *Болчино, Будково, Быстреево, Велиля, Люботино, Любытино, Налючи, Неболчи, Прибуж, Рамышево, Рютино, Словятино, Теребуново, Чудини* и др. Все обусловившие их личные имена-мотиваторы являются дохристианскими, принадлежавшими, надо полагать, ранним славянам, заселявшим эти места: *Бълч(-ь, -а), Будко, Быстрѣи, Велил(-ь, -о), Любота, Любыта, *Налють, Небълта, Прибудъ, Рамышь, Рюта, Словята, Теребунъ, Чудинъ*³⁵. Появление данных погостских ойконимов не связано с христианством: они закрепились преимущественно в дохристианскую эпоху, вероятно, даже до установления самих погостов. Их следует отличать от погостских ойконимов, отсылающих к христианским именам; эти последние явно принадлежат святым покровителям церквей, поставленных на погостах. Писцовые книги во многих случаях прямо свидетельствуют об этом, сообщая о церкви в честь святых *Петра и Павла* в пог. *Петровском* [Андрияшев 1914: 164], святых *Флора и Лавра* в пог. *Фроловском* [НПК, IV: 37], святого *Симеона* в пог. *Семеновском в Удрицах* [НПК, I: 765], *Архангела Михаила* в *Михайловском на Узе* пог. [НПК, V: 66, 663], *Дмитрия Солунского* в *Дмитреевском Городенском* пог. [НПК, III: 182], *Иоанна Богослова* в пог. *Ивановском Переездовском на Волхове* [НПК, III: 486] и др. Деривация названия погоста-места от полного христианского имени определенно подразумевает номинацию по церкви, даже если наименование этой церкви источниками не свидетельствуется, например, *Офремовской* пог., конечно, был назван не по заселителю *Офрему*, а по церкви в честь святого *Ефрема*³⁶.

Заметной структурной особенностью ойконимии погостских центров является повышенный процент названий множественного числа на *-ичи/-ицы*, на *-ан(-е, -и, -ы)* и на *-и/-ы*: *Бегуницы, Бежичи*, или *Бежицы, Братиловичи, Веницы, Вздылицы, Гедевичи, Гостиничи, Карачуницы, Колбеги, Кременичи, Листовичи, Лучане, Ляховичи, Молвятичи, Морозовичи, Морткиничи, Павы, Пажеревичи, Пиркиничи, Тервиничи, Устьяны, Чайковичи, Черенчицы* (переоформленное из более ранней формы *Черняне*), *Черньчевичи, Шереховичи, Черняне, Яжелбицы, Ярославичи* и др. Перечисленная ойконимия, за малым исключением, отсылает к номинациям групп людей, а эти номинации в свою очередь являются либо патронимами, либо родовыми прозвищами (таков, похоже, ойконим *Павы*, восходящий к прозвищу от др.-русск. *павь* 'павлин'), либо этническими обозначениями (возможно, таковы *Ляховичи, Колбеги*³⁷), либо обозначениями жителей или поселенцев по характерным признакам окружающего ландшафта. Данные ойконимы отмечали владения не одного лица (что легко предполагается ойконимией посессивного типа), а целой группы поселенцев, родственных или неродственных друг другу, расселявшихся неподалеку в какой-либо местности. Возможно, такие населенные пункты быстрее становились территориальными центрами, поскольку совокупные владения

³⁵ Большинство перечисленных отантропонимных названий вкупе с именами-мотиваторами ранее уже анализировались подробно в нашей книге [Васильев 2012]. Коснемся лишь не изучавшихся ранее имен *Будко* (> *Будково*), *Словята* (> *Словятино*) и *Рюта* (> *Рютино*) из данного списка. Первое и второе имя засвидетельствованы новонайденными берестяными грамотами № 1031 и 1050 [Зализняк, Янин 2013: 11, 14]. Из них *Будко* является гипокористическим производным от полного имени типа *Будиславъ*, *Рюта* квалифицируется как прозвище, равное причастной форме др.-русск. глагола *рюти* 'реветь'.

³⁶ Исключение из этого правила – название пог. *Кснятин* (*Кснятинской*) в Шелонской пятине, произведенное при помощи архаической йотово-посессивной суффиксации от имени *Къснятинъ* (*Къснята*), древнерусской народной формы лат. *Constantinus*, употребительной у восточных славян, возможно, еще до принятия христианства. Здесь следует говорить об имени поселенца, поскольку данная народно-разговорная форма антропонима, кажется, не использовалась применительно к угодникам божьим.

³⁷ По Фасмеру, др.-русск. *кълбязь* 'варяг – член союза' [Фасмер, II: 287].

группы поселенцев охватывали значительные площади, простирались на большие расстояния. Все это отразилось впоследствии на территориальном размежевании погостов, волостей и отдельных вотчин. Несомненна тесная связь рассматриваемой ойконимии с крупными формами землевладения, характерными для Новгородской земли.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

д. – деревня, пог. – погост, погосты, р. – река, с. – село, сц. – сельцо, оз. – озеро, ур. – урочище

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АТД Новг – Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области 1727–1995 гг.: Справочник. СПб., 2009.
- Андряшев 1914 – *А.М. Андряшев*. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. I: Списки селений; Вып. II: Карты погостов. СПб., 1914.
- Болховитинов – митр. *Евгений (Болховитинов)*. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.
- Васильев 2003 – *В.Л. Васильев*. Очерки новгородской субстратной топонимии (др.-балт. *Должино, Цемена*) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конф. Ч. II. Воронеж, 2003.
- Васильев 2005 – *В.Л. Васильев*. Городок *Демон* средневековой Новгородской земли (История населенного пункта и этимология имени) // Вопросы ономастики. 2005. № 2.
- Васильев 2009а – *В.Л. Васильев*. Архаическая топонимия с префиксом *no-/na-* на Русском Северо-Западе // Вопросы ономастики. 2009. № 7.
- Васильев 2009б – *В.Л. Васильев*. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. XVIII: Сб. науч. трудов. М., 2009.
- Васильев 2012 – *В.Л. Васильев*. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- Даль – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1998.
- Зализняк 2004 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк, Янин 2013 – *А.А. Зализняк, В.Л. Янин*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг. // Вопросы языкознания. 2013. № 4.
- ИАДП – *А.А. Фролов, Н.В. Пиотух*. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.; СПб., 2008.
- Кузнецов 1915 – *И.Д. Кузнецов*. Рыболовственный словарь Псковского водоема. Пг., 1915.
- Лавр. лет. – Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.
- Мызников 2004 – *С.А. Мызников*. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Невская 1972 – *Л.Г. Невская*. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Неволин 1853 – *К.А. Неволин*. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты. СПб., 1853.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.
- НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ОСГКО – *Т.В. Кириллова, Н.С. Бондарчук, В.П. Куликова, А.А. Белова*. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- ПКВод – Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851; Кн. 12. М., 1852.
- ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. Т. 1. М., 1999; Т. 2. СПб., 1999; Т. 3–6. М., 2001–2009.

- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Платонова 1984 – *Н.И. Платонова*. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Попов 1981 – *А.И. Попов*. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Селин 2003 – *А.А. Селин*. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–43–. СПб., 2002–2010–.
- Фасмер – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- Фролов 2008 – *А.А. Фролов*. Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 11 (21). СПб., 2008.
- Шанько 1929 – *Д.Ф. Шанько*. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Kalima 1919 – *J. Kalima*. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société finno-ougrienes. XLIV. Helsinki, 1919.
- Vanagas 1981 – *A. Vanagas*. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Сведения об авторах:

Валерий Леонидович Васильев
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого (НовГУ)

Нина Николаевна Вихрова
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого (НовГУ)
vihnn@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.11.2013.

© 2014 г. И.Б. СЕРЕБРЯНАЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ О ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматриваются возможности использования материалов русской литературной критики в качестве важного источника лингвистических сведений. В этих суждениях, представляющих собой проявление языкового сознания, отражаются тенденции языкового развития, проблемы культуры речи, лингвистические вкусы и предпочтения эпохи.

Ключевые слова: русский язык, языковое сознание, оценки языка, языковая норма, русская критическая литература первой половины XIX в.

The article discusses the possibility of using Russian materials of literary criticism as an important source of linguistic information. These judgments, which are a manifestation of linguistic consciousness, reflected the trend of language development, cultural and speech problems, linguistic tastes and preferences of the era.

Keywords: Russian language, language consciousness, language assessment, standard dialect, Russian critical literature of the first half of the XIX century

Критика всегда соответственна тем явлениям, о которых судит: поэтому она есть сознание действительности.

В.Г. Белинский

Изучение ценностного отношения к языку является важной проблемой современного языкознания. В этом плане вызывает большой интерес как спонтанная, так и обдуманная критико-лингвистическая деятельность носителей языка, обращенная к Слову.

О необходимости исследования оценок языка (речи) и возможности использования в лингвистике результатов этих изысканий пишут многие языковеды: [Шварцкопф 1970; Виноградов 1981; Вольф 1985; Арутюнова 1988; Винокур 1991; Кронгауз 1999; Вепрева 2002; Григорьев 2004] и др.

Следует отметить, что работы как о спонтанных оценках (которые изучаются наиболее активно), так и о намеренных (к которым ученые обращаются реже) имеют преимущественно обобщенно-теоретический характер и посвящены большей частью эпохе XX – начала XXI в. Так, А.А. Шунейко рассматривает в названном отношении индивидуальные стили В.М. Шукшина, И.А. Бродского, А.Т. Драгомошенко и В.В. Ерофеева [Шунейко 1992: 14–19; 2001: 389–392]. М.А. Кронгауз пишет об идеях критики языка, возникших в Венском кружке, Кембриджском и Оксфордском университетах (конец 1920-х – 30-е гг.), а также рассматривает критику русской речи в советское и постсоветское время [Кронгауз 1999: 143–146]. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху как проявление мировосприятия носителей языка исследуется в монографии И.Т. Вепревой [Вепрева 2002]. Работы ретроспективного плана, посвященные языковым оценкам, встречаются не столь часто. Таковы, например, исследования Г.В. Судакова [Судаков 2012: 95–105] и Э.Л. Трикоз [Трикоз 2010: 3–20], в которых анализируется метаязыковая рефлексия в России второй половины XIX в.

Между тем в соответствии с идеями Г.О. Винокура и В.В. Виноградова изучение оценочных суждений о языке особенно перспективно с точки зрения его истории, по-

сколькo отражает состояние речево́й культуры, характер «языкового идеала» и «лингвистические вкусы» в конкретную эпоху [Виноградов 1981: 175; Винокур 1991: 39–40].

Как известно, исследованием литературной критики (творческой деятельности по оценке художественных качеств и общественной роли словесных творений) [СЛТ: 168] занимаются в основном литературоведы. Однако литература – искусство слова, и критики уделяют большое внимание этому «первозлементу», по выражению М. Горького [Горький 1953: 212], литературного творчества, оценивая не только идейно-содержательную, но и языковую сторону произведений и касаясь при этом наиболее актуальных для носителей языка проблем культуры речи. Эти рассуждения как проявление языкового сознания, затрагивающие практически все уровни языка (от фонетического до грамматического), весьма значимы для языковедов. Изучение лингво-оценочного материала позволяет судить об основных тенденциях в функционировании и развитии языка определенного периода.

В связи со сказанным кажется целесообразным вычленение особой области языкознания – русской лингвистической **аксиографии** (от др.-гр. слов ἀξία ‘ценность’ и γράφω ‘пишу’), изучающей специальные высказывания критиков (в статьях, рецензиях, библиографических заметках, эстетических и риторических трактатах, дневниках, мемуарах и т.п.) о языковой составляющей отечественной литературы. Важно отметить, что критикующие далеко не всегда считают нужным аргументировать свою точку зрения, полагаясь на лингвистическую компетентность читателей или (в случае не рассчитанных на публику маргиналий, черновых заметок и т.п.) не видя в этом нужды. Иногда же имеющиеся комментарии в наши дни непонятны, поскольку были написаны давно. Поэтому аксиографические факты часто представляют своего рода лингвистические загадки, для решения которых требуются изыскания с привлечением лексикографических источников, грамматических руководств, узальных данных. Так, например, требует объяснения любопытная оценка, высказанная А.Ф. Воейковым в рецензии на поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». По поводу строк *...вдруг витязь мой, Вскипев, железною рукой С седла наездника срывает* критик указал, что «слово *наездник* низко и выходит из общего тона» [ППК: 59–60]. Определение *низкий*, часто используемое применительно к языку рецензируемых произведений в русской критической литературе XVIII – первой половины XIX в., претерпело, как об этом свидетельствуют данные словарей, существенную смысловую эволюцию. Если в «Словаре Академии Российской» *низкое слово* толковалось лишь как ‘простонародное’ [САР, 4: 528], т. е. стилистически сниженное, то в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. еще и как ‘площадное’, т. е. неблагопристойное [СЦР, 2: 458]. Дело в том, что в прошлом *наездник* – это не только ‘всадник’, ‘любитель верховой езды’, как в современном русском языке, но еще и ‘всадник, действующий против неприятеля наездом’, ‘морской разбойник, перехватывающий чужия суда’, ‘разбойник, пират, корсарь’ [САР, 5: 981; СЦР, 2: 423]. Следовательно, слово *наездник* в значении ‘разбойник’, связанное с глаголом *наезжать* ‘нападать на кого или на что’ [САР, 5: 981], имело ранее отрицательную коннотацию, которая, вероятно, и была причиной неодобрительного мнения Воейкова.

Сказанное можно проиллюстрировать примерами (здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]):

Не разбойники морские, Не наездники, не воры, Сохрани нас бог, помилуй, Чтоб их назвали столь мерзко [А. Радищев. Бова (1798–1799)];

Наездник горький: ветх и одинок, Я доживу остаток дней постылых [А. Грибоедов. Серчак и Итляр (1825)];

будь в своем журнале Друг твердый, а не злой наездник правды, С журналами другими не воюй [В. Жуковский. Две повести (1844)] и т.п.

Примечательно, что литературоведы, исследователи литературной критики, подчас расценивают высказывания рецензентов о языке рассматриваемых произведений негативно, именуя такие оценки «догматическими» и «узкими» в противовес критическим суждениям идейно-тематической направленности [ИК 1958: 77; Крупчанов 2005: 7–8].

Одной из причин такого отношения к замечаниям критиков о языке можно, вероятно, считать абсолютизацию общеметодологического положения о приоритете содержания над формой, в результате чего распространилось представление о литературной критике как о деятельности, нацеленной, прежде всего, на оценку идейно-содержательной стороны произведения. При этом форма начинает рассматриваться как нечто маловажное, не выражающее подлинной сути произведения [Алефиренко 2009: 99]. Между тем, в соответствии с философской теорией о диалектическом единстве формы и содержания, форма сочинения – это не внешняя оболочка содержания, а способ существования целостного, обладающего смыслом произведения [Философский словарь 2010: 486–487], и критическое суждение о нем должно обязательно иметь не только содержательные, но и формальные характеристики. Другую причину неодобрительного отношения литературоведения к языковым оценкам в критических сочинениях можно видеть в том, что былое единство филологии во многом утрачено; литературоведение и языкознание в наши дни настолько размежевались, что каждая из двух некогда тесно слитых наук имеет свой строго очерченный круг проблем, выход за границы которых представляется нарушением. Можно согласиться с Г.О. Винокуром и В.П. Григорьевым в том, что от разобщенности этих наук, связанных внутренней близостью, «страдает единство филологии, культура художественной речи и воспитание в обществе чутья к слову» [Винокур 1991: 69; Григорьев 2004: 117].

В отличие от упомянутых выше попутных оценочных высказываний, обусловленных спонтанной реакцией носителя языка на чью-либо речь, суждения о языке в произведениях русской литературной критики являются специально заданными, продуманными и нередко сопровождаются комментариями и аргументацией. Об этом свидетельствует сравнение примеров спонтанных оценок из энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи» с высказываниями критиков первой половины XIX в. о свойствах языка оцениваемых произведений, см.:

Что это за «пара минуточек» и «за кур»: Вы, вероятно, хотели спросить «насчет кур»? (М. Булгаков); Не вступил, как говорят юристы, в законную силу [о приговоре] (газ.); Вся жизнь Пушкина есть уже как бы законченное художественное произведение, если избежать пошловатого слова «роман» (В. Солоухин) и т.п. [КРР: 401, 809];

На тминѣ, вспрыснутомъ росой. Слово вспрыснутый здесь прекрасно! Можно бы сказать: орошенный, омытый, но Поэтъ-Баснописецъ употребилъ выражение новое и совершенно приличное (Разбор басни И.И. Дмитриева «Кот, ласточка и кролик»; подпись И.) [Благонамеренный. 1818. № 2: 259];

Вчера читал я перевод Жуковского «Орлеанской девы»; это важный и редкий подарок нашей бедной литературе... Мне Жуковский досадил в этом переводе только тем, что употребляет некоторые иностранные слова – и притом такие, которым в нашем языке есть совершенно равносильные: напр., *армия, партия, нация, марш*; хотя они нисколько не мешают верности перевода, но что в них, когда есть свои и благозвучнейшие: *воинство, сторона, народ, ход?* (Письмо П.М. и А.М. Языкову от 6 апреля 1824 г.) [Языков: 317–318];

Слогъ и языкъ Автора неправильны до крайности. На рѣдкой страницѣ не найдешь грамматической ошибки. Авторъ пишетъ: *взойдя въ дверь...*, *взошелъ въ комнату*, вместо *войдя, вошелъ*, и напротивъ, *втянемъ на маковку дерева, вмѣсто встянемъ...*, *вѣхалъ на дворъ*, вм. *въехалъ* (Разбор романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году») [СП. 1830. № 9. «Новые книги»] и т.п.

Выраженная осмысленная лингвистическая нацеленность критиков, чьи оценки составляют второй ряд примеров, очевидна.

Анализ аксиографических данных позволяет значительно глубже исследовать такое сложное психолингвистическое явление, как языковое сознание, или, в терминологии некоторых исследователей, «языковое чутье» [Шварцкопф 1970: 278]. Речь идет об индивидуальной или коллективной интуитивно-оценочной способности носителей национального языка видеть его наиболее существенные свойства, связи и отношения. О необходимости категориального рассмотрения «чутья языка народом» писал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, утверждавший, что это «функция действительная, положительная, объективно подтверждаемая и доказываемая фактами» [Бодуэн де Куртенэ 1963:

58–59]. Аналогичные идеи выдвигал и Л.В. Щерба, который указывал, что имеющееся у человека оценочное чувство «правильности или неправильности того или иного речевого высказывания» можно продуктивно использовать для изучения языковой системы [Щерба 2004: 33].

Оценивая словесную сторону письменной речи, критики опираются на собственный языковой опыт, образцовое употребление и кодифицирующие источники, осуществляя при этом разнообразные мыслительные операции: сравнение и аналогию, обобщение и ограничение, определение и аргументацию и другие. При этом, сталкиваясь с речью других, говорящий иногда осознает то, что до сих пор было для него неосознанным: «осознавая чужое, осознает свое» [Шварцкопф 1970: 288]. Поэтому возможны ситуации, когда обнаружение чужих успехов и погрешностей становится причиной размышлений литератора над собственной художественно-речевой практикой и аналогичными или противоположными явлениями у собратьев по перу. Так, например, в поэтическом отзыве на элегию П.А. Вяземского «Вечер на Волге» В.А. Жуковский отрицательно оценил использованный Вяземским метафорический эпитет *златые мечты*. При этом критик высказал пожелание, чтобы читателей *воздушные мечты, А не тяжелье златые веселили* [В. Жуковский. К кн. Вяземскому (1815)]. Сделав акцент на предметной неточности образа, Жуковский подчеркнул здесь противоречие между абстрактностью определяемого слова *мечта* и изначальной, хотя и стершейся впоследствии, вещественной «тяжеловесностью» эпитета *златой*. Дополнительно в письме Вяземскому от 19 сентября 1815 г. Жуковский обосновал свое мнение так:

Дремать в златых мечтах никак нельзя. Златые мечты прекрасны, когда говоришь просто о мечтах и хочешь им дать отвлеченный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении к тому, кто их имеет, то *златые* совсем не годятся: не оправдывай себя моим примером; я сказал в «Кассандре»: *в сновидениях златых* – это такая же точно ошибка, какая у тебя. Она оставлена в моей пьесе за неумением исправить, а поправить бы весьма нужно [Жуковский: 365].

Вяземский учел этот совет. В окончательном варианте стихотворения текст изменен: *Забывшись, наяву один дремать в мечтах* [П. Вяземский. Вечер на Волге (1815–1816)].

Устойчивый метафорический оборот *мечты златые* активно использовался стихотворцами XVIII – первой половины XIX в., например:

Надежды и мечты златые, Как птички, быстро улетят [Н. Карамзин. Послание к Дмитрию (1794)]; *Любовь в мечтах златых мне счастье сулила* [К. Батюшков. Надпись на гробе пастушки (1810)]; *Так лети ж, мечта златая, Увядай, моя весна* [В. Кюхельбекер. Пробуждение (1820)] и т.п.

Замечательно, что Жуковский, проявив в данном случае тонкое чувство языка, произвел своеобразную переоценку ценностей, подметив в традиционном метафорическом сочетании существенную смысловую дисгармонию.

Еще одна, весьма значимая аксиографическая проблема – это проблема понимания. Понимание – философская категория, представляющая собой процесс обнаружения смысла. Вместе с «говорением» и «языковым материалом» понимание входит как составная часть в разработанную отечественными лингвистами теорию речевой деятельности [Щерба 2004: 25; Леонтьев 2007: 14]. Л.В. Щерба называет процессы понимания и интерпретации, в которых наиболее полно воплощается работа человеческой мысли, «громадной и мало исследованной проблемой» языкознания [Щерба 2004: 25–26]. Несомненно, прав был А.А. Потебня, утверждая, что слушающий и читающий часто способны гораздо лучше говорящего и пишущего улавливать то, что скрыто за словом [Потебня 1976: 181]. Важно подчеркнуть, что акт понимания является не просто зеркальным отражением воспринимаемого текста, но и предполагает непременно «соучастие» читателя или слушателя в прочитанном или услышанном, когда к сказанному автором текста добавляется нечто содержательно новое, иногда даже более совершенное и глубокое, чем в исходном тексте. Оценивание произведения – один из видов этого «соучастия».

Однако, как кажется, восприятие речевого произведения со специальной целью дать его представленную в письменной форме оценку – это отличающийся особой взыскательностью и повышенной требовательностью процесс, в котором понимание сопровождается своеобразным «приниманием», т. е. формированием сугубо личного отношения к тексту, приятием этого текста или, напротив, отвержением. Думается, что «принимание» – это значительно более синкретичный и вместе с тем разносторонний, касающийся самых разных аспектов формы и содержания процесс, нежели понимание, представляющее собой, прежде всего, постижение смысла. Кроме того, приятие или отвержение более эмоциональны и, соответственно, менее рациональны, чем понимание, и потому труднее осознаются и сложнее вербализируются. Красноречивым примером к сказанному может служить отрицательная реакция Н.И. Гнедича на балладу П.И. Катенина «Ольга» (1816), насыщенную простонародными выражениями: «Что касается до меня, то я, право, ничего бы не нашел сказать против этих стихов, кроме разве того, что они – так сказать – нейдут в душу» [РПП: 101]. Столь же общо выразил в 1818 г. свое восторженное отношение к пушкинскому посланию «Когда к мечтательному миру...» В.А. Жуковский: «Какие стихи! Он мучить меня своим даромъ, как привидение!» [РА. 1896. № 10: 208].

Разумеется, позже критики, поставленные перед необходимостью обосновать не вполне отчетливое для них самих, но уже сложившееся впечатление от оцениваемого литературного текста, могут начать анализировать причины своего отношения, разбирая частности и входя в детали. Так, например, П.А. Вяземский отметил в том же пушкинском стихотворении поразившее его оригинальностью выражение *в дыму столетий*. Эта метафора относилась к вышедшей в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: *Он духом там, в дыму столетий! Пред ним волнуются толпой Злодейства, мрачной славы дети, С сынами доблести прямой* [Пушкин: 564]. В письме Жуковскому от 2 апреля 1818 г. Вяземский так написал о своем впечатлении от выражения *в дыму столетий*: «Это выражение – город. Я все отдал бы за него: движимое и недвижимое. ...Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего» [Там же]. Вероятно, восхищение Вяземского было обусловлено глубоким художественно-философским подтекстом смелого пушкинского переноса, основанного на тончайших ассоциативных связях между понятиями *дым* 'летучие продукты горения' и *столетие* 'срок в сто лет'. В этом сближении оказались гармонично и новаторски совмещенными представления о несущественности исторических изменений «перед лицом вечности» и вместе с тем о глобальности социальных катаклизмов и необычайной притягательности древних эпох для ныне живущих поколений. По убеждению Вяземского, смелости пушкинского выражения «испугался бы» даже Державин, автор таких новаторских тропов, как *время льется*, *глагол времен* и др. [Чичерин 1977: 319–323]. Нестандартность и смысловая емкость метафоры *в дыму столетий* выявляются особенно наглядно при ее сравнении с тропами, включающими те же лексемы, в произведениях поэтов – современников Пушкина, например:

Его дела – ничтожный дым [В. Жуковский. Добродетель (1798)];
Веселий шумных мы забудем дым пустой [К. Батюшков. Послание к Хлое (1804–1805)];
Дым славы, хоть пустой, любезен нам, приятен [К. Батюшков. Послание к стихам моим (1804–1805)];
...тайну Судеб С трепетом сердца прочтешь в тумане столетий грядущих [В. Кюхельбекер. К Матюшкину (1817)];
Во гнев прех столетий отрясаешь [С. Шевырев. К Риму (1829)] и т.п.

Как видно из приведенных примеров, в качестве основания сближения поэты брали какой-нибудь один семантический аспект: незначительность или суетность явления; неясность, смутность прошлого; бренность человеческого бытия и т.п. У Пушкина же все эти и многие другие «смыслы» мастерски слиты в единое целое.

Активный характер аксиографического понимания и «принимания» проявляется в том, что критики часто предлагают свои варианты правки текста. Так, например, в жур-

нале «Московский вестник» за 1830 г. за подписью С. А-въ была помещена рецензия на роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский», автор которой сделал немало замечаний лексико-стилистического характера, сопровождаемых рекомендациями по исправлению погрешностей:

неговорится (sic! – И. С.): *зарѣзанный быкъ...*, а *убитый*; *Бѣдненькой охъ*, а за *бѣдненькимъ Богъ...* надобно сказать: *голенькой охъ*, а за *голенькимъ Богъ!*; *Вспорхнулъ на сѣдло...* нейдетъ... къ Запорожскому козаку; лучше *взмахнулъ...* [МВ. 1830. № 1. Ч.1: 81–84].

В редких случаях можно наблюдать интереснейшие факты переделки критиками – в соответствии с их представлениями о правильном и ошибочном, уместном и неуместном в речи – исходных текстов. Так, профессор русской словесности Казанского Императорского университета Г.Н. Городчанинов в 1813 г. осудил как погрешность использованное Ломоносовым в одной из торжественных од прилагательное *повинный*:

Ты судъ и милость сопрягаешь, Повинныхъ съ кротостью казнишь; Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь, Ты осужденныхъ кровь щадишь. Слова, кроме выражения *повинныхъ*, нынѣ въ стихахъ неупотребительнаго, точны, ясны, сильны, выразительны [Городчанинов: 37].

А через двадцать лет в казанском журнале «Заволжский муравей» был опубликован принадлежавший перу Городчанинова «разбор» той же оды, где никаких негативных замечаний уже не было, а вместо слова *повинный* стояло *виновный*: *Виновныхъ съ кротостью казнишь* [ЗМ. 1832. № 6: 325]. Думается, что убежденный «шишковист» Городчанинов сознательно изменил ломоносовский текст [Серебряная 2010: 576]. По-видимому, неприятие использованного в высокой оде терминологически закрепленного в правовых памятниках и употребительного в фольклоре слова *повинный* было у профессора столь острым, что он, вероятно, желая представить Ломоносова перед читателями в более выигрышном свете, решился заменить это слово синонимичным и более нейтральным.

Весьма примечательным также кажется еще один случай переделывания критиком исходного текста. О.И. Сенковский, редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения», развернувший на страницах своего издания борьбу с «приказными» местоимениями *сей* и *оный*, специально изменил пунктуацию в эпиграмме А.С. Пушкина «Охотник до журнальной драки». Демонстрируя якобы имевшее место отрицательное отношение Пушкина к местоимению *сей*, критик коренным образом перестроил интонационно-синтаксический строй пушкинского произведения, самоуправно превратив согласованное определение *сей* в подлежащее и обособив в качестве постпозитивного приложения к нему атрибутивное словосочетание *усыпительный зоил*. Об этом свидетельствует сопоставление знаков препинания и характера оформления в пушкинском тексте и варианте, опубликованном Сенковским:

Охотник до журнальной драки, Сей усыпительный Зоил Разводит опиум чернил Слюною бешеной собаки [А. Пушкин. «Охотник до журнальной драки...» (1824)];

Охотникъ до журнальной драки, Сей, усыпительный Зоиль, Разводитъ опиумъ чернилъ [БДЧ. 1838. Т. 27. Ч. 2: 24] (местоимение *сей* выделено и обособлено критиком. – И.С.).

Материал критических суждений о языке позволяет более глубоко исследовать вопросы соотношения формы и содержания в литературном произведении. Дело в том, что при всем внимании к слову, характерному для русской критики, рецензенты в ряде случаев расценивали языковую сторону сочинения как чисто формальную, нередко относясь к замечаниям своих собратьев по поводу словесного оформления какого-либо «разбираемого» текста как к мелочным и несущественным «придирам». Типично в этой связи высказанное в 1825 г. пожелание А.А. Бестужева (Марлинского), чтобы русская критика «не корпела над запятыми, а имела бы взор более общий» [ИК 1958: 196].

Весьма существенной в методологическом отношении представляется также связанная с критическими суждениями о языке литературы проблема соотношения субъективного и объективного в оценках. Безусловно, критические высказывания о речевой

стороне литературных произведений имеют ярко выраженный субъективный характер, являясь прежде всего выражением личного мнения. Любая оценка, т. е. «эмоционально-волевое отношение» к предмету или явлению [Пешковский 1959: 50], субъективна, и каждый рецензент исходит из собственного языкового опыта, своих представлений о правильном, своих лингвистических привычек и вкусов. Однако эти оценки, как и сама литературная критика, компонентом которой они являются, социальны по природе, поскольку соответствуют общественно-исторической языковой ситуации, связаны с народом-носителем и обусловлены особенностями национального языка. Индивидуальное легко «переливается» в коллективное, и происходит это в том случае, когда личное приобретает черты, существенные для многих или для всех. Неоспоримо, что язык существует и развивается объективно, но эта объективность складывается из множества субъективностей. Таким образом, исследование индивидуальной критической точки зрения на языковые факты позволяет изучить коллективное мнение об этих фактах и одновременно дает возможность более глубоко познать общие закономерности функционирования и развития языка.

Поскольку ценностное отношение к языку осуществляется в результате сопоставления воспринимаемого языкового материала с соответствующим образцом, одним из наиболее значимых при исследовании критических суждений указанного типа является вопрос о литературно-языковой норме. Норма языка – это «реализации языковой системы», считающиеся в определенную эпоху эталонными; итог сознательной кодификации языка и важнейший признак его литературности [КРР: 367; Крысин 2007: 5–6]. Изучение языковых оценок позволяет существенно уточнить представления об этом понятии. Литературная норма, выступая важным мерилем оценок в языковой сфере, существует объективно, т. е. независимо от воли и желания носителей языка. Вместе с тем, поскольку эта объективность организуется из отдельных «субъективностей», весьма значима роль субъекта – носителя языка, осознающего норму и способствующего ее закреплению, в частности, роль критика. Литературные критики – та часть образованного сообщества, которая по роду деятельности принимает самое активное участие в процессе отбора языковых средств как нормативных. Известно, что норма литературного языка представлена в образцовых текстах, и в этом осознании «образцовости», «эталонности» произведения исключительно велико значение критики. В ходе критического обсуждения складывается коллективное мнение о сочинении (в том числе и о языковой его стороне) и формируется социальное «одобрение» (или, напротив, «порицание») тех или иных использованных писателями фактов языка. Литературная норма – исторически изменчивое понятие и имеет различное содержание в разные периоды существования языка. Изучение вынесенных в конкретный временной промежуток критических суждений о языке литературных произведений дает возможность установить характеристики нормы, специфические для определенного периода.

Так, например, в русской критической литературе первой половины XIX в. активно обсуждались фонетико-орфоэпические, акцентологические, грамматические нормативные вопросы (например, явление перехода [е] в [о], чередования, связанные с заднеязычными согласными типа *клев – хлев, калоша – галоша, бакчисарайский – бахчисарайский* и т.п., акцентная неустойчивость двусложных существительных женского рода с флексией *а* типа *сосна, глава*, вариативность ударения в кратких и полных формах прилагательных, неустойчивое ударение в причастиях – книжной части речи, унаследовавшей церковнославянские акцентные черты; родовая принадлежность существительных типа *дитя*, употребление числовых форм отвлеченных имен, падежные формы разносклоняемых существительных, трудности, связанные с видо-временными и залоговыми отношениями и т.п.) [Серебряная 2012а; 2013]. Исключительно большое внимание критики уделяли также лексико-семантической стороне оцениваемых текстов, обсуждая проблему «своего и чужого» в языке, различные изменения семантической структуры слова (особенно в кругу так называемых «поэтизмов») [Серебряная 2012б], становление тропического арсенала русской поэзии, различные трансформации в области лексической сочетаемости и в сфере фразеологии и др.

Требование к литературным критикам оценивать нормативно-языковую сторону произведения восходит к глубокой древности. Оно выдвигалось еще античными филологами-теоретиками, всячески поддерживалось в средневековье, затем было безоговорочно воспринято русской критикой XVIII в., для которой очень характерны суждения такого рода. Так, в одном из самых авторитетных для России эпохи классицизма труде Ш. Роллена «Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам» в качестве основной задачи при «толковании Писателей» ставилась следующая: «подать свѣдѣнія о распоряжении рѣчи, о красотахъ, въ ней находящихся, да и о самыхъ порокахъ, если они случатся во оной». Здесь же давалась ссылка на древнеримского ратора и филолога Квинтилиана, который рекомендовал критикам «примѣчать собственность, изрядство, благородность выражений», «красоту метафоръ и различныя фигуры» [Роллен: 70–72].

Русская литературная критика оформилась как самостоятельное явление литературного процесса в 30–40-е гг. XVIII в. и связана на этапе своего становления, прежде всего, с именами М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова. Считается, что французское слово *critique* ‘критик’, ‘острый судья’ впервые использовал в примечании к одной из своих сатир 1739 г. А.Д. Кантемир. Как пишут исследователи, позже, в 1750 г., В.К. Тредиаковский ввел в употребление существительное женского рода *критика*, применив его в обычном для наших дней значении ‘анализ’, ‘разбор’ и написав уже по-русски [РЛК XVIII: 5–8].

Эти сведения, однако, нуждаются в существенном уточнении, поскольку в НКРЯ представлены более ранние случаи применения термина «критика» В.Н. Татищевым. Данное слово, выступающее у Татищева в значении ‘разбор научного сочинения’, было представлено в его переписке и публицистике характерными для русского языка падежно-числовыми формами, например:

из его книг видимо, что разсуждения, не упоминая философии и критики исторической, не доставало; некоторые ученые, собрався в Париже, Коллегию французскую сочинили, которых большее прилежание во исправлении языка их состояло, для котораго преизрядные грамматики, лексиконы, критики на неправое писание и речение и другие полезные книги сочинили [В. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах (1733)];

понеже тогда имя Польша было незнаемо, и народ жил сарматы, то обличает подложность или незнающаго критики автора [В. Татищев. И.Д. Шумахеру (1747)].

Данные факты свидетельствуют не только о лексическом, но и о свершившемся уже к началу 1730-х гг. полноценном грамматическом освоении данного заимствования.

В трудный период становления русская литературная критика была во многом подражательной. Критики обычно ориентировались в своих оценках на античные и европейские (преимущественно французские) литературно-эстетические и риторические трактаты Горация, Буало, Рамсе, нередко обращаясь также к авторитету Корнеля, Расина, Вольтера и др. [РЛК XVIII: 5–24]. Вместе с тем постепенно в ходе теоретической полемики вырабатывались национальные принципы оценок, и главенствующее место среди них в XVIII в. занимал критерий нормативно-языковой. Это было совершенно естественно, поскольку литература – искусство слова, и на заре русской критики в качестве основополагающей ценности принималась именно словесная, «лежащая на поверхности» сторона анализируемых произведений.

Так, например, М.В. Ломоносов, перечисляя в 1739 г. правила российского стихотворства, на первое место среди них ставил требование «сочинять по природному нашему языку свойству» [Там же: 26]. Г.Н. Теплов в 1755 г. утверждал, что автор, не знающий грамматических и риторических основ, никогда не добьется успеха [Там же: 58]. И в собственной критической практике литераторы XVIII в. акцентировали внимание прежде всего на нормативно-стилистических явлениях. В частности, В.К. Тредиаковский, оценивая комедию Сумарокова «Тресотиниус», руководствовался почти исключительно критерием речевой правильности, обвиняя автора в многочисленных погрешностях против церковнославянского и русского языков и делая вывод: «Великий словесник! в полуторе строчки пять грехов» [Там же: 72]. Аналогичным образом, об-

рашаясь большей частью к языковому оформлению, судил о произведениях Тредиаковского и Ломоносова А.П. Сумароков [Там же: 110–112; 123–126].

Русская литературная критика первой половины XIX в., послужившая фактической основой для данной статьи, также отличалась исключительно придирчивым вниманием к языковой стороне обсуждаемых произведений. Этот период имеет особое значение для истории русского национального языка, русского литературного языка, русской литературы и русской культуры в целом.

Первая половина XIX в. – время расцвета русской литературной критики, когда она стала авторитетной наукой и вместе с тем – одним из значимых видов литературного творчества [Крупчанов 2005: 7]. Так, профессор Московского университета, писатель и критик А.Ф. Мерзляков в 1812 г. писал, что «заря здравой Критики», которая начала загораться еще с петровских времен, «часъ отъ часу болѣе и болѣе освѣщаетъ стихии нашей Словесности» [Мерзляков: 76]. В письме «Некоторые замечания о критике», напечатанном за подписью «Д» в «Трудах общества любителей Российской словесности», критика уподоблялась «чистительному огню, чрезъ который проходятъ всѣ произведения ума нашего»; сочинение, не подвергнутое критическому рассмотрению, сравнивалось автором с глыбой «необработанной руды, въ которой металлъ теряетъ большую часть своего блеска» [Труды 1817: 6, 65]. Показательны также воспоминания К.А. Полевого о восторженной реакции его брата Н.А. Полевого на одну из рецензий: «Нельзя исчислить, сколько пользы приносятъ онѣ (т. е. «умные, с душою написанные и потому увлекательные» рецензии. – И.С.) юнымъ умамъ, жаждущимъ познаний!» [Полевой: 61]. Одной из важнейших задач, стоящих перед критикой, тогда считалась «установка правил языка» [Булаховский 1957: 42].

Одновременно первая половина XIX в. – это время зрелой русской литературы, жанрово и художественно многообразной. Если период классицизма был эпохой традиционного постоянства поэтики, когда, по выражению В.Г. Белинского [Белинский: 99], «никто не смел быть оригинальным», то первая половина XIX в. – период «освобождения от канонов» [Гинзбург 1974: 19]. В литературной жизни этого времени наблюдались такие важные явления, как упадок классицизма с типичными для него жанрами оды, эпопеи и трагедии; повышенное внимание к душевной жизни человека, культивируемое, прежде всего, сентименталистами. Одновременно происходило активное развитие лирической поэзии и басни, а также характерного для романтизма жанра баллады, непрерывно рос интерес к народной поэзии; неуклонно развивалась художественная проза [Булаховский 1954: 12–16; ИЛ 1983: 137–230].

Кажется весьма важными четко обозначенные в русской критической литературе мировоззренческие принципы, которыми руководствовалось в своей оценочно-лингвистической деятельности литературное сообщество. В частности, для литераторов первой половины XIX в. было характерно твердое убеждение, что главенствующую роль в развитии русского языка играет Словесность, своими художественными открытиями обогащающая и обновляющая русскую речь. Так, Д.В. Дашков в 1811 г. подчеркивал: «Языкъ можетъ образоваться не словами, но творениями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ новый вѣсь и значение» [Дашков: 60]. Считалось, что содействовать литературе в деле совершенствования русского языка призвана критика, верховное назначение которой заключается в том, чтобы, выявляя достижения художников в словесной сфере, уловить духовную суть живого Слова. Корни этих представлений кроются в идее о том, что язык – уникальная способность, дарованная человеку свыше. Так, в словарях о лексеме *Слово* говорилось, что «въ книгахъ Св. писания подъ именемъ симъ разумѣется Сынъ Божий: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* Иоанн.1.1» [САР, V: 534; СЦР, IV: 149]. С высокой идеи о Божественном происхождении Слова тогда начинались грамматические руководства. Например, в третьем параграфе «Российской грамматики» М.В. Ломоносова выражается восхищение: «Коль велика творческая премудрость: одарил нас словом, одарил слухом!» [Ломоносов 1952: 395]. Та же мысль высказывается в «Пространной русской грамматике» Н.И. Греча (1830 г.): «Способность говорить, даръ слова, т. е. возможность

выражать чувствования и мысли посредством звуковъ голоса, низпослана человѣку свыше» [Греч 1830: 6] и т.п.

«Мы, прочитав множество церковных и светских книг, – писал в 1802 г. Н.М. Карамзин, – соберем только материальное или словесное богатство языка, который ожидает души и красот от художника» [РПЯ: 77]. Н.И. Надеждин в 1836 г. отмечал, что «литература начинается там, где мертвый звук Слова проникается и трепещется живою силою духа». По Надеждину, если автор литературного произведения способен уподобить Слово образу Творца, то это его великий вклад в создание подлинной Словесности, представляющей собою «прекраснейший цвет народной жизни» [Надеждин: 399]. Отношение к Слову как к выражению Божественной сущности, оценка Слова с позиций духовности были весьма характерны для русской литературы, русской литературной критики и в целом для русской культуры рассматриваемого периода.

Первая половина XIX в. – эпоха подъема русской журналистики. Только за первые 12 лет с начала века в Москве и Петербурге возникло свыше 40 новых журналов, позже их количество многократно возросло [ИЛ 1960: 21]. Среди них были такие крупные и долговечные, как «Вестник Европы», «Сын отечества», «Библиотека для чтения», «Современник», «Атеней» и многие другие. Исторически сложилось так, что русская литературная критика развивалась в основном в рамках журналистики, определяя «лицо» многих журналов [ОРЖК: 7]. В 1843 г. В.Г. Белинский подчеркивал, что критика «въ отношении къ успѣху и влиянію журнала начинаетъ становиться едва ли не важнѣе самихъ повѣстей» [ОЗ. 1843. Т. 26. № 1: 7]. Вопросы языка поднимались на страницах периодической печати так часто, что, по удачному выражению Л.А. Булаховского, редакции газет и журналов в это время «естественно становились лабораториями, в которых определялась и фиксировалась литературная норма» [Булаховский 1954: 46–47].

Следует подчеркнуть, что в прошлом критические отделы большинства «толстых» журналов публиковали рецензии на все издания, вышедшие из печати за истекший месяц. Поэтому в поле зрения рецензентов попадали не только произведения «изящной» литературы, но и новинки по самым разным областям знания и деятельности: биологии, географии, медицине, сельскому хозяйству, делопроизводству, педагогике и др.; и языковая сторона этих текстов тоже придирчиво оценивалась критиками. Таким образом, материал оценок первой половины XIX в. позволяет судить о специфике критических подходов к языковым явлениям различной стилистической принадлежности.

Первая половина XIX в. – начало современного этапа в истории русского литературного языка. В эту эпоху, ознаменованную творчеством Пушкина, сложилось основное ядро национального русского языка, были созданы общенародные нормы литературно-языкового выражения [Виноградов 1978: 53–58; Ковалевская 1978: 261–316; Судавичене и др. 1984: 146–204]. В результате демократизации русского литературного языка была признана культурной ценностью обыденная речь [Панов 2007: 188].

Первая половина XIX в. была временем глубокого общественного интереса к вопросам русского языка. Это обуславливалось серьезными сдвигами в социально-политической, культурной и литературной жизни России и носило официально одобренный верховными властями характер [Булаховский 1957: 8]. В данный период функционировали такие, к примеру, литературно-общественные организации, как «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств при Петербургской Академии наук» (1801–1812; 1816–1825 гг.), «Беседа любителей русского слова» (Петербург, 1811–1816 гг.), «Общество любителей российской словесности» при Московском университете (1811–1837 гг.), «Арзамас» (Петербург, 1815–1818 гг.) и другие [ИЛ 1983: 137–138]. Литературные общества возникали не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в областных центрах России. Например, в Поволжье было организовано влиятельное Казанское общество любителей отечественной словесности (1805–1853 гг.). На заседаниях подобных объединений и в их печатных изданиях, наряду с собственно литературными вопросами, широко обсуждались и проблемы русского языка. Так, П.И. Шаликов в одном из выпусков сборника «Труды общества любителей Российской словесности при Московском университете» выражал озабоченность по поводу того, что «между людьми лучшего тона»

употребителен французский, а не «природный русский язык», что серьезной помехой в развитии отечественной словесности является «недостатокъ въ правилахъ Грамматики» [Труды 1817: 157]. И он же считал серьезной помехой в развитии отечественной словесности «недостатокъ въ правилахъ Грамматики» [Там же: 163]. Видный член Казанского общества профессор красноречия, стихотворства и языка Императорского Казанского университета В.М. Перевощиков писал о том, что слова в поэзии и прозе должны быть подобраны так, чтобы «плѣнять слухъ, дѣйствовать на воображение, возбуждать страсти, просвѣщать разумъ», и сетовал, что «сочинители, бѣдные мыслями или молодые» употребляют слишком много «украшений», хотя такое излишество является признаком упадка словесности [Перевощиков: 13, 31–32].

Для изучаемой эпохи были весьма характерны споры о языке, которые велись и на страницах периодических изданий, и в дружеской переписке литераторов, и, вероятно, в ходе их личного общения [Булаховский 1957: 42]. Например, широко известна и в деталях описана языковедами полемика «шишковистов» и «карамзинистов» о «старом» и «новом» слоге [Ковалевская 1978: 246–259]. А.И. Горшков называл одним из наиболее передовых по взглядам петербургское Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (А.Х. Востоков, А.Ф. Мерзляков, Н.Ф. Остолопов и др.) [Горшков 1982: 223–236; ИЛ 1941: 198–224]. Разумеется, особенно интересны лингвистические воззрения членов литературного кружка «Арзамас», в который входили К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин [ИЛ 1941: 327–338; 1958: 189].

По справедливому мнению Г.О. Винокура, «качество и достоверность критики во многом зависит от индивидуальных способностей критикующего, и степень образованности и учености критика – вот что прежде всего отражается на качестве его суждений» [Винокур 1991: 102]. Представляется весьма существенным вопрос об уровне лингвистической компетентности русских критиков первой половины XIX в., о том, насколько квалифицированными (естественно, учитывая уровень развития филологии в то время) можно считать сделанные ими оценки языковой стороны литературных произведений. Целесообразно ли относить эти критические суждения, к разряду, по терминологии ряда исследователей (например, [Вепрева 2002: 24; Трикоз 2010: 2]), наивных, обыденных или житейских, т. е. представляющих собой проявление околонучного, стихийно-бытового языкознания?

Судить о контингенте критиков того периода, их социальном происхождении, образовательном уровне можно с большой степенью условности, поскольку в этот период были широко распространены анонимные публикации. В данном отношении оказывает немалую помощь «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова [Масанов 1956–1960], хотя и это справочное пособие не всегда содержит нужную информацию об авторах критических материалов, скрывающихся за инициалами или условными именами. Отдельные сведения о жизненном пути критиков можно получить из «Энциклопедического словаря» [Брокгауз]. Некоторые факты биографического содержания включены в книги [Сушков 1858; Булаховский 1957; Крупчанов 2005: 11–137] и др.

Анализ имеющихся данных позволяет утверждать, что в первые десятилетия XIX в. функцию литературных критиков выполняли преимущественно представители дворянства, в большинстве своем получившие блестящее по тем временам образование в привилегированных учебных заведениях: Благородном пансионе при Московском университете (В.А. Жуковский, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.П. Шевырев, А.Ф. Воейков, А.С. Грибоедов, М.А. Дмитриев и др.), Царскосельском лицее (А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер, А.А. Дельвиг), в Московском университете (А.Ф. Мерзляков, Н.И. Гнедич, А.Г. Глаголев, С.Е. Раич и др.).

Важно подчеркнуть, что образование в России первой половины XIX в. было преимущественно гуманитарным. Основными изучаемыми дисциплинами были словесность, языки, риторика, логика, основания изящной письменности, история и т.п. [ИО 2002: 247–248]. В привилегированных учебных заведениях всемерно поощрялись занятия словесным творчеством. Выпускник Благородного пансиона, поэт, литературный

критик Н.В. Сушков в своих воспоминаниях подчеркивал, что каждый из воспитанников пансиона «принесъ свою лепту на алтарь отечественной словесности, каждый потрудился на пользу русскаго языка» [Сушков 1858: 35–36].

Позже, в 1830–40-е гг., ряды критиков начали пополняться представителями разночинной интеллигенции, которые часто имели высшее филологическое образование, занимались литературным творчеством, журналистикой [Булаховский 1957: 10–12]. Среди них было немало серьезных ученых-филологов, авторов грамматических и литературоведческих трудов (В.Г. Белинский, О.И. Сенковский, Н.И. Надеждин, Н.И. Греч, С.П. Шевырев, И.Ф. Калайдович, Н.А. и К.А. Полевые, М.Т. Каченовский, М.П. Погодин и др.).

В связи со сказанным, кажется, есть основания считать большую часть сделанных русскими критиками в этот период языковых оценок в достаточной степени профессиональными. Естественно, при этом следует учитывать уровень развития языкознания в то время. Л.А. Булаховский подчеркивал, что «в России в первые десятилетия XIX века нет еще влиятельной и аргументирующей свои положения науки о языке: главным образом на интуиции строятся предписания грамматики» [Булаховский 1957: 321]. Вместе с тем думается, что не вполне правомерно говорить о существовании в рассматриваемую эпоху языковедения как отдельной, независимой от литературоведения сферы научной деятельности. Недостигаемое ныне единство филологического знания в рассматриваемый период проявлялось в полной мере. Ученые, занимавшиеся языкознанием профессионально, как правило, были одновременно писателями и фольклористами, журналистами и переводчиками, литературными критиками и публицистами, а свои универсальные филологические познания они с успехом применяли при конкретно-лингвистическом анализе литературных произведений. В этой среде и осуществлялось становление языковой нормы, происходила ее общественная апробация, предшествующая окончательной словарно-грамматической фиксации. Речевые оценки русских критиков периода широкого распространения «гуманитарности», отличавшиеся глубиной наблюдений, тонкостью замечаний и прозорливостью, во многом обеспечивали «общественное одобрение» [Ожегов 1974: 259] языковым фактам, претендующим на роль нормативных. Характерный для эпохи первой половины XIX в. широкомасштабный энциклопедический «филологизм» имел своим результатом углубленный интерес образованной части российского общества ко всем проявлениям Слова как воплощению интенсивной духовной жизни человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- БДЧ – Библиотека для чтения: журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1834–1856.
- Белинский – В.Г. *Белинский*. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М., 1956.
- Благонамеренный – Благонамеренный: литературный и критический журнал, издаваемый А. Измайловым. СПб., 1818–1826.
- Брокгауз – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 86 т. СПб., 1890–1907.
- Городчанинов – Г. *Городчанинов*. Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части Российской словесности. Казань, 1813.
- Дашков – Д. *Дашков*. О легчайшем способе возражать на критики. СПб., 1811.
- Жуковский – В.А. *Жуковский*. Эстетика и критика. М., 1985.
- ЗМ – Заволжский муравей: литературно-художественный и иллюстрированный журнал. Казань, 1832–1834.
- КРР – Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2007.
- МВ – Московский вестник: журнал, издаваемый М. Погодиным. М., 1827–1830.
- Мерзляков – А.Ф. *Мерзляков*. Рассуждение о Российской Словесности // Труды общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 1. М., 1812.
- Надеждин – Н.И. *Надеждин*. Литературная критика. Эстетика. М., 1972.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorgo.ru>.
- ОЗ – Отечественные записки: учено-литературный и политический журнал. СПб., 1818–1849.

- ОРЖК – Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Т. 1. Л., 1950.
 Перевощиков – В. *Перевощиков*. Опыт о средствах пленять воображение. Казань, 1815.
 Полевой – К.А. *Полевой*. Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого. Ч. 1. СПб., 1860.
 ППК – Пушкин в прижизненной критике. Т. 1: 1820–1827. СПб., 1996.
 Пушкин – А.С. *Пушкин*. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., 1959.
 РА – Русский архив: историко-литературный сборник. М., 1896.
 РЛК XVIII – Русская литературная критика XVIII века: сборник текстов. М., 1978.
 Роллен – Ш. *Роллен*. Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам. Кн. 3. СПб., 1789.
 РПП – Русские писатели о переводе. Л., 1960.
 РПЯ – Русские писатели о языке: хрестоматия. Л., 1955.
 САР – Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб., 1789–1794.
 СЛТ – Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
 СП – Северная пчела: политическая и литературная газета. СПб., 1825–1849.
 СЦР – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.
 Труды 1817 – Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 8. М., 1817.
 Языков – Н.М. *Языков*. Сочинения. Л., 1982.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко 2009 – Н.Ф. *Алефиренко*. Современные проблемы науки о языке. М., 2009.
 Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова*. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
 Бодуэн де Куртенэ 1963 – И.А. *Бодуэн де Куртенэ*. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. 1. М., 1963.
 Булаховский 1954 – Л.А. *Булаховский*. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954.
 Булаховский 1957 – Л.А. *Булаховский*. Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957.
 Вепрева 2002 – И.Т. *Вепрева*. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
 Виноградов 1978 – В.В. *Виноградов*. История русского литературного языка. М., 1978.
 Виноградов 1981 – В.В. *Виноградов*. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
 Винокур 1991 – Г.О. *Винокур*. О языке художественной литературы. М., 1991.
 Вольф 1985 – Е.М. *Вольф*. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
 Гинзбург 1974 – Л.Я. *Гинзбург*. О лирике. Л., 1974.
 Горшков 1982 – А.И. *Горшков*. Язык предпушкинской прозы. М., 1982.
 Горький 1953 – М. *Горький*. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. М., 1953.
 Греч 1830 – Н.И. *Греч*. Пространная русская грамматика. Т. 1. СПб., 1830.
 Григорьев 2004 – В.П. *Григорьев*. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М., 2004.
 ИК 1958 – История русской критики: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1958.
 ИЛ 1941 – История русской литературы: В 10 т. Т. 5. Ч. 1. М.; Л., 1941.
 ИЛ 1960 – История русской литературы XIX века. М., 1960.
 ИЛ 1983 – История русской литературы XI–XX веков. М., 1983.
 ИО 2002 – История образования и педагогической мысли за рубежом и в России. М., 2002.
 Ковалевская 1978 – Е.Г. *Ковалевская*. История русского литературного языка. М., 1978.
 Кронгауз 1999 – М.А. *Кронгауз*. Критика языка // Логос. 1999. № 3 (13).
 Крупчанов 2005 – Л.М. *Крупчанов*. История русской литературной критики XIX века. М., 2005.
 Крысин 2007 – Л.П. *Крысин*. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2.
 Леонтьев 2007 – А.А. *Леонтьев*. Язык, речь, речевая деятельность. М., 2007.
 Ломоносов 1952 – М.В. *Ломоносов*. Российская грамматика // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
 Масанов 1956–1960 – И.Ф. *Масанов*. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960.
 Ожегов 1974 – С.И. *Ожегов*. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
 Панов 2007 – М.В. *Панов*. История русского литературного произношения XVIII–XIX вв. М., 2007.

- Пешковский 1959 – *А.М. Пешковский*. Избранные труды. М., 1959.
- Потебня 1976 – *А.А. Потебня*. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Серебряная 2010 – *И.Б. Серебряная*. Языковые оценки в русской журналистике 1-й половины XIX века. «Заволжский муравей» // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2010.
- Серебряная 2012а – *И.Б. Серебряная*. Грамматические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века (морфология). Казань, 2012.
- Серебряная 2012б – *И.Б. Серебряная*. Семантика поэтизмов в оценках русской критики 1-й половины XIX века // Русский язык в культурно-историческом измерении. М., 2012.
- Серебряная 2013 – *И.Б. Серебряная*. Фонетико-орфоэпические и акцентологические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века. Казань, 2013.
- Судавичене и др. 1984 – *Л.В. Судавичене, Н.Я. Сердобинцев, Ю.Г. Кадькалов*. История русского литературного языка. Л., 1984.
- Судаков 2012 – *Г.В. Судаков*. Речевые новации XIX века в оценках современников // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. СПб., 2012.
- Сушков 1858 – *Н.В. Сушков*. Московский университетский Благородный пансион. М., 1858.
- Трикоз 2010 – *Э.Л. Трикоз*. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010.
- Философский словарь 2010 – Философский словарь. Ростов-на-Дону, 2010.
- Чичерин 1977 – *А.В. Чичерин*. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1977.
- Шварцкопф 1970 – *Б.С. Шварцкопф*. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Шунейко 1992 – *А.А. Шунейко*. Языковая критика как филологическая дисциплина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Шунейко 2001 – *А.А. Шунейко*. Оценки речи и речь оценок // Словарь и культура русской речи. М., 2001.
- Щерба 2004 – *Л.В. Щерба*. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004.

Сведения об авторе:

Ирина Борисовна Серебряная
 Казанский федеральный университет
 i_serebrjanaja@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2013.

© 2014 г. С.Т. ЗОЛЯН

**О МОДАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА:
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Г. ФРЕГЕ
И ЕЕ ВОЗМОЖНОЕ РАСШИРЕНИЕ**

В статье рассматриваются концепции знака Г. Фреге, Ч. Пирса и Ф. де Соссюра с тем, чтобы показать те принципиальные различия между ними, которые приводят к различным теориям знака. Предлагается за исходную принять концепцию Фреге, дополнив ее модальным измерением. Основная идея Фреге – что смысл есть отношение (функция), соотносящая языковые выражения с нелингвистическими объектами – может пониматься и как отношение, заданное на множестве возможных миров. К формальному определению смысла как функции можно добавить и содержательный аспект, указав на условия денотации, т. е. применительно к каким мирам и посредством каких текстов и коммуникативных контекстов может быть осуществлена денотация. Тем самым смысл как отношение может быть описан и как модель соотношения (референции), и как модус существования в этой модели (в некотором множестве возможных миров) некоторого объекта (в случае имени собственного) или класса объектов (в случае имени нарицательного). Это есть соотношенное с данным знаком его модальное измерение. При актуализации знака модальные характеристики соотносятся с миром-контекстом коммуникации, в результате чего определяется денотация данного знака применительно к некоторому миру-контексту.

Ключевые слова: Г. Фреге, Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, смысл, модальное и темпоральное измерение знака, денотация, модальная семиотика, семантика возможных миров

We consider Frege's, Peirce's and Saussure's conceptions of sign. The principal differences between them lead to divergent theories of linguistic sign. We suggest to expand Frege's approach by modal extension. Frege's basic idea is that a sense is a relation (function) that correlates linguistic expressions with non-linguistic objects. This function can be defined on the set of possible worlds. The formal definition of sense as a function can be supplemented by a substantial aspect of specifying the conditions of denotation, i. e. in respect to which worlds and with which intertextual and contextual means a denotation can be exercised. Thus, sense can be described both as a model of correspondence (reference) and as a mode of existence within that model (some set of possible worlds) of some object (in the case of proper name) or some class of objects (in the case of a common name). We suggest considering all these relations as a modal dimension of linguistic sign. Within the process of actualization the modal characteristics of the sign interact with the world and context of communication, whereby the denotation of the sign is specified in respect to a certain pair of «world-context».

Keywords: G. Frege, Ch. Peirce, F. de Saussure, modal and temporal dimension of linguistic sign, denotation, modal semiotics, semantics of possible worlds

Достижения современной семантики в различных ее ипостасях – будь то когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, исследования по формальной семантике естественных языков – практически никак не отразились на теории языкового знака. Эти достижения в семиотике оказались незамеченными – во всяком случае, в том, что касается не дескриптивных и прикладных аспектов, а теоретических основ, затрагивающих само определение знака. Семиотика естественного языка сегодня оказалась оторванной от семантики. Возможно, это связано с тем, что в современной семантике преобладает теоретико-множественный подход, основанный на идеях Готлоба Фреге,

тогда как теории языкового знака основываются преимущественно на идеях Фердинанда де Соссюра и частично Чарльза Пирса. В семиотике использование идеи Фреге ограничивается (и, возможно, блокируется) приписываемым ему семантическим треугольником¹, где потеряно столь существенное понимание смысла как отношения, или функции.

Однако, как мы хотим показать, именно подход Фреге к знаку позволяет учесть достижения современной семантики и заполнить те лакуны, которые наличествуют в концепциях Пирса и Соссюра. Вместе с тем вопросы, которые для самого Фреге оставались проблематичными, получают естественное объяснение при дополнении понятия знака модальным измерением. Наша статья будет состоять из двух частей: вначале (разделы 1, 2) мы попытаемся рассмотреть, что лежит в основе «классической» теории знака, затем (разделы 3, 4) – каковы возможности ее расширения, в частности, посредством введения модального и темпорального измерения.

1. КОНЦЕПЦИИ ЗНАКА Ч. ПИРСА, Ф. де СОССЮРА и Г. ФРЕГЕ

Безусловно, затруднительно говорить о какой-либо канонической версии семиотики. Это возможно только при крайне поверхностном подходе, когда игнорируется та разнородность и многовекторность развития теории знака, которая изначально была задана Ф. де Соссюром, Ч. Пирсом и Г. Фреге. Ведь до сих пор не прояснено в должной мере – а что есть семиотика? Начиная с популярного мультимедийного учебника семиотики для начинающих Д. Чандлера резонно ставится вопрос: если семиотика есть наука о знаках, то что же есть знак? Но вопрос этот следует адресовать не только начинающим. Само определение знака вовсе не очевидно: знак определяется посредством семиотической теории, он относится к метаязыку². Утверждение *Знак есть знак* не является полной тавтологией, хотя, казалось бы, слово *знак* употребляется двояко: первое словоупотребление, субъектное, относится к языку-объекту, второе, предикативное, – к метаязыку. Но при этом уже первое употребление слова «знак» также оказывается зависимым от метаязыка: если есть нечто общее между громом и романом «Война и мир», то это только то, что мы рассматриваем их как знаки, и общность эта может быть установлена только в рамках семиотической теории. Представляется, что речь должна идти о двух уровнях метаязыкового употребления слова *знак* – уровне наблюдения и оперирования знаками и уровне описания того, чем мы оперируем как знаками. Принципиальная сложность заключается в том, что сами по себе знаки нам не даны: они либо конструируются, либо же употребляются как знаки. Что есть знак – это одновременно и вопрос практического использования чего-либо в качестве знака, и вопрос семиотической теории, описывающей это нечто как знак. Разумеется, исторически знаки предшествуют семиотике, логически они порождаются соответствующим

¹ Так называемый «семантический треугольник» следует именовать треугольником К. Огдена – И. Ричардса: он появляется в ставшей знаменитой книге «The meaning of meaning» [Ogden, Richards 1923: 11] без какого-либо упоминания Фреге (о нем говорится лишь в приложении, где дан обзор основных на то время семантических теорий – с. 273–274). В самой книге авторы говорят о «нашем треугольнике» (our triangle), а Бронислав Малиновский в помещенной там же статье называет его треугольником «Огдена – Ричардса» [Malinowski 1923: 325].

² Знаки, которые используются в семиотических процессах, и знаки как понятие семиотики – это различные объекты. На это указывал еще Ч. Моррис, и он же отмечал, что трудно избежать этого смещения. Ср: «Очень важно видеть различие между отношениями, присущими данному знаку, и знаками, которые мы используем, когда говорим об этих отношениях, – полное осознание этого является, быть может, самым важным общим практическим применением семиотики... Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта... Для констатации фактов о знаках семиотика как наука пользуется особыми знаками, это некий язык, на котором можно говорить о знаках... Термин “знак” – это термин семиотики в целом; его невозможно определить в пределах одной лишь синтактики, семантики или прагматики» [Моррис 1983: 43–44].

шей теорией³. И не случайно, что с момента возникновения семиотики намечаются две различные версии – Ф. Соссюра и Ч. Пирса. Их авторов обычно рассматривают как двух разделенных океаном единомышленников, различие между которыми лишь в том, что один назвал новую науку «семиологией», другой предпочел переосмыслить традиционный термин «семиотика». Между тем теоретические различия между концепциями Пирса и Соссюра куда значительнее, чем различие в терминах⁴. Сегодняшняя разногласия в понимании самих основ семиотики – отголосок изначально различных подходов к ее главному герою: знаку.

По Соссюру, знак и язык – это социальные явления: «...можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией» [Соссюр 1977: 54]. Но при этом язык – это абстрактная система знаков и, соответственно, знак есть абстрактная сущность. (Ср.: «точно определить место семиологии – задача психолога» [Там же], тогда как в «жизни общества», если быть последовательным, может функционировать не язык, а речь.) Для Пирса, напротив, семиотика есть «формальное учение о знаках (философская логика)»⁵. Но вместе с тем определение знака конкретно (и даже наглядно) и зависит от ситуации, а не от системы: «Для Пирса знак есть конкретный объект, субститут, который замещает другой конкретный объект» [Lotman 2003: 80]. Соответственно, семантика, то есть отношение между знаком и замещаемым объектом (по Пирсу) или между означаемым и означающим (по Соссюру) получает различную интерпретацию: для Пирса это отношение между объектами, не имеющее связи с мышлением⁶, для Соссюра знак – это исключительно ментальная сущность, поскольку и означаемое, и означающее являются мысленными образами⁷.

³ Так, долгое время в советской семиотике наиболее популярным было определение И.И. Ревзина: семиотика есть перенесение методов лингвистического анализа на нелингвистические объекты [Ревзин 1971]. Четко прослеживается следующая логика: если нечто, не являющееся знаком (нелингвистический объект) описывается как знак (лингвистический объект), то он может рассматриваться именно так: как знак. В дальнейшем Евгений Горный продолжил эту логику: «Семиотика – это то, что люди, называющие себя семиотиками, называют семиотикой» [Горный 1996: 170]. Примечательно, что в таком определении изначальная тавтологичность определения знака сохраняется, но с семиотики она переходит на семиотиков. Таким образом, все три определения семиотики тавтологичны: в традиционном определении тавтологичен объект (знак), в определении И. Ревзина – метод, И. Горного – субъект. Объединение этих трех определений приводит к появлению своеобразного *perpetuum mobile*: семиотики создают метод, метод – объект, объект – людей, которые его изучают, семиотиков, и так на каждом витке будут порождаться соответствующие методы, объекты и субъекты.

⁴ Ряд принципиальных отличий отмечен в [Бенвенист 1974; Lotman 2003].

⁵ Ср.: «Думается, я уже имел случай показать, что логика, в своем наиболее общем смысле, есть всего лишь иное название семиотики, квазиинформационного или формального учения о знаках. Говоря, что это учение “квазиинформационно” или формально, я имею в виду, что мы наблюдаем свойства известных нам знаков, и от этого наблюдения, путем процесса, который можно называть абстрагированием, переходим к утверждениям, в высшей степени ненадежным (и в этом смысле совершенно не необходимым) о том, какими должны быть свойства всех знаков, используемых “научным” разумом, то есть разумом, способным учиться на опыте» [Пирс 2000: 176 (§ 227)].

⁶ «Logic is formal semiotic. A sign is something, *A*, which brings something, *B*, its *interpretant* sign, determined or created by it, into the same sort of correspondence (or a lower implied sort) with something, *C*, its *object*, as that in which itself stands to *C*. This definition no more involves any reference to human thought than does the definition of a line as the place within which a particle lies during a lapse of time» [Peirce 1976: 54].

⁷ «Мы можем изобразить язык в виде ряда следующих друг за другом сегментаций, произведенных одновременно как в неопределенном плане смутных понятий, так и в столь же неопределенном плане звучаний... Языковой знак есть двусторонняя психическая сущность» [Соссюр 1977: 114, 99].

В обоих случаях знак определяется вне рамок собственно знаковых процессов. Семантика перестает быть лингвистической или семиотической дисциплиной и рассматривается как ветвь либо (социальной) психологии, либо математики (логики). Таким образом, можно говорить о двух не связанных между собой семантиках – логической и психологической⁸. Подобный подход оборачивается потерей как лингвистического, так и семиотического базиса. Так, Э. Бенвенист указывает на следующее глубинное противоречие, к которому приводит последовательное развитие идей Ч. Пирса:

Человек в целом есть знак, его мысль – знак, его эмоция – знак. Но если все эти знаки выступают как знаки друг друга, то могут ли они в конечном счете быть знаками чего-то, что само *не было бы* знаком? Найдём ли мы такую точку опоры, где устанавливалось бы *первичное* знаковое отношение? Построенное Пирсом семиотическое здание не может включать само себя в свое определение. Чтобы в этом умножении знаков до бесконечности не растворилось само понятие знака, нужно, чтобы где-то в мире существовало *различие* между знаком и означаемым [Бенвенист 1974: 70–71].

Выход Бенвенист видел в сосюрсовской концепции, определяющей знак внутри некоторой системы (структуры). Но в этом случае, на что обратил внимание Умберто Эко (предлагая основываться на теории не какой-нибудь другой, а именно Пирса), происходит следующее:

Иными словами, благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым. И если потом это означаемое принимает в голове у говорящего форму понятия или же воплощается в определенных навыках говорения, то это касается таких дисциплин, как психология и статистика. Парадоксальным образом, когда семиология, кажется, вот-вот определит означаемое, в тот самый миг она рискует изменить самой себе, превратившись в логику, философию или метафизику. Один из основателей науки о знаках Чарльз Сандерс Пирс пытался уйти от этой опасности, введя понятие «интерпретанты», на котором следует остановиться [Эко 1998: 66–67].

Но как раз на понятии «интерпретанты», если следовать определению Пирса, «остановиться» невозможно: оно предполагает принципиально ничем не ограниченное движение в семиотическом пространстве⁹. Предлагаемое Эко решение приводит его к воспроизведению концепции Соссюра, но в несколько усложненном виде¹⁰.

Как видим, постоянно возникают ситуации либо тавтологических кругов, либо же «ухода» в иные дисциплины, что предполагает использование отличных от семиотических методов. Такая ситуация складывается, на наш взгляд, вследствие того, что абсолютизируется один из аспектов знака, и тогда возникают или тавтологические круги, или не имеющий предела самодостаточный семиозис; ср. [Есо 1995]. А при разьединении этих аспектов знак теряет свои особенности, вследствие чего семантика и семиотика теряют свой объект, сливаясь либо с психологией, либо с математикой.

⁸ Ср.: «Я различаю два объекта рассмотрения: во-первых, описание возможных языков или грамматик как абстрактных семантических систем, посредством которых символы связываются с аспектами реальности; во-вторых, описание психологических и социологических факторов, обуславливающих то, что некоторое лицо или группа лиц использует именно данную семиотическую систему. Смешение этих двух объектов может привести только к путанице» [Льюиз 1983: 254].

⁹ Ср. определение знака у Пирса: «Нечто, что определяет что-то другое (свою интерпретанту) к тому, чтобы это что-то тем же самым образом, что и оно само, относилось к некоторому объекту, к которому оно само относится (к своему объекту), причем интерпретанта, в свою очередь, становится знаком, и т.д. *ad infinitum*» [Пирс: 2000, 216 (§ 303)]. В оригинале яснее: «The interpretant of a sign becomes in turn a sign, and so on *ad infinitum*» [Peirce 1976].

¹⁰ Ср.: «Языком в таком случае следовало бы назвать систему, которая объясняла бы сама себя путем последовательного развертывания все новых и новых конвенциональных систем» [Эко 1998: 69].

Между тем здесь не требуется изобретать чего-либо принципиально нового. На наш взгляд, баланс между различными аспектами семантики знака, между субъективным и объективным, лингвистическим и экстралингвистическим, был найден еще Г. Фреге. Его теорию знака следует освободить от последовавших популяризаторских толкований в духе «треугольника Фреге» и вспомнить о той основной проблеме, которую поставил ученый: что именно выражают утверждения тождества – отношения между объектами или же между именами (знаками) объектов? [Фреге 1977: 181]. Фреге уходит от якобы очевидного «объективистского» решения: отношения идентичности устанавливаются не между объектами, а между именами объектов, то есть это семиотическое отношение. Отсюда и ответ на вытекающий вопрос: а что есть семиотическое отношение? Есть ли это отношение между знаками (как то предполагается в теории Соссюра) или же это отношение между знаками и объектами (как то следует из определения Пирса)?

Решение Фреге известно: это различные знаковые отношения, и одно определяет смысл знака, а другое – его значение, или денотат¹¹. Но, разграничивая эти отношения, Фреге указывает и на соотношенность между ними: отношение между знаком и объектом детерминировано отношением между смыслом и знаком. Тем самым эти два аспекта выступают не как независимые друг от друга, а как смысловые уровни. Внутрисистемное отношение, смысл (вспомним Соссюра)¹², в свою очередь, определяет отношение между знаком и объектом (т. е. как у Пирса)¹³. При этом Фреге четко отграничивает смысл как внутрисистемное явление, поскольку «смысл можно рассматривать сам по себе, то есть можно говорить о смысле как таковом» [Фреге 1977: 185], от индивидуальных представлений: он отграничивает смысл и денотат слова от вызываемых ими мысленных представлений¹⁴.

¹¹ Фреге противопоставляет *Sinn* и *Bedeutung*. Первый член не представляет трудности для перевода – это *смысл* (*Sense/Significance*). Однако второй до сих пор не имеет общепринятого перевода. На русский его переводят то как *денотат*, то как *значение*. Еще больше вариантов дают английские переводы: *reference/meaning/denotation/nominatum*. Мы выбрали термин «денотат» – как следуя первой публикации, так и потому, чтобы в дальнейшем, говоря о примимасных функциях значениях, избежать смешения между значением-meaning и значением-value.

¹² Ср.: «Чтобы понимать смысл имен собственных, требуется лишь в достаточной степени владеть соответствующим языком или знать совокупность обозначений, к которой принадлежит данное имя» [Фреге 1977: 183].

¹³ «В идеале соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал один определенный смысл, а всякому смыслу в свою очередь всегда соответствовал один определенный денотат; в то же время денотату (вещи) может соответствовать не один смысл, а несколько, и один и тот же смысл может выражаться разными знаками не только в разных языках, но и в пределах одного и того же языка... Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать денотатом знака (*Bedeutung*), но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака (*Sinn*): смысл знака – это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [Фреге 1977: 183, 182].

«Условимся говорить, что собственное имя (слово, знак, сочетание знаков, выражение) выражает свой смысл и обозначает, или называет, свой денотат» [Там же: 188].

¹⁴ Приведем пример, наглядно поясняющий, как Фреге понимает и это различие, и «объективный» смысла: «Между денотатом и представлением располагается смысл – не столь субъективный, как представление, но и не совпадающий с самой вещью, то есть с денотатом. Поясним это соотношением следующим примером. Допустим, что некто смотрит на Луну в телескоп. При этом имеют место два реальных изображения Луны: первое образуется на линзах внутри телескопа, а второе – на сетчатке глаза наблюдателя. Тогда саму Луну можно сопоставить с денотатом, первое изображение Луны – со смыслом, а второе – с представлением (или восприятием). Верно, что изображение в телескопе является односторонним и зависит от расположения телескопа, тем не менее, оно вполне объективно, поскольку его могут одновременно воспринимать несколько наблюдателей. Однако изображение Луны на сетчатке глаза у каждого будет свое» [Там же: 186-187].

СМЫСЛЫ БЕЗ ДЕНОТАТА – ФРЕГЕ О ПСЕВДОИМЕНАХ

Концепция Г. Фреге, предвосхищая взгляды и Соссюра, и Пирса, в определенной степени синтезирует оба подхода, но добавляет весьма существенный аспект: как сам знак, так и его денотат определяются через смысл. Смысл понимается как явление внутриязыковое, но не замыкающееся языком: посредством смысла осуществляется соотнесение знака с **именно его** денотатом: денотат в этом случае не какой-либо произвольный объект, отличный от знака (как у Пирса), а обусловленный данным смыслом. Вместе с тем смысл знака вовсе не ограничивается отношением данного знака к другим знакам внутри данной системы (как у Соссюра) – он предполагает в качестве функции знака (функции и математической, и телеологической) его соотнесенность с денотатом, то есть объектом, лежащим вне знаковой системы.

Как видим, для наличия смыслов совсем не обязательно наличие объектов или же психологических или мысленных представлений о них. Более того, не может быть денотатов, если нет обозначающих их знаков: могут быть объекты, которые станут денотатами только после того, как будут обозначены некоторым знаком. Тем самым Фреге создает основу для собственно семиотического и семантического подхода, не предполагающего конечного растворения языкового знака в психологии или логике. Но тут возникает ряд вопросов, которые отчасти были подняты самим Фреге.

В центре теории Фреге оказывается смысл, посредством которого возможно определение знака и денотата. Однако сам по себе смысл не играет самостоятельной роли – он есть **способ**, или **правила соотнесения** знака с его денотатом. Может ли знак не иметь смысла – такой вопрос для Фреге **бессмыслен**: если нечто не имеет смысла, то невозможно соотнести его с некоторым объектом. Соответственно, не может быть смысла, который оказался бы не выраженным в знаках и характеризовал бы сам объект (очевидно, что когда мы говорим о смысле дерева или же о смысле истории, то используем слово «смысл» иным образом). В то же время, по Фреге, смыслы «могут быть рассмотрены сами по себе» [Фреге 1977: 186]¹⁵. Но если смысл есть «способ соотнесения», или отношение, то как возможны ситуации, когда отсутствует второй член отношения – денотат? В таком случае смысл оказывается явлением исключительно внутрисистемным, что не согласуется с общим подходом Фреге. Даже ограничивая себя рассмотрением в качестве знаков исключительно собственных имен, Фреге сознает, что язык устроен иначе, чем то предписывает его семантическая теория. Он сам же и описывает эти «отклонения» от постулируемого им «идеального» языка. Это 1) зависимость смысла языковых выражений от контекста¹⁶; 2) наличие у имени различных

¹⁵ Заметим, впрочем, что не совсем ясно, как в рамках теории Фреге можно рассматривать смысл «сам по себе», не релятивизируя его применительно к знакам и денотатам. По Фреге, «косвенный денотат слова совпадает с его обычным смыслом», где под косвенным денотатом понимается денотат слов, используемых в косвенном употреблении, например, при цитации. Однако это далеко не всегда так: например, в предложении *Говорят, что Петя любит Аню* денотатами этих имен будут Аня и Петя, а не смысл этих слов. Если же считать, что Фреге имеет в виду самое узкое понимание цитации, исключительно как воспроизведение слов *Аня* и *Петя*, а не сказанного о них, то тогда пропадает само понятие смысла. О не-фрегевском подходе к цитации и косвенным смыслам см. [Davidson 1975; Barwise, Perry 1981; Cresswell 1980; Золян 1989].

¹⁶ Ср.: «Разумеется, в действительности указанное соответствие часто нарушается. Как было только что сказано, в идеальной знаковой системе всякому выражению должен соответствовать только один определенный смысл; однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию: редко бывает так, чтобы слово всегда имело один и тот же смысл в разных контекстах» [Фреге 1977: 183, 184]. Заметим, что, на наш взгляд, адекватнее исходить из того, что контекстная зависимость семантики языковых выражений – это не отклонение, а, напротив, общее правило. Это, кстати, в весьма категорической форме утверждает и сам Фреге, но в иной связи – при рассмотрении понятия числа: «Необходимо всегда учитывать полное предложение. Только в нем слово обладает подлинным значением... Слова обозначают нечто только в контексте предложения» [Фреге 2008: 196, 198].

смыслов¹⁷; и, что наиболее существенно 3) то, что имена и предложения могут иметь смысл, но не иметь денотата¹⁸. Все эти факторы в разной степени и по-разному, но довольно существенно колеблют сами основы теории Фреге. И если первые два еще могут быть объяснены «несовершенством» естественного языка и быть элиминированы в языке идеальном, то третье препятствие неустранимо и в идеальном языке. Видимо, поэтому ему Фреге уделяет особое внимание:

Дело здесь в несовершенстве языка, от которого, впрочем, не вполне свободна и знаковая система математического анализа; здесь мы также встречаем выражения, которые внешне выглядят так, как будто они что-то обозначают, однако в действительности, по крайней мере до сих пор, денотат их неизвестен, например: *сумма бесконечного расходящегося ряда*. Этого можно избежать, если особым соглашением приписать данному выражению денотат «0». От логически совершенного языка... нужно требовать, чтобы любое выражение, образуемое как собственное имя грамматически правильным образом из уже ранее введенных знаков, действительно обозначало некоторый предмет, и чтобы в качестве собственного имени не вводилось ни одного знака, не обеспеченного некоторым денотатом. Известно, что в логике недопустима неоднозначность выражений, ибо она является источником логических ошибок. Я полагаю, что не менее опасны псевдоимена, которые лишены денотата. История математики знает много заблуждений, которые возникли по этой причине. Псевдоимена, по-видимому, даже в большей степени, чем неоднозначные выражения, способствуют демагогическому злоупотреблению языком. «*Валя народа*» может служить этому хорошим примером: легко можно установить, что у этого выражения нет никакого, по крайней мере общепринятого, денотата. Поэтому мне представляется исключительно важным закрыть этот источник заблуждений – по крайней мере в науке – раз и навсегда [Фреге 1977: 199–200].

Как видим, ситуация, когда смыслу знака не соответствует какой-либо денотат, объясняется Фреге «несовершенством языка» и не приводит его к мысли о необходимости усовершенствования не языка, а собственной теории. Но вместе с тем Фреге допускает такое использование языка, при котором оказывается естественной ситуация, что предложение имеет смысл, но не имеет денотата – это поэтический язык. Так, рассматривая предложение *Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна*, Фреге замечает:

Например, при чтении эпоса нас волнуют, наряду с красотой языка, только смысл предложений и вызываемые ими представления (образы) и чувства. Вопрос об истинности этих предложений увел бы нас из сферы художественного восприятия в сферу научных изысканий. Вот почему, коль скоро мы воспринимаем поэму Гомера только как художественное произведение, нам безразлично, в частности, имеет имя Одиссей денотат или нет [Фреге 1977: 190].

Однако и в этом случае речь, по Фреге, идет о некоторой частной форме языковой деятельности, а для имен, подобных имени «Одиссей», желательно даже иметь особый термин: «изображения» (*Bilder*)¹⁹ – чтобы отличать их и от «псевдоимен», и от «настоящих» знаков.

¹⁷ «По поводу того, что следует считать смыслом настоящих имен собственных, таких как, например, Аристотель, могут быть разные мнения. Можно, в частности, считать, что слово *Аристотель* имеет смысл 'ученик Платона и учитель Александра Великого'. Тот, кто придерживается такого мнения, извлечет из предложения (2) *Аристотель родился в Стагире* не тот же самый смысл, который извлечет из него человек, считающий, что слово Аристотель имеет смысл 'учитель Александра Великого, родившийся в Стагире'. Но до тех пор, пока значение имени остается одним и тем же, подобные колебания смысла допустимы, хотя в языках точных наук их следует избегать. В идеальном языке неопределенность смыслов нежелательна» [Фреге 1977: 183].

¹⁸ «Далее, хотя можно предполагать, что любому грамматически правильному выражению, выступающему в роли имени собственного, всегда соответствует некоторый смысл, вовсе не всякому смыслу соответствует некоторый денотат. Например, выражение *наиболее удаленное от Земли небесное тело* имеет вполне определенный смысл, но вряд ли у него есть денотат» [Там же: 184].

¹⁹ «Желательно иметь для знаков, которые должны быть наделены только смыслом, особое название, например, "изображения" [*Bilder*]; тогда слова, произносимые актером на сцене, будут изображениями; более того, и сам актер будет изображением» [Фреге 1977: 190].

3. О МОДАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ЗНАКА

Как мы попытались показать, основная проблема, которая не получает удовлетворительного решения в рамках теории Фреге состоит в том, что у знака (имени или предложения) при наличии смысла может и не быть денотата. Необъясненной остается и возможность наличия у имени собственного нескольких смыслов. Между тем все эти проблемы получают решение, если дополнить концепцию Фреге модальным компонентом – ввести в качестве области интерпретации (денотации) не только актуальный мир, но и возможные и невозможные миры. В принципе это уже сделано в модальной семантике (семантике возможных миров), особенно в той ее версии, которая непосредственно направлена на описание естественных языков (Д. Льюиз, М. Крессвелл). Требуется лишь перенести выработанные подходы в семиотику, уточнив и расширив понятие знака. Поэтому, не вдаваясь в обсуждение известного, продемонстрируем, что при модальном подходе, если как область интерпретации языковых выражений задать множество возможных миров, то при наличии смысла знак будет иметь также и денотат. Другое дело, что денотаты этих выражений могут быть локализованными в возможных или невозможных мирах и не иметь денотата в мире, принимаемом за актуальный. Так, все приводимые Г. Фреге отклоняющиеся выражения можно разбить на следующие типы:

1) Денотат имени не существует в актуальном физическом мире, но мог бы существовать при ином течении событий. Возможность принято определять как существование в некоторых возможных мирах. Так, Одиссея не существует в мирах истории Греции, но он существует в мирах греческого эпоса. Единорогов не существует в зоологии, но они существуют в мифологии.

2) Денотат выражения не существует в актуальном мире и не может существовать ни в одном из возможных миров, например: «наибольшее натуральное число», «круглый квадрат», «самая отдаленная от земли звезда». Это те случаи, когда правила сочетания смыслов приводят к ситуации, когда компоненты выражения могут иметь и смысл, и денотат, но их композиция характеризуется только смыслом. Так язык создает «псевдоимена», и их денотатом оказывается пустое множество (ноль). В таком случае все «псевдоимена», отличаясь по смыслу, будут иметь один и тот же денотат. Но это решение, которое содержится у Фреге, может быть дополнено, если в качестве области интерпретации рассматривать и невозможные миры. В таком случае денотаты этих выражений будут локализованы в различных невозможных мирах, и допустима ситуация, когда в одном из таких миров существуют круглые квадраты, но не существует наибольшего натурального числа и т. п. (см. [Хинтика 1980; Vendler 1975; Cresswell 1983] и др.). Такой подход выявляет зависимость понятия возможных миров от используемых для их конструирования языковых средств.

3) Пусть не покажется странным, но с этой точки зрения наименее ясно то, как рассматривать такое, по Фреге, «псевдоимено», как обиходное выражение *воля народа*. Казалось бы, из вышеприведенной цитаты следует, что сам Фреге склоняется к тому, чтобы считать подобные случаи «демагогическим злоупотреблением языком», когда, как и в предыдущем случае, языковыми средствами создается выражение, не имеющее денотата. Однако, как нам представляется, семантика выражения *воля народа* отличается от семантики выражения *наибольшее натуральное число*. Во всяком случае, ясно, что «псевдоимена» математики функционируют не так, как «псевдоимена» обиходного языка или политического дискурса. В первом случае имеет место процедура экспликации того, что денотат этого выражения не существует ни в одном из возможных миров. Но «естественные псевдоимена» помещены не в контексты знания, а в контексты веры, почему и подобная процедура к ним неприменима: невозможно доказать ни существование их денотатов, ни их не-существование. Характерна оговорка Фреге «у этого выражения нет никакого, по крайней мере о б щ е п р и н я т о г о, денотата» (выделено нами. – С.3.). Возможны различные процедуры интерпретации этих выражений, которые будут приводить к различным «не-общепринятым» результатам. Можно также предположить, что в политическом дискурсе, как и в случае метафорического (поэти-

ческого) употребления знака, имеет место одновременная референция к мирам, в ряде которых данный денотат существует, и к мирам, в которых он не существует, но при этом, в духе оруэлловского «двоемыслия», различные области референции не разграничиваются, а, напротив, целенаправленно смешиваются; ср. [Золян 2010].

4) Оказываются преодоленными колебания Г. Фреге относительно того, признавать ли за предложением *Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна* наличие истинностного значения или нет. Ведь очевидно, что в противном случае его оценка будет такой же, как и его отрицание: *Неверно, что Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна*. Между тем первое предложение следует признать истинным применительно к области его референции (гомеровскому эпосу) и языковому универсуму, включающему имя *Одиссей* как каузальную историю его различных употреблений; ср. [Doppelan 1972]. Кроме того, если признать у имени *Одиссей* наличие денотата в мирах греческого эпоса, то тем самым мы признаем наличие денотата и у включающего его предложения (именно отсутствие денотата у имени *Одиссей* было для Фреге основой для отрицания у этого предложения истинностного значения).

5) Наконец, рассмотрим относящуюся уже к другому аспекту смысла смущавшую Фреге возможность наличия у имени собственного двух смыслов ([Фреге 1977: 183], см. сноску 17). Не вдаваясь в описание хорошо известных различий между именем и определенной дескрипцией (по Б. Расселлу) и жесткими и нежесткими десигнаторами (по С. Крипке), укажем следующее: в данном случае очевидно, что хотя у выражений *Аристотель, ученик Платона* и *учитель Александра Великого* один и тот же денотат в актуальном мире, они не равноэкстенциональны: в различных возможных мирах это могут быть различные индивиды. Так, при ином течении событий Аристотель мог и не быть учеником Платона, а у Александра мог быть и другой учитель. Еще более сложную модально-темпоральную структуру имеет выражение *учитель Александра Великого, родившийся в Стагире* в отличие от выражения *Аристотель родился в Стагире*: ведь в тот момент, когда родился Аристотель, он еще не был учителем Александра. Первое выражение предполагает описание из мира, будущего по отношению к миру, в котором родился Аристотель, и соответственно, одновременную денотацию имени *Аристотель* к этим двум мирам; ср. [Данто 2002]. И если предложение *Аристотель родился в Стагире* истинно начиная с момента рождения Аристотеля, то в тот момент в актуальном мире имя *учитель Александра Великого* еще не имело денотата, а предложение *учитель Александра Великого родился в Стагире* стало истинным спустя десятилетия. Так что и с этой точки зрения не во все моменты времени и не во всех мирах у выражений *Аристотель* и *родившийся в Стагире учитель Александра Великого* один и тот же денотат.

Как видим, все те случаи, которые Фреге склонен был объяснять «несовершенством языка», из-за чего нарушалась соотнесенность между смыслом и денотатом, получают свое решение, если предположить, что денотация знака осуществляется не только в актуальном, но и в возможных и невозможных мирах. Но такое расширение требуется не для того, чтобы получили объяснения случаи, которые вызвали трудности или же рассматривались как отклонения. На наш взгляд, напротив, как раз они, выявляя то, что не столь очевидно в случае «обычных» знаков, подсказывают, что в определение знака необходимо включить и модально-темпоральное измерение.

Рассмотрим такой знак, как архитектурный чертеж здания (своеобразный аналог имени собственного). Что может являться его денотатом? Ответ будет зависеть от той области интерпретации, в которой мы будем искать этот денотат. Так, на стадии проектирования это будет дом-в-будущем – денотат еще физически не существует в момент проектирования, но он существует в достижимом из актуального мира возможном мире, который станет актуальным через некоторый момент времени. После постройки дома этот чертеж станет субститутотом дома – например, при оформлении собственности. Если этот дом будет разрушен, этот же чертеж станет историческим фактом – домом-в-прошлом, его денотатом будет дом, который существует в том возможном мире, который достижим из актуального мира, поскольку был актуальным некоторое время

назад; ср. [Прайор 1981]. Это временное отношение может быть осложнено модальным: например, если данный чертеж представлен на конкурсе, то денотатом станет дом, который может стать домом в будущем. Если же на конкурсе этот проект не станет победителем, то денотатом чертежа станет дом, который мог бы, но никогда не станет домом, то есть этому дому суждено будет существовать исключительно в возможных мирах. Можно представить и ситуацию, когда дом разрушен, но архитектор-археолог реконструирует его по сохранившимся деталям. О подобной реконструкции никогда нельзя будет утверждать, что она есть точное соответствие существовавшему, поэтому денотат данного чертежа будет существовать и в возможных мирах прошлого – возможно, но не обязательно, что один из этих миров был некогда актуальным миром. Наконец, можно представить (как на гравюрах Эшера), что дом спроектирован неправильно, и построенный по этому чертежу дом рухнет или же просто не может быть построен. Тогда денотатом знака станет дом, который не существует ни в одном из возможных миров, но существует в некоторых из невозможных.

Ситуация предстанет в еще более интересном виде, если вспомнить, что чертеж – это знак-икон, то есть должно быть определенное соответствие между означаемым и означающим. Стало быть, возможны ситуации, когда знак будет подобием того, что не только не существует, но и не может существовать. Как видим, в отличие от общепринятой точки зрения, возможны ситуации, когда не означающее должно походить на означаемое, а как раз наоборот – означающее задает то, каким должно быть означаемое, чтобы соответствовать означающему. Таким образом, далеко не всегда верно то, что знаки-иконы обращены к прошлому опыту²⁰.

Что же в таком случае является смыслом знака – чертежа дома? Изменяется ли смысл во всех этих случаях, как то предполагал Фреге применительно к имени *Аристотель*, или же остается одним и тем же? Наконец, что считать денотатом данного знака – один и тот же дом, локализованный в разных мирах, или же множество различных не сводимых друг к другу домов? Думается, решение вытекает из намеченного самим Фреге понимания смысла как отношения, функции, следует лишь расширить область интерпретации, или область значений (value) функции, понимая ее как множество возможных миров. В таком случае смысл данного знака-чертежа предстанет как функция, которая соотносит данный знак с соответствующим ему денотатом в том или ином мире. Денотатом этого знака будут возможные значения функции: чертеж однозначно задает параметры здания. Разумеется, все соответствующие этому чертежу дома будут одним и те же домом, хотя и локализованным в разных мирах. Мыслимые или реальные различия между этими локализациями уже не будут касаться семантики данного знака (например, в разные моменты времени этот один и тот же дом может быть окрашенным в разные цвета, быть новым или покосившимся от старости, на фоне зимнего или летнего ландшафта и т. п.). Разумеется, в данном случае имеется в виду денотат чертежа, а не реальный дом – в физическом отношении непостроенный или разрушенный дом отличаются от реальных домов, но рассматриваемые как денотаты чертежа они не отличимы друг от друга. Вспомним проводимое Витгенштейном разграничение между носителем имени и его денотатом (значением) – денотат имени *Иван Иванович* остается тем же, даже если Иван Иванович болен или даже, не дай Бог, умер²¹).

²⁰ «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти», – эту мысль Ч. Пирса из его книги «Экзистенциальные графы» воспроизводит Роман Якобсон, обобщая свою знаменитую статью «В поисках сущности языка» [Якобсон 1983: 116].

²¹ Видимо, так надо понимать Л. Витгенштейна: «...слово “значение” употребляется в противоречии с нормами языка, если им обозначают вещь, “соответствующую” данному слову. То есть значение имени смешивают с носителем имени. Когда умирает господин N, то говорят, что умирает носитель данного имени, но не его значение. Ведь говорить так было бы бессмысленно, ибо, утратив имя свое значение, не имело бы смысла говорить “господин N умер» [Wittgenstein 1958: 20].

Аналогично мы будем рассматривать и имена собственные. Денотаты знаков в естественном языке, в отличие от знаков, подобных чертежу, могут изменяться физически. Например, Лев Толстой в 1848 г. и Лев Толстой в 1908 г.: если судить по фотопортретам, то это совершенно разные люди. Если в качестве знака рассматривать фотографии, то денотатом одной фотографии будет Лев Толстой в 1848 г., а другой – Лев Толстой в 1908 г.²² Но применительно к имени *Лев Толстой* денотатом будет один и тот же индивид, пусть и локализованный в различающихся по времени мирах: Лев Толстой в разные периоды его жизни. Имя *Аристотель* во всех мирах выделит Аристотеля, хотя это могут быть и различные индивиды (безотносительно к тому, какую семантическую теорию мы принимаем – С. Крипке, Д. Льюиза или Я. Хинтикки) с различающимися биографиями: так, Аристотель будет Аристотелем и в тех возможных мирах, где ему не суждено будет встретиться с Платоном или же где не существует Александра Македонского. При этом следует учитывать гибкость языкового знака – при определенных условиях имя нарицательное может функционировать как имя собственное и наоборот.

Это решение распространяет на все знаки языка тот подход, который принят при описании дейктических единиц: смысл дейктического выражения понимается как функция, которая применительно к любому контексту однозначно определит денотат данного выражения применительно к данному контексту²³. Например, местоимение *я* может указывать на различных индивидов, но его смысл при этом остается тем же – указание на того, кто применительно к данному контексту является говорящим.

Но так же можно рассматривать смысл языкового знака в целом, безотносительно к его типу: как функцию, которая соотносит знак с его денотатами во всех возможных мирах, причем денотация к актуальному миру – это лишь один из случаев. Это решение может иметь два варианта. Для имени собственного это будет один и тот же денотат, как в рассмотренном случае с чертежом. В случае имени нарицательного (общего имени), как и в случае семантики *Я*, это могут быть и различные индивиды. Так, например, денотатом слова *стол* могут быть не только реально существующие столы, но и те, которые сгорели при пожаре, нарисованы на картине, были увидены мной во сне, столы, которые я собираюсь купить в будущем году и т. п.

Однако здесь требуются дополнительные уточнения. Понимая смысл как функцию, мы должны определить, что является ее областью значения. Здесь можно принять две точки зрения. Первая, абсолютная, сегодня представлена в модальной семантике: область значения функции, или стратифицированная область интерпретации имени, – это и есть некоторое неуточняемое множество возможных миров (начиная с пустого мира и заканчивая их универсальным множеством). В соответствии с этим смысл знака описывает значения функции во всех возможных и невозможных мирах и тем самым выделяет денотат данного знака в любом из этих миров (подобно Богу у Лейбница, который мог видеть все множество возможных миров, чтобы выбрать из них наилучший; среди прочего, он мог, например, найти денотат имени *Аристотель* в мире, в котором не было Платона). Тем самым знание семантики имени предстает как умение выделить данный индивид в любом из представленных для обозрения миров.

Однако, за исключением некоторых экстравагантных случаев (фантастика, театр абсурда, альтернативная история и т. п.), в рассмотрение может быть принято ограни-

²² Вероятно, так яснее становится идея основателя «общей семантики» Альфреда Коржибски снабдить каждое имя собственное временным индексом: чтобы за преступление молодого Смита не страдал сидящий в тюрьме пожилой Смит, или же самоубийство Смита рассматривалось бы как убийство Смита-первого впадшим в безумие Смитом-вторым [Korzybski 1958: xlii]. В основе этой идеи стремление уподобить знаки естественного языка иконам-моделям (например, фотографии), в которых наблюдается однозначное соответствие между означаемым и означающим.

²³ Насколько можно судить по отдельным разрозненным замечаниям, сам Фреге, вероятнее всего, возражал бы против подобного подхода [Perry 1997]: семантика дейктических единиц (например, *я*) была для него связана скорее с субъективными и даже невыразимыми мысленными представлениями [Фреге 2008: 36–39].

ченное множество возможных миров²⁴. Смысл и денотат знака существуют не в вакууме, а в некотором темпорально-модальном пространстве, мире, или поле. Тем самым знак, как правило, имеет некоторую сферу денотации, которая определена условиями, обсуждение которых выходит за рамки настоящей статьи. Если смысл знака понимается как функция, которая определена на некотором множестве возможных миров, то и границы этой сферы также следует считать компонентом семантики знака – это его модально-темпоральное измерение, или же поле²⁵. Оно не произвольно, а детерминировано, с одной стороны, контекстом высказывания (где и когда), а с другой – тем компонентом семантики знака, который с определенными оговорками можно назвать каузальной историей имени (С. Крипке, К. Доннеллан): цепочкой его употреблений начиная с момента «первокрещения», первого называния, то есть памятью о предыдущих контекстах. Разумеется, границы этого поля денотации (радиус действия имени) могут быть изменены за счет создания новых текстов или же новых интерпретаций имеющихся. Во всех этих случаях действует прагмасемантический механизм, останавливаться на описании которого в данном случае не имеет смысла. Он достаточно исследован в работах по модальной семантике и прагматике (Р. Столнейкер, Д. Каплан, Д. Льюиз, Ю. Степанов и др.), а также в исследованиях по интертекстуальным отношениям, цитации, прецедентным текстам, концептам и т. д.

Приведем несколько примеров, показывающих зависимость имени собственного от темпоральных характеристик, например:

- *Москва – столица России.*
- *Москва была столицей России.*
- *Будь Москва столицей России...*
- *Неверно, что Москва – столица России.*
- *Возможно, что Москва будет столицей России.*
- *Возможно, что Москва не будет столицей России.*

Приведенные предложения в некоторых, но не во всех контекстах являются истинными, поскольку денотаты имени *Москва* будут локализованы в различных мирах. В некоторых исторических мирах Москва была столицей России, в некоторых нет, в будущем она может быть столицей России, но может и не быть. Это отнесение имени *Москва* к тому или иному темпоральному миру осуществляется за счет эксплицитных (содержащихся в предложении модально-временных показателей) или имплицитных (времени контекста высказывания²⁶) форм. С другой стороны, одно и то же предложение

Москва – столица России

может быть истинным или ложным в зависимости от контекста высказывания: в XIX или XX в., в мире романа Льва Толстого «Война и мир» или же повести А. Кабакова «Невозвращенец» и т. п. Разумеется, оценка того или иного высказывания – это факт не только языка, но и истории России, но эта история существенна для правильного использования имени *Москва* и знания его семантики. Соотнесенность между модально-темпоральными характеристиками смысла имени и его денотата наглядно проявляется при изменении имени, а, стало быть, и смысла. Изменение имени не может повлиять на физические объекты, но изменяет не только смысл, но и его денотацию, поскольку со

²⁴ Я. Хинтикка предложил разграничивать «возможные» миры и эпистемические альтернативы: поскольку «не все возможные миры равно возможны», то субъект, как правило, рассматривает в качестве возможных только те миры, которые совместимы с его представлениями о мире [Хинтикка 1980: 228–229].

²⁵ Мы используем многообещающую идею Михаила Лотмана о том, что определения знаковой системы как набора элементов, правил и отношений еще недостаточно – требуется также ввести и понятие поля. Например, излюбленный пример Ф. де Соссюра, шахматы, где помимо описания фигур и ходов, требуется и понятие доски, которая также является некоторым набором знаков и отношений [Lotman 2012].

²⁶ Ср.: «...время произнесения является частью произнесения мысли... Для ее правильного понимания необходимо знание обстоятельств, сопровождающих произнесение и используемых как средство выражения мысли» [Фреге 2008: 36].

смыслом оказывается ассоциировано и модально-темпоральное измерение (поле, пространство, рамка) смысла. Так, переименование города никак не может повлиять на сам город (носитель имени), но приводит к изменению денотата. Поэтому возможны предложения: *Санкт-Петербург – это Ленинград* и *Ленинград – это Санкт-Петербург*, поскольку эти два имени синонимичны (взаимозаменяемы в некоторых контекстах, но не во всех); они не тождественны и не симметричны²⁷. Употребление этих высказываний ограничено определенными контекстуальными временными рамками. *Санкт-Петербург – это Ленинград* – высказывание, истинное после 1991 г., когда Ленинград был переименован в Санкт-Петербург. И, напротив, высказывание *Ленинград – это Санкт-Петербург* истинно в момент от 1924 г. до 1991 г. Поэтому возможны и такие предложения, как *Ленинград был Санкт-Петербургом* или же *Санкт-Петербург был Ленинградом*. Но неверным будет: *Петроград был Ленинградом*, тогда как истинным – *Ленинград был Петроградом* (истинным будет *Петроград стал Ленинградом*). Таким образом, *Санкт-Петербург*, *Петроград*, *Ленинград* – это разные имена одного и того же города, но при этом мы видим, что их денотат не всегда один и тот же, поскольку может быть локализован в различных временных мирах. Поэтому денотаты этих имен не тождественны, но связаны линией межмировой соотнесенности, поскольку миры, в которых они локализованы, достижимы один из другого: один мир есть мир, который был (есть, будет) этим другим миром. Что же касается обозначения одного и того же города, то нам потребуется ввести еще одно собственное имя: *город, который в разные времена назывался Санкт-Петербургом, Петроградом, Ленинградом* (как то делается в справочниках: дается нынешнее название, а в скобках – прежние). Такие случаи весьма похожи на приводимые Фреге примеры имен, имеющих различные смыслы, но тот же денотат (имена *Венера*, *Вечерняя Звезда* и *Утренняя звезда*). В свете сказанного положение об идентичности денотатов у этих имен должно быть уточнено²⁸.

Аналогичный подход можно распространить и на имена нарицательные. В условиях конкретного речевого акта они начинают вести себя как имена собственные, указывая не на класс объектов, а на определенный объект. Таким образом, можно считать, что неизменяемый компонент языкового смысла (его внутрисистемные характеристики) актуализируются в определенном модально-темпоральном поле, параметры которого определяются коммуникативным контекстом (*кто – кому – где – когда говорит*), по-

²⁷ Этот случай отличен от достаточно редких примеров так называемой абсолютной синонимии, когда имеет место полная взаимозаменяемость имен: *Лингвистика – это языкознание* и *Языкознание – это лингвистика*. Здесь мы не рассматриваем и те смысловые отличия, которые принято связывать с так называемой «внутренней формой» слова: в предложениях *Ленинград был назван в честь Ленина*, *Санкт-Петербург был назван в честь святого Петра* (при абсурдности *Ленинград был назван в честь святого Петра*) эти имена перестают быть взаимозаменяемыми безотносительно к какому-либо временному контексту. Мы понимаем синонимию как взаимозаменяемость в некоторых, но не во всех контекстах, а многозначность как наличие у слова двух и более рядов синонимов. На этой основе возможно отграничить лингвистическую синонимию от равноинтенциональности и равноэкстенциональности [Золян 1991].

²⁸ Один из примеров Фреге прямо показывает соотнесенность имени с временными характеристиками: «Предположим, что у данного предложения есть денотат. Заменяем в нем некоторое слово на другое слово с тем же денотатом, но с другим смыслом; это никак не должно повлиять на денотат предложения в целом. Мы увидим, однако, что выражаемое предложением суждение изменится: так, например, в предложениях (6) *Утренняя звезда – это небесное тело, освещаемое солнцем* и (7) *Вечерняя звезда – это небесное тело, освещаемое солнцем* выражены разные суждения. Если не знать, что *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* суть имена одного и того же небесного тела, то одно суждение можно считать истинным, а другое ложным. Таким образом, суждение нельзя считать денотатом предложения; его надо рассматривать как смысл предложения» [Фреге 1977: 189]. Ситуация меняется, если считать, что смыслы имен *Вечерняя звезда* и *Утренняя звезда* имеют различные темпоральные характеристики и их денотаты локализованы в различных, периодически сменяющих друг друга временных мирах, в отличие от денотата имени *Венера*, который не имеет подобного ограничения.

добно тому, как имя *Москва* в высказывании *Москва – столица России* синхронизировано со временем контекста его высказывания. Так, в высказывании *Дом покосился* имя соотносено с тем объектом, который имеют в виду собеседники – будь то реальные сегодняшние собеседники, исторические личности или же вымышленные собеседники из романа. Тем самым смысл имени нарицательного в конкретном речевом акте получает дополнительные характеристики, которые определяют модально-темпоральную локализацию его денотата (мир и время). Темпорально-модальные характеристики могут приводить к образованию новых смыслов и появлению у слова новых значений, то есть воздействовать и на систему языка. Например, в предложении *Вчера я купил лапти* слово *лапти* будет интерпретировано как шутовское обозначение некоторой обуви, поскольку никак не соотносится с современными мирами. Но в контексте *Вчера в магазине сувениров я купил лапти* это же имя будет интерпретировано в соответствии со своим прямым смыслом. Аналогично смыслы имен *кентавр*, *единорог*, *ведьма* и т. п. включают указание, что их область интерпретации – это сказочные и литературные миры. Поэтому возможно высказывание *Петя верит, что он убил единорога* при аномальности *Петя убил единорога*. Если же коммуникативный контекст высказывания требует интерпретации имени в актуальном мире, то прямой смысл изменяется на переносный; ср.: *Иванушка-дурачок обманул ведьму* и *Начальница Ивана – ведьма*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы приходим к заключению, что конституирующее знак отношение между означаемым и означающим (смысл знака, по Фреге) должно быть дополнено модальным компонентом (темпоральные отношения принято рассматривать как разновидность модальных). Это уточнение позволяет дать адекватное решение тем сложностям или кажущимся исключениям («несовершенству языка»), которые возникают в теории знака при игнорировании этого аспекта.

В той версии семантической теории, которая была предложена Фреге, центральным является понятие смысла, благодаря чему возможна денотация, т. е. рассмотрение знака и его соотносительности с экстралингвистическими объектами. Подобная сконцентрированность теории на смысле позволяет обезопасить семантику знака от ее растворения в мире объектов. При этом основная идея Фреге – что смысл есть отношение, функция, соотносящая языковые выражения с нелингвистическими объектами – может естественным образом пониматься и как заданная на множестве возможных миров. Такое расширение тем более уместно, что именно концепция Фреге стала основой теоретико-множественной семантики, которая и используется в модальной семантике. Но вместе с тем теория Фреге не затрагивает вопроса о том, откуда появляются, как определяются и как существуют смыслы. Безусловно, частичный ответ можно найти в теории Соссюра – смыслы определяются той системой, в которой данный знак функционирует. Но смысл не может быть ограничен исключительно отношением между знаками внутри системы, он предполагает и выход за ее пределы. Смыслы формируют новые системы, которые хотя и существуют в виде знаковых конструкций, уже не сводимы к тому, что можно было бы рассматривать как манифестацию этих систем в речи. (Подобно тому, как текст нельзя рассматривать как одну из возможных реализаций системы того языка, на котором написан текст, – естественный язык есть лишь один из аспектов текстопорождения.) Это уже отношения не только между знаками, но и между мирами, то есть системы, которые в модальной семантике известны как модельные структуры С. Крипке (множество возможных миров, связанных с актуальным миром и между собой некоторыми отношениями межмировой достижимости). Эти системы могут быть представлены в виде определенных знаковых конструкций, используя которые мы в состоянии эксплицировать то, что принято называть условиями истинности и денотации (референции).

Смысл некоторого предложения в модальной семантике принято определять как множество возможных миров, в которых оно истинно. Такой подход есть продолже-

ние классического подхода, связывающего понимание предложения, то есть экспликацию его смысла, со знанием условий его истинности: каким должен быть мир, чтобы предложение соответствовало или не соответствовало бы тому, что имеет место. Эти условия истинности предложения могут быть представлены как некоторая знаковая конструкция, описание: «Все то, что может быть описано, может и случиться» [Витгенштейн 1958: § 6.362]. Форма существования подобных конструкций – это тексты, как существующие, так и потенциально возможные.

То же применительно к имени: его смысл можно представить только как функцию, то есть чисто формальное отношение, которое не имеет и не требует какой-либо материализации. Но к этому определению смысла можно добавить и содержательный аспект: это условия денотации, т. е., применительно к каким мирам и посредством каких текстов и коммуникативных контекстов может быть осуществлена денотация. Тем самым смысл как отношение может быть описан и как модель соотношения, и как модус существования в этой модели (в некотором множестве возможных миров) некоторого объекта (в случае имени собственного) или класса объектов (в случае имени нарицательного). Это есть соотношенное с данным знаком его модальное измерение. При актуализации данного знака модальные характеристики соотносятся с миром-контекстом коммуникации, в результате чего определяется денотация данного знака применительно к некоторому миру-контексту. Однако описание этого процесса требует, чтобы модальная семантика знака была дополнена модальной прагматикой, что требует отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
 Витгенштейн 1958 – Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958.
 Горный 1996 – Е. Горный. Что такое семиотика? // Радуга. 1996. № 21.
 Данто 2002 – А. Данто. Аналитическая философия истории. М., 2002.
 Золян 1989 – С.Т. Золян. О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989.
 Золян 1991 – С.Т. Золян. Семантика и структура поэтического текста. Ереван, 1991. (2-е изд.: М., 2013).
 Золян 2010 – С.Т. Золян. Язык и политическая реальность: перечитывая Орвелла // Язык, общество, коммуникация. Т. 1. Ереван, 2010.
 Льюиз 1983 – Д. Льюиз. Общая семантика // Семиотика. М., 1983.
 Моррис 1983 – Ч.У. Моррис. Основания общей теории знаков // Семиотика. М., 1983.
 Пирс 2000 – Ч.С. Пирс. Избранные философские произведения. М., 2000.
 Прайор 1981 – А.И. Прайор. Временная логика и непрерывность времени // Г.А. Смирнов (сост.). Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.
 Ревзин 1971 – И.И. Ревзин. О субъективной позиции исследователя в семиотике // Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1971. Вып. 266.
 Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
 Фреге 1977 – Г. Фреге. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
 Фреге 2008 – Г. Фреге. Логико-философские труды. Новосибирск, 2008.
 Хинтикка 1980 – Я. Хинтикка. В защиту невозможных возможных миров // Я. Хинтикка. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
 Эко 1998 – У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
 Якобсон 1983 – Р. Якобсон. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.
 Barwise, Perry 1981 – J. Barwise, J. Perry. Situations and attitudes // Journal of philosophy. 1981. V. 78. № 11.
 Cresswell 1980 – M.J. Cresswell. Quotational theories of propositional attitudes // Journal of philosophical logic. 1980. V. 9. №1.
 Cresswell 1983 – M.J. Cresswell. A highly impossible scene. The semantics of visual contradiction. // Meaning, use and interpretation of language. Berlin; New York, 1983.
 Davidson 1975 – D. Davidson. On saying that // D. Davidson, J. Hintikka (eds). Words and objections. Dordrecht; Boston, 1975.

- Donnellan 1972 – *K. Donnellan*. Proper names and identifying descriptions // D. Davidson, G. Harman (eds). *The semantics of natural language*. Dordrecht, 1972.
- Eco 1995 – *U. Eco*. Unlimited semeiosis and drift: Pragmaticism vs. «Pragmatism» // K.L. Ketner (ed.). *Peirce and contemporary thought: Philosophical inquiries*. New York, 1995.
- Korzybski 1958 – *A. Korzybski*. *Science and sanity: An introduction to Non-Aristotelian systems and general semantics*. 5th ed. Brooklyn (NY), 1958.
- Lotman 2003 – *M. Lotman*. Peirce, Saussure and foundations of semiotics // *Sun Yat-sen journal of humanities*. 16 (Summer 2003).
- Lotman 2012 – *M. Lotman*. Verse as a semiotic system // M.-K. Lotman, Mih. Lotman (eds). *Sign systems studies*. Tartu, 2012. V. 40 (1/2).
- Malinowski 1923 – *B. Malinowski*. *The problem of meaning in primitive languages* // C.K. Ogden, I.A. Richards. *The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism*. Cambridge, 1923.
- Ogden, Richards 1923 – *C.K. Ogden, I.A. Richards*. *The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism*. Cambridge, 1923.
- Peirce 1976 – *Ch. Peirce*. *Parts of Carnegie application* // *The new elements of mathematics*. V. 4. *Mathematical philosophy*. The Hague, 1976.
- Perry 1997 – *J. Perry*. *Frege on demonstratives* // *Readings in the philosophy of language*. Cambridge; London, 1997.
- Vendler 1975 – *Z. Vendler*. *The possibility of possible worlds* // *Canadian journal of philosophy*. 1975. V. 5. № 1.
- Wittgenstein 1958 – *L. Wittgenstein*. *Philosophical investigations*. London, 1958.

Сведения об авторе:

Сурен Тигранович Золян

Институт перспективных гуманитарных исследований и технологий Московского государственного гуманитарного университета им. М. Шолохова,
Институт философии Национальной академии наук Республики Армения
surenzolyan@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.11.2013.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

M. Hilpert. Constructional change in English: Developments in allomorphy, word formation, and syntax. Cambridge: Cambridge university press, 2013. xiv +233 p. ISBN 978-1-107-01348-3.

Вышедшая в 2013 г. в издательстве Кембриджского университета монография Мартина Хилперта, профессора Университета Невшателя, продолжает серию его работ, посвященных применению положений грамматики конструкций и статистических методов обработки данных к исследованию языковых изменений (см. [Hilpert 2008; Hilpert, Gries 2009] и др.). По сути, эта книга соединяет в себе сразу три исследования: одно – чисто теоретическое, посвященное грамматике конструкций и возможности применения ее постулатов к исследованию диахронии, второе – оперирующее конкретным языковым материалом и посвященное истории трех отдельных конструкций английского языка, и третье – скорее методическое, описывающее возможности и ограничения применения методов статистического анализа к диахроническим данным. Будучи сравнительно скромного объема, книга содержит необычайно большое количество концентрированной информации, являясь по сути «выжимкой» нескольких теоретических и методических работ автора, причем каждая из них, на наш взгляд, могла бы стать предметом отдельной монографии.

Книга состоит из шести глав, каждая из которых включает несколько подразделов. Рассмотрим их поочередно.

Первая глава – введение – полностью посвящена рассмотрению перспектив конструкционного подхода к изучению языковых изменений во времени. Как известно, основной целью грамматики конструкций является как можно более полное описание того, «что знают носители, когда они знают язык» [Goldberg 2003: 219] (здесь и далее перевод с английского наш. – М.Т.). И хотя традиционно исследователи конструкций отдают приоритет синхронии, длительность описываемых ими

процессов формирования и эволюции конструкций почти всегда превышает время жизни одного поколения говорящих, что ставит логичный вопрос об исследовании не только «застывшего» синхронного состояния языка (которое само по себе является научным конструктом), но и изменений конструкций во времени.

Так как идея изменения конструкций предполагает наличие в языке конструкций как таковых, М. Хилперт полностью посвящает один из подразделов первой главы (раздел 1.1.2) обсуждению и подробному определению термина «конструкция». Излагая несколько существующих на данный момент подходов к определению конструкций, в частности, довольно подробно останавливаясь на теории микро-, мезо- и макроконструкций Трауготт [Traugott 2008], автор принимает в качестве рабочего определение, данное в [Goldberg 2006: 5]: любая устойчивая языковая модель признается конструкцией, если какой-либо из аспектов ее формы или значения не является прямо выводимым из суммы ее составных частей или других моделей (уже признанных конструкциями); кроме того, конструкциями являются и полностью выводимые модели, если они обладают достаточной частотностью. Таким образом, автор принимает в качестве рабочего одно из самых широких существующих определений конструкции, а так называемые микро-, мезо- и макроконструкции предлагает считать разными уровнями обобщения.

Как отмечает сам автор, он не является первопроходцем в области изучения эволюции конструкций, не является он и автором центрального для всей книги понятия конструкционного изменения / изменения конструкции (construction change) (см., например, [Bybee 2010; Trousdale 2010]). В определении дан-

ного понятия Хилперт идет «от противного», сначала сравнивая область его применения с областью применения традиционных понятий грамматикализации, лексикализации и языкового изменения как такового (чему посвящено три подраздела первой главы), и лишь затем, оперируя полученными в предыдущих разделах выводами, дает рабочее определение конструкционного изменения: «Конструкционное изменение – это процесс, происходящий с какой-либо устоявшейся парой 'форма-содержание' и состоящий в изменении ее формы, содержания, любого из аспектов ее частотности, распределения в лингвистическом сообществе или любой комбинации этих факторов». Отдельного упоминания заслуживает утверждение автора о том, что любое изменение частотности конструкции является не только признаком изменения, но изменением как таковым. Эта нетривиальная гипотеза дает возможность по-новому подойти к эволюции грамматических конструкций, а также предоставляет обоснование для использования традиционных статистических корпусных методов в исследованиях диахронии.

Таким образом, автор определяет следующие цели книги:

- Ввести и определить понятие «изменение конструкции», в частности в его отношении к понятиям грамматикализации и языкового изменения.

- Предложить трактовку алломорфических, словообразовательных и некоторых недостаточно хорошо изученных синтаксических изменений с точки зрения грамматики конструкций.

- Продемонстрировать важность и многогранную природу частотности в изучении изменения конструкций.

- Показать возможности применения современных корпусных методов статистического анализа к диахронным данным.

Вторая глава книги, посвященная описанию использованных в работе данных и методологии, открывается обзором свободно доступных диахронических корпусов английского языка. В перечень вошли такие известные большинству современных корпусных исследователей ресурсы, как **COCA** (Corpus of contemporary American English) и **TIME** (The TIME magazine corpus [Davies 2007]), а также несколько не столь известных широкой публике: **DCPSE** (The diachronic corpus of present-day spoken English), **CEEC** (The parsed corpus of Early English correspondence) и **PPCME/PPCEME** (The Penn parsed corpus of Middle English [Kroch, Taylor 1997], the Penn parsed corpus of Early Modern English [Kroch et al. 2004]). Краткое описание каждого корпуса включает

датировку и жанровую принадлежность входящих в него текстов, а также субъективную авторскую оценку сбалансированности и диахронической релевантности, выведенную на основании этих двух параметров.

Вторая часть этой главы и одновременно едва ли не самый длинный раздел книги включает в себя краткое, но насыщенное описание некоторых современных методов статистического анализа, которые, по мнению автора, могут быть особенно полезны при изучении конструкционных изменений. Изложение в этой части построено следующим образом: для каждой из описанных техник сначала дается общее описание, затем конкретные инструкции по тому, для каких данных полезен такой вид анализа (и, соответственно, какой формат данных является необходимым для того, чтобы анализ выдавал осмысленные и интерпретируемые результаты), а затем обсуждается применение этого статистического метода к диахронным корпусным данным, феномену изменения конструкций, а также возможные интерпретации полученных результатов. Существующие учебные пособия по статистике для лингвистов (в подавляющем большинстве доступные только на английском языке, см., например, [Gries 2009]) концентрируются в первую очередь на обработке синхронных корпусных данных и практически полностью игнорируют проблему применения статистических методов к изучению диахронии, что между тем является отдельной непростой задачей. Хилперт описывает некоторые полезные статистические методики, такие как **VNC** (variability-based neighbor clustering) – метод кластеризации данных по стандартному отклонению частотностей исследуемых единиц, **HACA** (hierarchical agglomerative cluster analysis) – иерархический метод кластеризации, опирающийся на однородность данных и таким образом объединяющий наиболее близкие точки в кластеры, **binary logistic regression** (логистическая регрессия) – статистическая модель, используемая для предсказания вероятности возникновения некоторого события путем подгонки данных к логистической кривой, **multi-dimensional scaling** (многомерное шкалирование) и некоторые другие.

Остановимся подробнее на одной из этих техник, а именно, на предложенном автором методе периодизации исследуемых данных – **VNC**. Как справедливо отмечает Хилперт, традиционно в работах, посвященных языковой диахронии, исследователи произвольно разбивают исследуемый временной промежуток на равные более короткие отрезки, чаще всего длиной в 30 или 50 лет, и сравнивают развитие (частотность и прочие характеристики) интересующих их явлений в каждом из этих

периодов. Этот подход, при всех преимуществах идеи кластеризации материала по временному признаку, имеет один существенный недостаток: никем не доказано (а зачастую и просто неверно), что эволюция языковых явлений происходит постепенно и равномерно, а следовательно, не очевидно, что сравнение произвольных равных временных промежутков всегда является корректным и максимально информативным. Более логичным представляется метод кластеризации данных, основанный на их однородности по какому-либо признаку; поскольку, по мнению автора, изменение частотности конструкции во времени является одним из главных индикаторов конструкционного изменения и изменением как таковым, в качестве кластеризующего признака он предлагает нормализованную частотность конструкции в конкретный период. Также возможен и второй тип кластеризации – на основании одновременно нескольких параметров, например, разных видов продуктивности.

Кластеризующий механизм работает следующим образом. В качестве входящей информации он берет последовательность нормализованных частот исследуемой конструкции (за периоды длиной в 10 лет – например, нормализованную частотность в текстах 20-х годов XX в., 30-х годов XX в. и т. д.). Для каждой последовательной пары значений алгоритм вычисляет стандартное отклонение и при первой итерации объединяет в кластер демонстрирующие наименьшее стандартное отклонение (а следовательно, наибольшую однородность) периоды. При каждой следующей итерации алгоритм объединяет следующие пары с наименьшим стандартным отклонением, причем объединенные на предыдущих этапах промежутки считаются уже одним целым. Так алгоритм продолжает работать, пока все промежутки не объединятся в один. Результатом его работы является дендрограмма, показывающая какие временные промежутки образуют кластеры с наименьшим стандартным отклонением, после чего уже дело исследователя решить, на какое количество и какие именно отрезки делить материал. Поскольку возможно несколько решений, задача исследователя – найти компромисс между как можно большим количеством информации, которую сохраняет деление, и как можно меньшим количеством итоговых кластеров. Также описанный механизм позволяет определить anomalously «выдающиеся» точки в данных и при необходимости их отбросить.

Общим сильным, на наш взгляд, местом всех описанных Хилпертом статистических методик является то, что ни одна из них не призвана и не претендует на то, чтобы заме-

нить традиционный лингвистический анализ. Все применяемые автором алгоритмы призваны лишь показать реальную статистическую значимость или незначимость тех или иных параметров, но все они работают исключительно при наличии предварительных гипотез, выдвигаемых исследователем на основании первичной ручной обработки материала.

Главы третья, четвертая и пятая содержат наглядные примеры применения вышеописанных статистических алгоритмов к языковым данным.

Глава третья, озаглавленная «Конструкционные изменения в алломорфии», открывается обсуждением возможности применения понятия конструкции к алломорфическому варьированию. Исследование языковых единиц размера меньшего, чем слово, не получило достаточно широкого распространения в рамках грамматики конструкций, и подобные работы начали появляться сравнительно недавно. Почему же изучение развития алломорфического варьирования, по мнению автора, важно для грамматики конструкций, хотя, казалось бы, формальное варьирование, не имеющее смысловой нагрузки, остается за пределами этого подхода? Ответ состоит в том, что феномен алломорфии напрямую затрагивает сразу несколько фундаментальных вопросов, например: что же все-таки считается конструкцией, на каком уровне абстракции конструкция может постулироваться, какие языковые и внеязыковые процессы могут стать причиной выбора одного из вариантов?

В качестве примера конструкции с алломорфическим варьированием, претерпевшей значительное изменение во времени, Хилперт выбрал произошедший в истории английского языка переход от притяжательных местоимений *mine/thine* к местоимениям *my/ty* соответственно. Утрата притяжательных определителей первого и второго лица с конечным носовым согласным стала темой нескольких корпусных исследований [Schendl 1997; Busse 2002; Nevalainen, Raumolin-Brunberg 2003; Raumolin-Brunberg, Nevalainen 2007]; именно они и послужили исходной базой для исследования Хилперта. Взяв за основу выделенные предшественниками факторы, релевантные для выбора между смежными алломорфами, и данные из PPCME / PCEME, автор с помощью нескольких упомянутых выше методов статистического анализа определяет статистическую значимость этих факторов.

Примеры, полученные из корпуса, были размечены по следующей схеме:

- Зависимая переменная: вариант (с носовым / без носового)
- Жанр

- Период (согласно кластеризации, полученной с помощью VNC)
- Начальный звук последующего слова
- Степень формальности
- N-прайминг (наличие предшествующего употребления назализованной формы в тексте)
- Лицо местоимения
- Место ударения в непосредственно следующем слове
- Пол автора
- Относительная частотность

Построенная на основании выделенных факторов статистическая модель точно предсказывает появление варианта с финальным носовым и без него в 96 % случаев (при пороге в 87 %). Статистически значимыми, как и предсказывалось, оказались факторы времени (периода), начального звука и акцентной схемы последующего слова, прайминга, пола автора и относительной частотности. Нерелевантным оказался фактор лица местоимения, что говорит в пользу того, что *my / thy (mine / thine)* являются одной конструкцией, а не двумя отдельными. Не оказывает существенного влияния и формальный / неформальный характер текста.

Эффекты воздействия релевантных факторов также оказались предсказуемы: например, непосредственно следующий за местоимением согласный увеличивает вероятность появления формы без конечного носового, а предшествующее употребление формы с конечным носовым увеличивает вероятность того, что и в дальнейшем в тексте будут встречаться такие формы.

Таким образом, построенная Хилпертом статистическая модель доказывает реальную значимость предложенных Невалайнен, Шендлом и другими факторов, однако встает закономерный вопрос: все ли возможные значимые обстоятельства учтены в этой модели? Очевидным кандидатом в список релевантных является географический фактор, который, согласно исследованию [Raumolin-Brunberg, Nevalainen 2007], является едва ли не самым важным и однозначно перевешивает значимость пола автора и текстового регистра. В каком-то смысле отказ от учета географии написания текста является вынужденной мерой, поскольку исследованные автором корпуса не имеют необходимой информации (разметки по региону). Хилперт считает, что, возможно, построенная модель работает так точно без учета географии потому, что введенная в качестве случайного фактора личность конкретного автора сглаживает этот эффект. На наш взгляд, однако, модель, заранее не содержащая в себе (предположительно) наиболее значимого фактора, выглядит как минимум несколько сомнительно. Также проблематичной кажется сама постановка за-

дачи. Хотя введение статистических методик как стандарта доказательности в современной лингвистике является похвальным начинанием (и во многих случаях несомненно необходимой мерой), по-прежнему вызывают вопросы исследования, призванные исключительно проверить валидность того или иного ранее опубликованного исследования, но не приносящие при этом в понимание исследуемых проблем практически ничего нового: даже если господствующие представления иногда развенчиваются, никакой альтернативной трактовки взамен не предлагается. К сожалению, работы такого рода многочисленны и являются в данный момент до некоторой степени стандартом корпусного исследования в Европе. Возможно, это отчасти оправдывается тем, что проведение масштабного статистического анализа само по себе является очень трудоемким процессом, по затратам времени и сил вполне сопоставимым с проведением классического лингвистического исследования, и совмещение этих техник в одной работе на данный момент представляется представителям нового направления трудновыполнимым. Остается только надеяться, что со временем, благодаря распространению статистических методик в лингвистике, начнут появляться работы, использующие соответствующие алгоритмы для проверки собственных гипотез авторов, а не только работ их менее искусственных в математической статистике предшественников.

Кратко остановимся на оставшихся двух описанных в книге статистических исследованиях. Главы четвертая и пятая посвящены конструкционным изменениям в словообразовании и синтаксисе соответственно.

В качестве словообразовательной конструкции Хилперт выбрал (в более привычных широкой публике терминах) модель образования английских отглагольных существительных со значением имени действия (номинализации) *V-ment*, где *V* – (за редким исключением) глагольная основа, *-ment* – суффикс номинализации. Данное исследование базируется на работах [Gadde 1910; Anshen, Aronoff 1999; Bauer 2001], каждая из которых была посвящена сравнительному исследованию нескольких суффиксов отглагольных существительных и была выполнена на материале «Oxford English dictionary», который, конечно, нельзя считать корпусом в полном смысле этого слова. Но, следуя за предшественниками, Хилперт также использует «Oxford English dictionary» в качестве источника материала.

Мы позволим себе опустить подробное описание полученных частных результатов и остановимся более подробно лишь на теоретических следствиях из них. Важнейшим теоре-

тическим результатом исследования является наглядное доказательство того, что история развития данной конструкции противоречит известной гипотезе об однонаправленности грамматических изменений (см., например, [Hopper, Traugott 2003]), так как она не демонстрирует ни роста генерализации, ни, наоборот, роста специфичности. В то время как формирование указанной конструкции в каком-то смысле напоминает процесс грамматикализации, количество типов основ, которые могут участвовать в этой модели, не расширяется, но сужается (в современном языке практически отсутствуют дериваты с неглагольными – именными или адъективными – основами), однако это сужение не является систематическим, и, таким образом, изменения данной конструкции не укладываются полностью ни в традиционные рамки грамматикализации, ни в рамки лексикализации.

Предпоследняя глава книги полностью посвящена особым уступительным конструкциям английского языка, иногда называемым предложениями с сокращенным придаточным уступительным, хотя Хилперт предпочитает термин «вводные уступительные» придаточные предложения (concessive parentheticals):

(1) *Power, although important, is not everything.*

(2) *Although a Democrat, Salazar has support from many Republicans.*

(3) *The results showed a negative although non-significant correlation.*

Глава открывается подробным обсуждением определения уступительности (раздел 5.1 «Defining concessivity»), а продолжается кратким обзором истории появления и развития уступительных придаточных в английском языке. Само исследование построено на сравнении свойств вводных уступительных придаточных с другими видами вводных предложений, с одной стороны, и с полными уступительными придаточными – с другой. Результаты анализа говорят в пользу гипотезы о том, что вводные уступительные конструкции в английском языке появились в результате «редукции» полных придаточных уступительных, так как по своим свойствам (позиция относительно определяемой клаузы, синтаксическая структура) такие конструкции гораздо ближе именно к придаточным уступки, нежели к другим вводным конструкциям с теми же союзами (*while, if*). Однако, как признает сам автор, полностью доказать, что появление сокращенных придаточных уступительных является результатом редукции полных придаточных уступительных, ему все же не удалось.

В заключительной главе автор возвращается к поставленным во введении вопросам

о соотношении понятий конструкционного изменения и грамматикализации, конструкционного изменения и языкового изменения, о роли количественных методов в лингвистике и об уровне абстракции, на котором могут постулироваться конструкции. Используя данные рассмотренных выше эмпирических исследований, Хилперт приходит к выводу, что понятие конструкционного изменения может стимулировать исследователей выйти за рамки привычного подхода к изменениям языка и обратить внимание на те явления, которые не учитывались традиционными методами исследования.

В целом эта лаконичная книга, содержащая очень много полезной информации, может одновременно служить руководством по статистическим методам в диахронической лингвистике для авторов, которые хотели бы начать применять их в своих исследованиях, теоретической базой для молодых исследователей, еще не определившихся с выбором научной парадигмы, наиболее подходящей для работы над интересующими их темами, а также просто образцом весьма интересного исследования, ставшего основанием для монографии высокого качества. Подобная «насыщенность» изложения часто делает прочтение этой книги трудоемким процессом, что, однако, не умаляет ее бесспорных достоинств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Anshen, Aronoff 1999 – *F. Anshen, M. Aronoff. Using dictionaries to study the mental lexicon // Brain and language. 1999. V. 68. № 1–2.*
- Bauer 2001 – *L. Bauer. Morphological productivity. Cambridge, 2001.*
- Busse 2002 – *U. Busse. Linguistic variation in the Shakespeare corpus. Amsterdam, 2002.*
- Bybee 2010 – *J. Bybee. Language, usage and cognition. Cambridge, 2010.*
- Davies 2007 – *M. Davies. The TIME Magazine Corpus (100 million words, 1920s–2000s). URL: <http://corpus.byu.edu/time> (проверено 29.09.13).*
- Gadde 1910 – *F. Gadde. On the history and use of the suffixes -ery (-ry), -age and -ment in English. Lund, 1910.*
- Goldberg 2003 – *A.E. Goldberg. Constructions: A new theoretical approach to language // Trends in cognitive sciences. 2003. V. 7. № 5.*
- Goldberg 2006 – *A.E. Goldberg. Constructions at work: The nature of generalization in language. Oxford, 2006.*
- Gries 2009 – *S. Gries. Quantitative corpus linguistics with R. A practical introduction. New York; London, 2009.*

- Hilpert 2008 – *M. Hilpert*. Germanic future constructions. A usage-based approach to language change. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Hilpert, Gries 2009 – *M. Hilpert, S.Th. Gries*. Assessing frequency changes in multi-stage diachronic corpora: Applications for historical corpus linguistics and the study of language acquisition // *Literary and linguistic computing*. 2009. V. 24. № 4.
- Hopper, Traugott 2003 – *P.J. Hopper, E.C. Traugott*. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge, 2003.
- Kroch, Taylor 1997 – *A. Kroch, A. Taylor*. Verb movement in Old and Middle English: Dialect variation and language contact // *A. van Kemenade, N. Vincent (eds)*. Parameters in morphosyntactic change. Cambridge, 1997.
- Kroch et al. 2004 – *A. Kroch, B. Santorini, L. Delfs*. The Penn-Helsinki parsed corpus of Early Modern English // URL: <http://www.ling.upenn.edu/hist-corpora/PPCEME-RELEASE-1> (проверено 29.09.13).
- Nevalainen, Raumolin-Brunberg 2003 – *T. Nevalainen, H. Raumolin-Brunberg*. Historical sociolinguistics. Language change in Tudor and Stuart England. London, 2003.
- Raumolin-Brunberg, Nevalainen 2007 – *H. Raumolin-Brunberg, T. Nevalainen*. From *mine* to *my* and *thine* to *thy*: Loss of the nasal in the first and second person possessives // *U. Smit, S. Dollinger, J. Hüttner, G. Kaitenböck, U. Lutzky (eds)*. Tracing English through time: Explorations in language variation. Vienna, 2007.
- Schendl 1997 – *H. Schendl*. Morphological variation and change in early modern English: *my/mine, thy/thine* // *R. Hickey, S. Puppel (eds)*. Language history and linguistic modelling. A Festschrift for Jacek Fisiak on his 60th birthday. Berlin, 1997.
- Traugott 2008 – *E.C. Traugott*. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English // *R. Eckardt, G. Jäger, T. Veenstra (eds)*. Variation, selection, development: Probing the evolutionary model of language change. Berlin, 2008.
- Trousdale 2010 – *G. Trousdale*. Issues in constructional approaches to grammaticalization in English // *K. Stathi, E. Gehweiler, E. König (eds)*. Grammaticalization. Current views and issues. Amsterdam, 2010.

М.Г. Тагабилева

Сведения об авторе:

Мария Геннатуловна Тагабилева
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
geratagabileva@gmail.com

A. Spencer, A.R. Luís. Clitics: An introduction. Cambridge: Cambridge university press, 2012. xviii+388 p. ISBN 978-0-521-68292-3. (Cambridge textbooks in linguistics.)

В 2012 г. вышла в свет книга Эндрю Спенсера и Аны Луиш, посвященная проблемам изучения особых языковых единиц – клитик, которые сами авторы справедливо называют «загадочными» (с. xiii). В большинстве работ, касающихся данной темы, описаны лишь некоторые аспекты, связанные с клитиками, тогда как рецензируемая книга обобщает наиболее значимые выводы предшественников и позволяет составить представление о рассматриваемом явлении в целом.

Как указано во введении, во многих языках мира существуют «маленькие слова», которые имеют сходство с полнозначными словами, однако не могут существовать сами по себе. Они не имеют собственного ударения и поэтому присоединяются к акцентно самостоятельному слову («носителю клитики», или «опорному слову»). Такие несамостоятельные слова обычно и называются клитиками. Вместе с опорным словом клитика образует единый комплекс.

По мнению большинства лингвистов, клитики как таковые представляют собой «переход-

ные феномены», «промежуточный класс единиц», которые нельзя отнести ни к словоформам, ни к морфемам [Плунгян 2003: 28]. Клитики менее автономны, чем словоформы (то есть не могут составлять полноценного высказывания), но более самостоятельны, нежели морфемы: они обладают свойством отделимости, зачастую также переместимы. Существует два основных типа клитик, выделяемых на основе их расположения относительно опорного слова: проклитики подчиняются акцентуации последующего слова, энклитики – предшествующего. Встречаются также случаи инкорпорации клитики в слово-носитель, в таком случае мы имеем дело с интраклитиками. В некоторых языках (например, в английском) клитика обычно занимает ту же позицию, что и соответствующее ей полноударное слово, в других же языках законы расположения клитик в предложении могут не совпадать с общими правилами порядка слов, характерными для данного языка.

Рецензируемая книга обобщает наиболее актуальные вопросы, связанные с понятием

- Hilpert 2008 – *M. Hilpert*. Germanic future constructions. A usage-based approach to language change. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Hilpert, Gries 2009 – *M. Hilpert, S.Th. Gries*. Assessing frequency changes in multi-stage diachronic corpora: Applications for historical corpus linguistics and the study of language acquisition // *Literary and linguistic computing*. 2009. V. 24. № 4.
- Hopper, Traugott 2003 – *P.J. Hopper, E.C. Traugott*. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge, 2003.
- Kroch, Taylor 1997 – *A. Kroch, A. Taylor*. Verb movement in Old and Middle English: Dialect variation and language contact // *A. van Kemenade, N. Vincent (eds)*. Parameters in morphosyntactic change. Cambridge, 1997.
- Kroch et al. 2004 – *A. Kroch, B. Santorini, L. Delfs*. The Penn-Helsinki parsed corpus of Early Modern English // URL: <http://www.ling.upenn.edu/hist-corpora/PPCEME-RELEASE-1> (проверено 29.09.13).
- Nevalainen, Raumolin-Brunberg 2003 – *T. Nevalainen, H. Raumolin-Brunberg*. Historical sociolinguistics. Language change in Tudor and Stuart England. London, 2003.
- Raumolin-Brunberg, Nevalainen 2007 – *H. Raumolin-Brunberg, T. Nevalainen*. From *mine* to *my* and *thine* to *thy*: Loss of the nasal in the first and second person possessives // *U. Smit, S. Dollinger, J. Hüttner, G. Kaitenböck, U. Lutzky (eds)*. Tracing English through time: Explorations in language variation. Vienna, 2007.
- Schendl 1997 – *H. Schendl*. Morphological variation and change in early modern English: *my/mine, thy/thine* // *R. Hickey, S. Puppel (eds)*. Language history and linguistic modelling. A Festschrift for Jacek Fisiak on his 60th birthday. Berlin, 1997.
- Traugott 2008 – *E.C. Traugott*. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English // *R. Eckardt, G. Jäger, T. Veenstra (eds)*. Variation, selection, development: Probing the evolutionary model of language change. Berlin, 2008.
- Trousdale 2010 – *G. Trousdale*. Issues in constructional approaches to grammaticalization in English // *K. Stathi, E. Gehweiler, E. König (eds)*. Grammaticalization. Current views and issues. Amsterdam, 2010.

М.Г. Тагабилева

Сведения об авторе:

Мария Геннатуловна Тагабилева
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
geratagabileva@gmail.com

A. Spencer, A.R. Luis. Clitics: An introduction. Cambridge: Cambridge university press, 2012. xviii+388 p. ISBN 978-0-521-68292-3. (Cambridge textbooks in linguistics.)

В 2012 г. вышла в свет книга Эндрю Спенсера и Аны Луиш, посвященная проблемам изучения особых языковых единиц – клитик, которые сами авторы справедливо называют «загадочными» (с. xiii). В большинстве работ, касающихся данной темы, описаны лишь некоторые аспекты, связанные с клитиками, тогда как рецензируемая книга обобщает наиболее значимые выводы предшественников и позволяет составить представление о рассматриваемом явлении в целом.

Как указано во введении, во многих языках мира существуют «маленькие слова», которые имеют сходство с полнозначными словами, однако не могут существовать сами по себе. Они не имеют собственного ударения и поэтому присоединяются к акцентно самостоятельному слову («носителю клитики», или «опорному слову»). Такие несамостоятельные слова обычно и называются клитиками. Вместе с опорным словом клитика образует единый комплекс.

По мнению большинства лингвистов, клитики как таковые представляют собой «переход-

ные феномены», «промежуточный класс единиц», которые нельзя отнести ни к словоформам, ни к морфемам [Плунгян 2003: 28]. Клитики менее автономны, чем словоформы (то есть не могут составлять полноценного высказывания), но более самостоятельны, нежели морфемы: они обладают свойством отделимости, зачастую также переместимы. Существует два основных типа клитик, выделяемых на основе их расположения относительно опорного слова: проклитики подчиняются акцентуации последующего слова, энклитики – предшествующего. Встречаются также случаи инкорпорации клитики в слово-носитель, в таком случае мы имеем дело с интраклитиками. В некоторых языках (например, в английском) клитика обычно занимает ту же позицию, что и соответствующее ей полноударное слово, в других же языках законы расположения клитик в предложении могут не совпадать с общими правилами порядка слов, характерными для данного языка.

Рецензируемая книга обобщает наиболее актуальные вопросы, связанные с понятием

клитики (например, критерии отличия клитик от аффиксов), а также содержит обзор наиболее значимых, с точки зрения авторов, исследований, посвященных клитикам. По словам авторов, в книге на материале более чем ста языков рассматривается все множество существующих клитических систем. Таким образом, данная книга позволяет читателю составить достаточно полное представление о клитиках и истории их изучения.

Книга состоит из девяти глав. Изложение иллюстрируется примерами и таблицами.

Как указывают авторы, клитики имеют отношение не только к фонетической, но и к морфологической, а также синтаксической структуре языка. Именно поэтому они представляют большой интерес для изучения и должны исследоваться с точки зрения всех уровней грамматики одновременно (что, однако, может затруднять систематизацию материала). В связи с этим, изложение строится циклично: анонсировав некоторую проблему, в последующих главах авторы вновь возвращаются к ней для более детального рассмотрения. По этой же причине в книге можно встретить повторяющиеся примеры.

Э. Спенсер и А. Луиш ставили перед собой задачу не только наиболее полно представить клитики разных языков мира, но и облегчить для читателя понимание тех или иных явлений. Именно поэтому в книге представлены главным образом примеры из знакомых большинству читателей языков, а также из тех языков, чьи клитические системы уже были описаны и рассмотрены предшественниками. Примеры из языков, использующих латиницу, даны в принятой орфографии, для остальных же языков авторы использовали наиболее понятную и доступную, с их точки зрения, транскрипцию. Все примеры глоссированы по единой схеме: аффиксы отделены от корней дефисами, в некоторых случаях для большей ясности авторы специально отделяют клитики (в том числе «сомнительные») от опорных слов и маркируют их. Они замечают, что в каком-то смысле существование клитик как единого класса явлений можно поставить под сомнение, однако те свойства, которые им обыкновенно приписываются, в любом случае достойны изучения. В частности, исследование поведения клитик способствует пониманию сложных взаимоотношений между фонетикой, морфологией и синтаксисом.

Как уже было сказано, в книге представлен обзор основных явлений, соотносимых с понятием клитики, а также обсуждаются некоторые из существующих исследований по данной тематике. Однако сами авторы говорят о том, что и клитические системы разных языков, и соот-

ветствующие труды представлены выборочно: многие из них лишь упоминаются вскользь, а некоторые не упомянуты вовсе. Кроме того, в книге обсуждаются явления, которые не затрагивают клитики напрямую, но являются основополагающими для понимания их природы и функционирования. Это касается, например, явления согласования и согласовательных систем, обзор которых представлен в шестой главе.

Один из вопросов, возникающих при изучении клитик, – в каких случаях ту или иную языковую единицу следует рассматривать как клитику и, соответственно, противопоставлять ее другим элементам предложения. Основная трудность заключается в том, чтобы отличить клитики от аффиксов, а также от функциональных, или служебных, слов (к их числу авторы относят предлоги, вспомогательные глаголы, артикли и под.), поскольку клитики являются феноменом, переходным от вторых к первым (подробнее см. ниже). На протяжении всей книги авторы периодически возвращаются к проблеме разграничения клитик и других элементов языка. С их точки зрения, выделить какие-либо строгие критерии такого разграничения, универсальные для всех языков и для всех единиц, весьма непросто.

Э. Спенсер и А. Луиш считают крайне важным установление параметров для сравнения «более или менее типичной аффиксальной морфологии» и «более или менее типичных клитических систем» (с. 6). Именно поэтому в своей книге авторы представили обзор типов морфологических систем (в первую очередь, флективных), что является принципиально важным для понимания особенностей функционирования клитик. С точки зрения авторов, даже квалифицированные лингвисты не всегда бывают в достаточной мере знакомы с вариативностью морфологических систем в языках мира, равно как и со всем разнообразием типов взаимодействия морфологических форм и синтаксических структур и процессов. В свою очередь, без понимания того, как работает морфология, невозможно составить представление о таком явлении, как клитики. По этой причине значительная часть книги посвящена не столько клитикам, сколько флективным парадигмам, согласовательным системам и под. В тех случаях, когда роль синтаксиса для понимания того или иного явления оказывается не менее важной, чем роль фонологии и морфологии, авторы лишь кратко затрагивают данную сторону вопроса, объясняя это чрезмерной сложностью некоторых синтаксических теорий. На наш взгляд, принцип упрощения и наглядности является одним из важнейших достоинств данной книги. Э. Спенсер и А. Луиш стремятся подать

материал таким образом, чтобы он был доступен восприятию едва ли не любого читателя, независимо от уровня его лингвистической подготовки.

В разных исследованиях представлены разные подходы к определению клитик. Некоторые лингвисты концентрируют свое внимание исключительно на каком-то одном аспекте: фонологических, морфологических или синтаксических свойствах клитик. Другие, напротив, предпринимают попытки объединить два или три аспекта, однако эта задача столь же трудна, сколь и важна. Поэтому Э. Спенсер и А. Луиш выделяют главным образом морфологический и синтаксический подходы к определению понятия клитики и свойств клитик. В первом случае клитики связываются со словами и их основами, тогда как во втором они имеют отношение к синтаксическим группам. Подробный обзор исследований в рамках обоих подходов представлен в пятой, шестой и восьмой главах.

Книга построена следующим образом: в первой главе («Введение») авторы знакомят читателя с понятием клитики, приводя в пример английский показатель *'s*, являющийся коррелятом формы *is* – 3 л. ед. ч. наст. вр. вспомогательного глагола *to be* «быть». Данный показатель фонологически зависит от предшествующего слова и ведет себя скорее как суффикс, нежели как отдельная словоформа, но присоединяется к правой границе словосочетания, обозначающего посессора (а не к его главному слову, как можно было бы ожидать). В последующих пяти главах описаны соответственно функции клитик, типы клитических систем, фонологические, морфологические и синтаксические свойства клитик. В седьмой и восьмой главах авторы сравнивают клитики с аффиксами и полнозначными словами и приводят обзор основных подходов к изучению клитик. Девятая глава является заключением, в котором авторы резюмируют основные выводы.

Во введении подчеркивается, что аффиксы, подобно клитикам, не могут употребляться автономно, однако смешивать эти два понятия не следует. Так, аффиксы в большинстве своем способны присоединяться лишь к словам определенного класса (например, к именам в случае показателя множественности), тогда как клитики такой избирательности не демонстрируют. Таким образом, с морфологической точки зрения поведение клитик отличается от поведения аффиксов. Важным различием клитик и аффиксов является и тот факт, что клитики имеют функции и значения, подобные функциям и значениям самостоятельных слов, а также могут иметь автономный эквивалент.

Кроме того, в случае, например, с английским показателем *'s* мы можем говорить о едином морфосинтаксическом комплексе, который данная клитика образует с опорным словом.

Э. Спенсер и А. Луиш пишут, что во многих языках встречаются целые последовательности (кластеры) клитик, причем порядок элементов в них, как правило, жестко задан и может отличаться от базового порядка слов, характерного для данного языка. В качестве примера упоминаются сербохорватские диалекты. Авторы указывают также, что клитики демонстрируют разные степени грамматикализации, в ходе которой слова могут утрачивать свою самостоятельность и приобретать свойства служебных слов, а впоследствии – становиться безударными. В дальнейшем клитика может трансформироваться в аффикс (ср. падежные показатели, образовавшиеся из послелогов). Интересно, что подобные процессы имеют, как правило, градуальный характер, в связи с чем не всегда возможно четко провести границу между элементами континуума. Исходя из этого, авторы постулируют две основные проблемы, связанные с клитиками: во-первых, необходимо решить, имеем ли мы дело с обычными (в том числе с синтаксической точки зрения) словами, или же речь идет о языковых единицах с уникальным, идиосинкратическим синтаксисом, или клитики вообще не имеют синтаксического представления; во-вторых, нужно четко определить, является ли языковая единица, которую мы рассматриваем, клитикой или аффиксом. Это может быть затруднительно, поскольку клитики и аффиксы могут иметь схожие свойства и даже отчасти совпадающие функции.

Во второй и третьей главах представлен обзор основных функций и значений клитик и их базовая типология, основанная на расположении клитик в предложении.

Во второй главе («Функции клитик») авторы демонстрируют, что клитики, подобно флексиям, способны быть носителями морфосинтаксических характеристик, таких как, например, посессивность. По словам авторов, большинство клитик являются функциональными (служебными) словами, поэтому их свойства соответствуют свойствам полноценных функциональных слов. В основном авторы концентрируют свое внимание на «именных» и «глагольных» свойствах. В частности, в сочетаниях клитик с глаголами речь идет о таких свойствах, как время, вид и наклонение, которые зачастую выражаются с помощью вспомогательного глагола (ср. формы испанского глагола *haber*, участвующего в образовании перфектных форм: *El muchacho ha partido* «Мальчик уехал», где *ha* – форма 3 л. ед. ч.

наст. вр.), при существительных же клитики могут выражать определенность (ср. германские и романские артикли), падеж и посессивность (ср. английский посессивный показатель *'s*). Кроме того, некоторые клитики могут передавать значения, которые ассоциируются с клаузой в целом (эвиденциальность, вопросительность). К подобным языковым единицам можно отнести также дискурсивные маркеры, обозначающие фокус или эмфазу. Такие клитики весьма трудно рассматривать как разновидность флексий, несмотря на то, что часто они входят в тот же кластер, что и, так сказать, более «флективные» клитики. Они и составляют основную проблему для тех теорий, которые рассматривают клитики исключительно как морфологический феномен.

Авторы демонстрируют равнозначность свойств клитик и флексий, приводя примеры параллелей между ними (с. 24), что немало важно, поскольку предполагается, что исторически флексии во многих случаях образуются из клитик. Но, несмотря на все сходства, между этими единицами существуют и различия: в частности, наречия с такими значениями, как 'там', 'никогда', 'уже' и под., нередко становятся клитиками, но не флексиями. Дискурсивные частицы также зачастую принимают именно форму клитик (в этой связи авторы считают возможным рассматривать их как разновидность наречий, помогающих говорящему структурировать диалог).

Третья глава («Типы клитических систем») представляет собой описание типов клитик, которые могут быть выделены на основании того, какие позиции занимают эти «несамостоятельные слова» в предложении (так, например, большинство рассматриваемых клитик не может встречаться в начале клаузы), а также их дистрибутивных свойств. В качестве примеров типологии клитик авторы приводят работы двух исследователей: Я. Ваккернагеля [Wackernagel 1892] и А. Звигки [Zwicky 1977]. В первой из них рассматривается порядок слов (и, следовательно, позиции клитик) в индоевропейском языке, вторая же представляет собой попытку общей типологической классификации клитик.

В начале главы авторы вводят понятие кластера клитик, после чего обращаются к проблеме расположения клитик в предложении: одни клитики (и их кластеры) тяготеют ко второй позиции в клаузе (как, например, сербские глаголы-связки: *Devojke su u sadu* «Девушки в саду», где *su* – краткая форма 3 л. мн. ч. глагола *biti* «быть»), другие могут встречаться в любой позиции, кроме начальной или конечной (энклитики и проклитики соответственно), тогда как третьи могут присоединяться лишь к

словам определенной категории (ср. артикли). Отдельно оговаривается тот факт, что такое понятие, как «вторая позиция», для разных языков может трактоваться по-разному: как позиция после первого слова или же после первой синтаксической составляющей (с. 42). Стоит отметить, что в данной главе отдельно рассматриваются возможные позиции для глагольных клитик и для клитик, чьей областью действия являются именные группы. Как уже говорилось ранее, авторы специально подчеркивают тот факт, что поведение клитик отличается как от поведения полнозначных слов, так и от поведения аффиксов. Кроме того, важно отметить, что некоторые клитики (а именно, дискурсивные) могут быть носителями свойств, ассоциируемых с целыми клаузами и высказываниями.

В четвертой главе («Клитики и фонология») рассматриваются фонологические свойства клитик, их взаимодействие с фонологическим устройством фразы в целом, а также влияние на фонологические характеристики опорных слов. Интересно, что в некоторых случаях выбор опорного слова оказывается обусловлен не столько его синтаксической позицией или частеречной принадлежностью, сколько именно его фонологическими характеристиками. Так, например, японские частицы (ср. показатель посессора *no* или показатель толика *wa*) присоединяются к тому элементу предложения, который является носителем акцента. Этот аспект поведения клитик представляет интерес постольку, поскольку клитики, напомним, не могут выступать в качестве автономных слов: безударные по природе, они зависят от того или иного ударного лексического элемента предложения (именно это свойство клитик авторы считают основным, с. 75). Так, например, клитики могут встраиваться в просодическую структуру предложения и влиять на позицию ударения или правила сингармонизма, тогда как в других случаях они остаются вне просодической структуры или же имеют собственные просодические характеристики, не распространяющиеся на аффиксы или функциональные слова.

В некоторых языках (например, в пушту) размещение клитик целиком и полностью определяется просодией, тогда как в других языках (например, в болгарском) размещение кластера клитик зависит от целого ряда факторов, в том числе морфологических и синтаксических.

В данной главе рассматриваются романские языки, а также греческий, албанский и македонский, в которых местоименные клитики присоединяются к глагольной форме. В том случае, если происходит встраивание клитики в просодическую структуру глагола, можно

говорить о том, что клитика получает характеристики аффикса, и в этой связи возникает вопрос, могут ли такие элементы рассматриваться как маргинальные аффиксы. Э. Спенсер и А. Луиш приходят к выводу, что подобные языковые единицы нельзя отнести ни к «чистым» аффиксам, ни к «чистым» клитикам (с. 87). Кроме того, не существует однозначного ответа на вопрос, каково поведение типичного аффикса с точки зрения ударения, поскольку оно зависит от акцентной системы конкретного языка.

Таким образом, некоторые клитики могут не иметь каких-то свойств, типичных для представителей их класса (в частности, способности присоединяться к разным частям речи), и даже демонстрировать характеристики, свойственные аффиксам (например, присоединение клитики может вызывать алломорфическое варьирование морфем в опорном слове).

Далее авторы приводят примеры так называемых простых клитик, которые могут быть выделены на основе их фонологической несамостоятельности, и описывают их основные свойства. Завершается глава вопросом о том, каким способом целесообразно представлять комплексы клитик и их носителей. В частности, некоторые исследователи считают, что есть смысл говорить об отдельной просодической составляющей – клитической группе, – которая определяет фонологию клитики и ее носителя независимо от остальных просодических единиц, тогда как другие предпочитают рассматривать клитики как часть фонологического слова или фонологической фразы в целом.

Пятая глава («Клитики и морфология») начинается с уже упоминавшегося вопроса о том, как различать клитики и аффиксы с морфологической точки зрения. Как уже было сказано, не существует однозначных критериев различия, которые целиком и полностью работали бы во всех случаях и для всех языков. Тем не менее, попытка сформулировать подобные критерии была предпринята в работе [Zwicky, Pullum 1983]: Э. Спенсер и А. Луиш называют эти критерии краеугольным камнем для исследования клитик. К их числу относится избирательность при выборе опорного слова (клитики менее избирательны, тогда как аффиксы обычно присоединяются к словам определенного класса), морфонологическая и семантическая идиосинкразия (в большей степени свойственные аффиксам, ср. контекстное варьирование морфем при присоединении аффикса или лексикализация русского показателя инструменталиса в формах типа *зимой*) и другие.

Опираясь на критерии, разработанные А. Звикки и Дж. Пуллумом, Э. Спенсер и

А. Луиш демонстрируют, что некоторые языковые единицы, традиционно описываемые как клитики, правильнее было бы описывать как аффиксы. В качестве примера они приводят английский отрицательный показатель *n't*, который и послужил отправной точкой для исследования А. Звикки и Дж. Пуллума.

Авторы пишут, что, независимо от того, рассматриваем ли мы клитики как вид аффиксов, представляется интересным, насколько они схожи с исключительно морфологическими единицами, которые можно противопоставить лексическим. В частности, кластер, включающий клитики, обычно обладает свойствами, которые мы считаем характерными для последовательности аффиксов: например, фиксированный порядок элементов в группе может не соответствовать общему порядку слов в языке; кроме того, в таком кластере может возникать алломорфическое варьирование морфем, отсутствующее на стыке двух полнозначных слов.

Далее авторы рассматривают явление групповой флексии (то есть выражение той или иной морфологической характеристики посредством присоединения нужного показателя к последнему слову в синтаксической группе, независимо от его конкретных свойств). Часто предполагается, что данное явление подтверждает исключительно морфологическую природу клитик, однако авторы считают это утверждение спорным (с. 127, 134). К явлению групповой флексии Э. Спенсер и А. Луиш возвращаются затем в главе 8, где описаны разные теоретические подходы к изучению клитик.

В шестой главе («Клитики и синтаксис») клитики рассматриваются с точки зрения их взаимодействия с синтаксической структурой предложения. Особое внимание уделяется синтаксической роли клитик в таких явлениях, как согласование, дублирование клитикой автономного слова («местоименная реприза») и «подъем» клитики по синтаксическому дереву в вышестоящую клаузу.

Глава начинается с описания несамостоятельных безударных функциональных слов, которые обычно не рассматриваются как клитики (или же описываются как исключительно фонологические клитики). Подобные слова (к которым можно отнести, например, французские артикли) могут вести себя подобно клитикам или даже аффиксам, сохраняя при этом синтаксические свойства обычных слов. С этой точки зрения особенно интересны местоименные клитики. С ними связан следующий вопрос: в каком случае местоимение становится клитикой, а в каком – аффиксом? Для того чтобы на него ответить, авторы дают краткое определение такого понятия, как согласование, поскольку необходимо составить представление о том,

имеют ли системы местоименных клитик сходство с согласовательными системами.

В книге рассматриваются три положения, связанные с местоименными клитиками. Во-первых, субъектные клитики не являются характерными для некоторых языков (например, романских), а в тех из них, где субъектные клитики все же имеются, есть основания предполагать, что они возникли независимо от объектных клитик. В связи с этим многие синтаксисты задавались вопросом о природе клитических систем таких языков в целом. Во-вторых, в некоторых языках (в том числе в тех же романских) объектные клитики находятся в дополнительной дистрибуции с полноценными именными группами, заполняющими соответствующую валентность глагола, в связи с чем их нередко рассматривают как простые слабые местоимения, занимающие позицию объекта при глаголе. Кроме того, встречаются языки, в которых полноценные именные группы, обозначающие объект действия, могут дублироваться клитиками. Подобные конструкции весьма схожи с тем, как устроены согласовательные системы в языках с аффиксальной согласовательной морфологией. В-третьих, во многих языках мы можем наблюдать так называемый *clitic climbing* («подъем» клитики в вышестоящую составляющую синтаксической структуры предложения): местоимение обозначает объект глагола зависимой клаузы, однако присоединяется к глаголу главной клаузы. Шестая глава завершается подробным описанием клитических кластеров языка тагалог, в котором одновременно представлены местоименные и дискурсивные клитики.

В седьмой главе («Клитики, аффиксы и слова») Э. Спенсер и А. Луиш возвращаются к некоторым вопросам, рассмотренным ранее: например, возможно ли провести четкую разделительную линию между словами, клитиками и аффиксами.

Авторы начинают с рассмотрения аффиксов, которые ошибочно считаются клитиками – ср. немецкое *zu*, предшествующее инфинитиву и проявляющее себя как префикс, что видно на примере глаголов с отделяемыми приставками (*Sie versuchte, hinaus-zu-gehen* ‘Она попыталась выйти’). После этого рассматриваются аффиксы, имеющие просодические или морфосинтаксические характеристики, свойственные некоторым видам клитик или функциональных слов: в частности, свободный порядок расположения подобных элементов в последовательности или же, напротив, тяготение конкретного аффикса ко второй позиции (что характерно для так называемых ваккернагелевских энклитик). Так, например, в языке чинтанг (тибето-бирманская семья, Непал) глагольные

префиксы, обозначающие время, полярность, согласование и другие категории, могут следовать в произвольном порядке, причем такая вариативность не связана с семантическими или диалектными различиями. Литовский же рефлексивный показатель *s(i)*, напротив, стремится ко второй позиции в словоформе (после глагольного префикса, если таковой имеется), подчиняясь, таким образом, закону Ваккернагеля, что характерно в первую очередь для клитик. Кроме того, в седьмой главе рассматриваются португальские клитики, обладающие смешанными характеристиками: в одних контекстах они могут вести себя как канонические аффиксы, а в других – как канонические клитики. Подобные явления чрезвычайно важны для теоретического исследования клитик, поскольку свидетельствуют о том, что любая теория, трактующая клитики исключительно как морфологические феномены, вынуждена так или иначе учитывать их синтаксическое поведение и наоборот. В конце главы авторы приводят примеры чешских клитик, подчиняющихся закону Ваккернагеля, и отдельно ставят вопрос о том, как соотносятся между собой клитики и частицы (на примере русской частицы *бы*).

Восьмая глава («Подходы к исследованию клитик») представляет собой краткий обзор основных методов описания клитик. Авторы не углубляются в подробное описание множества теоретических моделей, а лишь приводят их основные положения. В данной главе, в частности, представлены исследования, опирающиеся на теорию оптимальности, дистрибутивную морфологию и другие теории.

В этой главе Э. Спенсер и А. Луиш возвращаются к проблеме типологии клитик и к вопросу о том, что же можно считать канонической клитикой. С их точки зрения, понятие клитики включает в себя некоторый набор свойств, которые могут быть различными в разных языках. В связи с этим, как кажется, в некоторых языках целесообразно выделять клитики как отдельный класс языковых единиц. Однако авторы считают, что наиболее полное грамматическое описание конкретного языка должно включать анализ каждого элемента (а в некоторых случаях – и каждого контекста, в которых этот элемент используется) с точки зрения того, какими свойствами клитик и не-клитик данный элемент обладает. Совокупность феноменов, которые мы привычно объединяем понятием клитики, представляет собой непростой и в то же время весьма интересный объект для изучения, поскольку они имеют отношение к фонологическому, морфологическому, синтаксическому, а также семантическому уровням языка.

Э. Спенсер и А. Луиш подчеркивают, что их книга не является исчерпывающим компендиумом всей существующей литературы, посвященной клитикам, и особо выделяют те исследования, которые они сочли наиболее полезными и на которые опирались в своей работе. Среди них, в частности, можно упомянуть книгу [Anderson 2005], которая, с точки зрения Э. Спенсера и А. Луиш, является хорошей базой для исследования клитик в целом, а также работу [Franks, King 2000], которая представляет собой исследование сложных феноменов, связанных со славянскими клитиками.

Девятая глава («Заключение») состоит из трех разделов, сами названия которых (1. «Do clitics exist?», 2. «Clitics: syntax or morphology?», 3. «How to think of clitics?») свидетельствуют о широте и нестандартности авторского подхода к теме. В этой главе Э. Спенсер и А. Луиш обобщают важнейшие выводы, касающиеся клитик, и приходят к мнению, что понятие клитики удобно с точки зрения описания языка, однако невозможно выделить универсальную категорию клитик, поскольку перед исследователями неизбежно встает проблема разграничения клитик, аффиксов и функциональных слов. Авторы пишут, что не существует релевантного для всех языков набора критериев, которые позволяли бы выделить клитики среди прочих единиц языка как с просодической, так и с морфологической точки зрения. Что касается синтаксиса, можно попытаться определить характерные синтаксические свойства функциональных слов и затем сравнить, насколько свойства рассматриваемого «кандидата в клитики» отличаются от них. Тем не менее, и здесь могут возникнуть трудности. Так, например, в некоторых разновидностях теории принципов и параметров не признается существование синтаксических различий между функциональными словами и аффиксами. Помимо этого, встречаются языковые единицы, проявляющие разные свойства в разных контекстах. К числу подобных спорных единиц можно отнести, в частности, болгарскую частицу *ще* (показатель будущего времени), которая способна играть роль опорного слова для других клитик.

Следующий вопрос, который рассматривается Э. Спенсером и А. Луиш в данной главе, – считать ли клитику единицей, определяемой на основе ее синтаксических свойств, или же единицей морфологии. На этот вопрос не существует однозначного ответа, поскольку как при морфологическом, так и при синтаксическом подходе существуют свои «подводные камни»: неотделимость клитик от фонологии, идиосинкратический синтаксис клитических кластеров, дискурсивные маркеры и др.

Авторы приходят к выводу, что, несмотря на спорность существования клитик как отдельной категории языковых единиц, можно говорить о клитике как о теоретическом понятии. Данный термин позволяет объединить те единицы языка, которые нельзя с уверенностью отнести ни к аффиксам, ни к функциональным словам. Сами Э. Спенсер и А. Луиш определяют клитики как элементы языка, обладающие дистрибуцией функциональных слов и фонологическими свойствами аффикса (с. 328).

Итак, в рецензируемой книге рассматриваются следующие вопросы: можно ли отнести клитики к аффиксам, или, наоборот, к самостоятельным словам, или они составляют отдельную категорию языковых единиц? Существуют ли универсальное определение клитик и критерии их отличия от аффиксов и однозначных слов, универсальные для всех языков? Основная цель книги, по словам самих авторов, – рассмотреть критерии, предложенные их предшественниками для ответов на эти вопросы, а также определить, насколько они действенны. Э. Спенсер и А. Луиш предпочитают, насколько возможно, «сохранять нейтралитет» и не становиться на точку зрения какой-то конкретной лингвистической теории. Они рассматривают исследования сторонников разных подходов и отмечают тот факт, что терминология, используемая в разных теориях, может быть различной, однако важно улавливать суть самих понятий и уметь соотносить соответствующие термины и то, что за ними стоит. В противном случае исследователь может впасть в заблуждение, считая, что, скажем, в двух языках представлено одно и то же явление, тогда как на самом деле грамматические описания этих языков используют один и тот же термин для обозначения разных феноменов (что в целом справедливо и для термина «клитика»).

В целом организация книги представляется очень удачной. Неоспоримым достоинством данной работы является обилие иллюстративных примеров, что делает материал максимально доступным для понимания. Впечатляет разнообразие рассматриваемых языков и детальный разбор исследуемых феноменов, среди которых представлены такие явления, как согласование, групповая флексия, кластеризация клитик и др. Сравнение одних и тех же феноменов в разных языках позволяет читателю получить наиболее полное представление о том или ином аспекте исследования клитик. Кроме того, отдельно стоит отметить обзор наиболее значимых и актуальных работ, посвященных клитикам. Книга представляет собой очень хорошее резюме истории изуче-

ния этих единиц и может служить основой для более детального анализа конкретных явлений, связанных с клитиками. Существенно также, что книга написана простым и доступным языком. На наш взгляд, она может быть интересна как специалисту в области грамматики, так и читателю, не имеющему серьезной лингвистической подготовки, в том числе студенту и начинающему лингвисту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
Anderson 2005 – S.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005.

Franks, King 2000 – S. Franks, T.H. King. A handbook of Slavic clitics. Oxford, 2000.
Wackernagel 1892 – J. Wackernagel. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. Bd 1.
Zwicky 1977 – A.M. Zwicky. On clitics. Bloomington, 1977.
Zwicky, Pullum 1983 – A.M. Zwicky, G.K. Pullum. Cliticization vs. inflection: English *n't* // Language. 1983. V. 59. № 3.

Е. А. Валова

Сведения об авторе:

Евдокия Алексеевна Валова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
valova.dunya@gmail.com

A. Kopecka, Bh. Narasimhan (eds). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2012. xv + 371 p. ISBN 97890-272-0681-7. (Typological studies in language 100.)

Книга «Ситуации помещения и удаления: типологическая перспектива» написана в рамках проекта Института им. Макса Планка по психолингвистике (Max Planck Institute for psycholinguistics) в Неймегене, одного из крупнейших мировых центров лексической типологии. Именно в этом институте были в свое время проведены известные исследования по концептуализации пространства [Levinson 2003; Levinson, Wilkins 2006] и типологии ситуаций разрушения (cutting and breaking) [Majid, Bowerman 2007; Majid et al. 2008]. Данная книга представляет собой результаты работы над языковой категоризацией ситуаций, связанных с каузированным перемещением, с фокусом на ситуациях типа 'помещать' (англ. *put*) и 'забирать' (англ. *take*). Книга посвящена памяти Мелиссы Боуэрман, которая была идейным вдохновителем исследований в этой области [Bowerman 2004; Bowerman et al. 2004]; этот проект можно считать ее последним крупным типологическим исследованием.

Основной теоретический вопрос, который ставят перед собой авторы, связан с тем, является ли организация лексических средств языка произвольной и ничем не обусловленной или в ней можно обнаружить закономерности. Согласно одной гипотезе, закономерности в структуре лексических систем существуют, и многие домены концептуализуются в языках мира сходным образом: или по причине существования набора врожденных лексических концептов [Fodor 1975; 1998], или по причине того, что они обусловлены сходными характеристиками событий или предметов, о которых идет речь [Rosch, Mervis 1975; Rogers,

McClelland 2004]. Согласно более ранней структуралистской точке зрения, отрицающей организующее влияние сознания или окружающей среды, язык может кодировать лексические зоны произвольным образом [Bloomfield 1933; Gleason 1955].

Типологическое сравнение данных нескольких языков может предоставить материал для ответа на этот вопрос: если организация определенного семантического поля в нескольких неродственных языках оказывается основана на общих принципах, это должно быть связано с особенностями человеческого мышления или организующей структурой внешнего мира. Вариативность при этом можно объяснить культурными или конкретноязыковыми особенностями. Предыдущие исследования в таких областях, как выражение эмоций, типологические отношения, ситуации разрушения, цветовая категоризация и др. [Wierzbicka 1999; Levinson et al. 2003; Levinson, Wilkins 2006; Ameka, Levinson 2007; Majid et al. 2007; Roberson et al. 2000; Regier, Kay 2009], показали, что, хотя языки по-разному организуют соответствующие зоны, ограничения на вариативность все-таки существуют.

Выбор авторами книги такой, на первый взгляд, узкой и специализированной лексической зоны, как 'помещение (putting)' и 'удаление (taking)', вызван несколькими причинами.

Во-первых, она связана с организацией пространства вокруг человека, его личной сферой, которая с нейрокогнитивной точки зрения обладает рядом особенностей. Например, при одностороннем пространственном игнорировании, вызванном поражением правого полу-

ния этих единиц и может служить основой для более детального анализа конкретных явлений, связанных с клитиками. Существенно также, что книга написана простым и доступным языком. На наш взгляд, она может быть интересна как специалисту в области грамматики, так и читателю, не имеющему серьезной лингвистической подготовки, в том числе студенту и начинающему лингвисту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
Anderson 2005 – S.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005.

A. Kopecka, Bh. Narasimhan (eds). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2012. xv + 371 p. ISBN 97890-272-0681-7. (Typological studies in language 100.)

Книга «Ситуации помещения и удаления: типологическая перспектива» написана в рамках проекта Института им. Макса Планка по психолингвистике (Max Planck Institute for psycholinguistics) в Неймегене, одного из крупнейших мировых центров лексической типологии. Именно в этом институте были в свое время проведены известные исследования по концептуализации пространства [Levinson 2003; Levinson, Wilkins 2006] и типологии ситуаций разрушения (cutting and breaking) [Majid, Bowerman 2007; Majid et al. 2008]. Данная книга представляет собой результаты работы над языковой категоризацией ситуаций, связанных с каузированным перемещением, с фокусом на ситуациях типа 'помещать' (англ. *put*) и 'забирать' (англ. *take*). Книга посвящена памяти Мелиссы Боуэрман, которая была идейным вдохновителем исследований в этой области [Bowerman 2004; Bowerman et al. 2004]: этот проект можно считать ее последним крупным типологическим исследованием.

Основной теоретический вопрос, который ставят перед собой авторы, связан с тем, является ли организация лексических средств языка произвольной и ничем не обусловленной или в ней можно обнаружить закономерности. Согласно одной гипотезе, закономерности в структуре лексических систем существуют, и многие домены концептуализуются в языках мира сходным образом: или по причине существования набора врожденных лексических концептов [Fodor 1975; 1998], или по причине того, что они обусловлены сходными характеристиками событий или предметов, о которых идет речь [Rosch, Mervis 1975; Rogers,

Franks, King 2000 – S. Franks, T.H. King. A handbook of Slavic clitics. Oxford, 2000.

Wackernagel 1892 – J. Wackernagel. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. Bd 1.

Zwicky 1977 – A.M. Zwicky. On clitics. Bloomington, 1977.

Zwicky, Pullum 1983 – A.M. Zwicky, G.K. Pullum. Cliticization vs. inflection: English *n't* // Language. 1983. V. 59. № 3.

Е. А. Валова

Сведения об авторе:

Евдокия Алексеевна Валова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
valova.dunya@gmail.com

McClelland 2004]. Согласно более ранней структуралистской точке зрения, отрицающей организующее влияние сознания или окружающей среды, язык может кодировать лексические зоны произвольным образом [Bloomfield 1933; Gleason 1955].

Типологическое сравнение данных нескольких языков может предоставить материал для ответа на этот вопрос: если организация определенного семантического поля в нескольких неродственных языках оказывается основана на общих принципах, это должно быть связано с особенностями человеческого мышления или организующей структурой внешнего мира. Вариативность при этом можно объяснить культурными или конкретными языковыми особенностями. Предыдущие исследования в таких областях, как выражение эмоций, топологические отношения, ситуации разрушения, цветовая категоризация и др. [Wierzbicka 1999; Levinson et al. 2003; Levinson, Wilkins 2006; Ameka, Levinson 2007; Majid et al. 2007; Roberson et al. 2000; Regier, Kay 2009], показали, что, хотя языки по-разному организуют соответствующие зоны, ограничения на вариативность все-таки существуют.

Выбор авторами книги такой, на первый взгляд, узкой и специализированной лексической зоны, как 'помещение (putting)' и 'удаление (taking)', вызван несколькими причинами.

Во-первых, она связана с организацией пространства вокруг человека, его личной сферой, которая с нейрокогнитивной точки зрения обладает рядом особенностей. Например, при одностороннем пространственном игнорировании, вызванном поражением правого полу-

шария головного мозга, существуют различия между больными с пространственным игнорированием в личной сфере и на расстоянии [Kemmerer 1999].

Во-вторых, в зоне личного пространства очень явно проявляется координация визуальной и моторной систем: так, например, ладонь во время хватания с большим временным запасом подстраивается под форму и расположение предмета, который планируется захватить. Это говорит о том, что для этой зоны важны не только параметры «что» и «где», но и «каким образом».

В-третьих, зона личного пространства интересна с лингвистической точки зрения, потому что она тесно связана с категорией дейксиса.

Кроме того, слова типа *put* и *take* очень частотны: *take* занимает 105-е место в общем (с учетом местоимений и служебных слов!) частотном списке слов английского языка (форма *took* – 200-е), а *put* – 198-е. Будучи одними из самых частотных переходных глаголов, они усваиваются детьми одними из первых.

Наконец, в языках мира широко распространены позиционные глаголы, обозначающие положение одного из объектов относительно другого (*стоять, лежать, сидеть*), которых может быть от 3–5 до 12–20 [Ameka, Levinson 2007], причем в большинстве языков, где такие глаголы представлены, описать расположение объекта без их употребления невозможно. Например, нельзя сказать «бутылка на столе», необходимо уточнить, бутылка «стоит» или «лежит» на столе. Возможно, это связано с наличием в этих языках целой серии каузативных глаголов, связанных с глаголами положения в пространстве (типа *ставить* или *класть*). Таким образом, глаголы помещения/удаления соотносят базовые пространственные отношения объектов с разными топологическими характеристиками (помещение во вместилище, поддержка, прикрепление и т.п.) с каузацией таких отношений человеком.

В статьях сборника освещаются три основные проблемы.

1) Связь синтаксиса и семантики (с позиций теории Л. Талми).

Согласно [Talmy 1991], в языках «глагольного» типа (*verb-framed*) информация о пути в ситуациях перемещения содержится в самой семантической структуре глагола, а в языках «спутникового» типа (*satellite-framed*) – в приглагольных адвербиальных частях («спутниковых конструкциях» в терминах Л. Талми). Поскольку в ситуациях помещения/удаления есть компонент перемещения, авторы применили к ним это противопоставление, чтобы выяснить, как информация о пути распределяется в пределах предложения.

2) Особенности семантической организации полей.

Лексические системы разных языков в области помещения/удаления могут включать в себя большее или меньшее количество предикатов. Так, например, в английском глагол *put* часто описывается как «легкий» и может использоваться во всех ситуациях «перемещения, вызванного внешней силой» [Gleitman 1990], то есть является доминантным. Кроме того, согласно [Pinker 1989], английский глагол *put* относится к небольшому числу глаголов, которые усваиваются детьми в раннем возрасте через соотнесение с внесязыковыми ситуациями.

В других языках возможно более дробное деление поля помещения, что ставит вопрос о типологически значимых параметрах варьирования. Например, возможно ли выражение значений помещения и удаления в одном глаголе, раз они оба подразумевают ситуацию захвата рукой? Значимо ли, как производится захват – рукой или инструментом? Маркируются ли одинаково ситуации перемещения с сохранением контакта в процессе всего перемещения (*ставить*) или с завершением ситуации контроля до завершения ситуации перемещения (*бросать*)?

3) (А)симметрия в организации доменов помещения/удаления.

Целый ряд исследований предполагает, что при описании пространственных отношений человек когнитивно выделяет конечную, а не начальную точку перемещения. Например, взрослые лучше различают взаимные расположения объектов в области конечной точки перемещения [Rieger, Zheng 2007], маленькие дети (еще не говорящие) проявляют большую чувствительность к изменениям в области цели, а не источника перемещения [Lakusta et al. 2007], и языки тоже демонстрируют большее богатство средств выражения для цели, чем для источника [Ikegami 1987]. Существует ли подобная асимметрия в описании ситуаций помещения некоторого предмета куда-либо и удаления его оттуда?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, исследователи использовали единый набор стимулов, состоящий из 60 коротких видеоклипов, посвященных ситуациям помещения и удаления, каждый длиной в 3–4 секунды (доступны по адресу: <http://fieldmanuals.mpi.nl>). Согласно исследованиям [Talmy 1985; 1991; Jackendoff 1990], для ситуаций помещения/удаления основными являются четыре семантических компонента: каузация, движение, место и путь. Соответственно, при создании видеоклипов под прототипическими ситуациями помещения/удаления понималось намеренное помещение объекта куда-либо или

удаление его откуда-либо под агентивным контролем. При этом для выявления параметров межъязыкового варьирования потребовалось привлечь более тонкие противопоставления, такие как перемещение относительно контейнера или опорной поверхности (*положить яблоко в миску/на стол*), вертикальная или горизонтальная ориентация основной оси объекта после перемещения (*поставить/положить книгу на полку*) и т.д.

Для того чтобы, с одной стороны, не упустить значимые параметры, а с другой, не перегрузить задачу излишним числом ситуаций и не сделать ее не выполнимой в обозримые сроки, составители клиповой анкеты постоянно консультировались с полевыми исследователями различных языков. Это позволило создать набор стимулов, основанный на противопоставлениях, которые повторяются в разных языках, а не являются плодом умозрительных рассуждений о том, что в принципе могло бы быть значимо для изучаемого поля. Результирующий список ситуаций учитывает следующие противопоставления:

а) связанные со свойствами фигуры (перемещаемого объекта):

твердый vs. гибкий,
часть тела агенса, осуществляющего перемещение (голова, рука), vs. отдельный объект,
гранулированный vs. жидкий vs. твердый,
предмет одежды vs. не предмет одежды,
размер (большой vs. маленький),
форма (вытянутый vs. круглый);

б) связанные со свойствами фона (место, относительно которого происходит перемещение):

одушевленный vs. неодушевленный,
часть тела агенса, осуществляющего перемещение (голова, нога), vs. отдельное место,
горизонтальный vs. вертикальный,
пол vs. пространство, расположенное выше,
контейнер vs. опорная поверхность;

в) связанные с пространственными отношениями между фигурой и фоном:

вместилище vs. опора,
плотный vs. свободный контакт между фоном и фигурой,
ориентация фигуры относительно фона
вертикальная vs. горизонтальная,
фигура на подвесе vs. остальные случаи;

д) связанные с типом инструмента:

рука агенса vs. другая часть тела агенса (например, рот) vs. инструмент (например, шипцы);

е) связанные со способом действия:

контроль агенса сохраняется до того момента, как фигура достигнет цели (конечной точки), vs. прекращается раньше того момента, когда фигура завершит перемещение (ср.: *уронить, бросить, вылить, поместить*),

намеренное vs. непроизвольное действие,

агенса перемещается вместе с фигурой (сопроводительное движение) vs. только протягивает руку.

Все эти противопоставления предполагают включение в выборку некоторых ситуаций, которые можно было бы считать «менее прототипическими» для поля помещения/удаления (например, *уронить книги на пол*). Такие клипы были включены в рассмотрение, чтобы проверить по языкам мира, где заканчивается «территория» основных глаголов помещения/удаления и начинают использоваться глаголы из других зон. Таким образом, помимо задачи выявления противопоставлений внутри рассматриваемого семантического поля, авторы эксплицитно ставят задачу определения его границ. Такая постановка вопроса является для лексической типологии достаточно новой, ср. [Кюсева и др. 2013].

В ходе исследования носителям по одному демонстрировали клипы и просили описать, что они видят. Клипы были показаны в трех разных произвольных последовательностях, которые исследователи чередовали. Ответы записывались на диктофон или на камеру. Такой способ фиксации материала связан в том, что в выборке представлены и бесписьменные языки, – задача изучения семантического поля требовала создания пусть и небольшого, но корпуса текстов.

Если носители не сразу предлагали агентивный вариант (например, говорили «книги упали на пол» вместо «она уронила книги на пол»), исследователи задавали дополнительный вопрос: «Что мужчина/женщина сделал(а)?». После выполнения этого задания некоторые сцены дополнительно обсуждались с носителями, чтобы выяснить, возможно ли для них употребление каких-либо других или более общих глаголов. Это позволяло уточнить семантику основных глаголов помещения/удаления в исследуемом языке и выстроить иерархические отношения между альтернативными вариантами.

Чтобы избежать ситуаций, когда один и тот же клип может быть описан разными словами, соответствующими разным пониманиям ситуации, исследователям предлагалось уделить внимание изучению морфо-синтаксической и лексической сочетаемости изучаемых слов, а также использовать данные, полученные

другими методами полевых исследований (записанные тексты, внеязыковые суждения, наблюдения за носителями, другой стимульный материал). Это давало возможность создать более полную картину ситуаций помещения / удаления в языке, а также оценить, насколько предложенные клипы эффективны для выявления важных семантических противопоставлений. Однако чтобы обеспечить единую базу для сопоставления материала разных языков, предоставленные клипы должны были находиться в фокусе внимания исследователей.

И действительно, во всех статьях сборника, несмотря на разницу в их структуре, способе подачи материала и обсуждаемых проблемах, дается отчет о том, какие предикаты были использованы для описания клипового материала. Правда, согласно замечаниям авторов отдельных статей, предоставленный стимульный материал не всегда давал возможность адекватно описать все многообразие этой богатейшей лексической зоны, и во многих случаях авторы языковых описаний вынуждены были ограничиться указанием на то, какая реакция на клип предлагалась первой.

В статье, посвященной койсанскому языку хайльом-чъакхой, К. Раполд отмечает, что сложности, которые возникали при описании клипового материала информантами, возможно, вызваны несоответствиями в культурном опыте или незнакомством информантов с современными средствами мультимедиа. В качестве пути решения этих проблем он предлагает сосредоточить дальнейшее исследование на работе с естественным дискурсом [Rapold 2012: 95]. Тем не менее наличие единой базы для сопоставления языков является важнейшей частью методологии – именно это позволяет делать обобщения.

Языковая выборка в проекте представлена такими языками, как хайльом-чъакхой (койсанский), баскский (изолят), хинди, венгерский, джахай (австроазиатский), японский, калашский (дардский), куук таайор (Kuuk Thaayorre) (пама-ньонга), нижнечонтальский (оахакско-чонтальский), китайский, марокканский арабский, польский, цыганский, испанский, шведский, немецкий, тамильский, цельтальский (майя), йелидне (папуасский). Для большинства из них материалов по этой теме никогда не публиковалось. В каждой из статей, посвященных конкретным языкам, дается краткое представление лексико-грамматических средств для описания ситуаций помещения / удаления (композицы, глагольные частицы или сериальные глагольные конструкции, предложные группы (adpositional phrases)) и сообщается о том, как информация о помещении / удалении распределяется по составляющим фразы.

После этого в статьях говорится об особенностях организации соответствующих полей и / или об (а)симметрии в кодировании событий помещения и удаления.

По результатам анализа организации семантических зон помещения / удаления в этих девятнадцати языках авторы пришли к следующим выводам по основным интересовавшим их проблемам:

1) Связь синтаксиса и семантики (с позиций теории Л. Талми).

Собранные данные свидетельствуют в поддержку недавних исследований, согласно которым типологически выражение основного значения пути в глаголе или его слутнике – не бинарно, а скалярное противопоставление [Slobin 2004; Slobin et al. 2011; Croft et al. 2010]. Противопоставление между «глагольным», «сателлитным» и «эквиполентным» (equipollent-framing) [Slobin 2004] типами выражения пути целесообразно рассматривать в терминах конструкций, которые в разных языках могут быть продуктивны в разной степени.

Например, в йелидне локативные маркеры, подобные английским *to* и *from*, отсутствуют, имеется только локативный маркер с очень общим значением, поэтому направление движения в сторону цели или источника выражается исключительно в глаголе. В цыганском, цельтальском, японском, баскском и испанском различие между помещением и удалением выражается в основном в глаголе, но он не является единственным средством выражения этого различия. Так, цельтальские языковые единицы с направительным значением (directionals) или пред/последлоги (adpositions) в испанском и японском могут, помимо прочего, давать дополнительную информацию о направлении движения. В других языках неглагольные компоненты принимают на себя большую часть соответствующей информации: это префиксы и предложные группы в польском, частицы и предложные группы в шведском, надежные показатели и пространственные имена в калашском и направительные глагольные суффиксы в хайльом-чъакхой. В языках с сериальными глагольными конструкциями или глаголами-корнеслогами (композицами) путь и способ движения выражаются одинаково значимыми глаголами в пределах одной клаузы – так происходит, например, в нижнечонтальском. Это случай, который [Slobin 2004] предлагает называть «эквиполентным».

Возможны также случаи, когда один и тот же язык использует разные стратегии для разных типов ситуаций. Так, например, шведский по многим показателям может считаться типичным «сателлитным» языком, но в ситуациях помещения он ведет себя как «глагольный».

Таким образом, продуктивность «глагольных», «сателлитных» и «эквивалентных» конструкций не только составляет континуум с типологической точки зрения, но и может различаться для разных типов ситуации в одном языке.

Интересно, что кодирование ситуации перемещения с помощью нескольких глаголов (или глагола и направительных морфем) в рамках одной клаузы может вести к серьезным проблемам в вопросе об определении границ семантического поля. Так, Цз. Чэнь отмечает, что в китайском для описания клиповых стимулов в сочетании с направительными морфемами использовались глагольные корни, сами по себе не способные передавать идею изменения местоположения, например *diào* 'держать во рту' или *jiā* 'зажимать'. Автор проводит аналогию с так называемыми конструкциями каузированного движения (caused motion construction, [Goldberg 1995]) в предложениях типа *John sneezed the ball into the box*, букв. 'Джон счихнул мяч в коробку', где сам глагол *sneeze* 'чихать' не имеет значения перемещения [Chen 2012]. Вопрос о том, можно ли при этом считать глаголы типа 'держать во рту' или 'зажимать' относящимися к семантическому полю помещения / удаления, остается открытым: они попали в выборку во многом из-за того, что в качестве стимульного материала были использованы клипы.

2) Особенности семантической организации полей.

Способы маркирования ситуаций помещения / удаления в языках мира весьма разнообразны. Так, в венгерском, калашском, хинди и тамильском существует доминантный глагол помещения, который применим к широкому набору ситуаций. В немецком, шведском, польском и йелидне используются позиционные глаголы типа *ставить* или *класть*, которые подразделяют общий набор ситуаций на более мелкие области. В цельгальском к полю помещения / удаления относится крайне малое число глаголов (например, *ak* 'помещать / давать'), а большинство ситуаций описывается корнями, которые изначально характеризуют взаимное расположение объектов с добавлением транзитивных или каузативных суффиксов для передачи значения 'каузировать взаимное расположение объектов X'. При этом утверждается, что в цельгальском используется 62 различные глагольные основы, описывающие взаимное расположение объектов, которые связаны с такими противопоставлениями, как форма фигуры, плотность (physical consistency) фона и пространственная ориентация фигуры. В качестве примера приводится лексема, описывающая «помещение в контейнер с маленьким

входом». Таким образом, по предварительным данным, ситуация с «легкими» глаголами типа английских *put / take* в этой зоне является далеко не универсальной.

Очень значимым оказался параметр «помещение в контейнер vs. на опорную поверхность» – он противопоставляет лексемы в таких разных языках, как джахай, куук таайор, шведский, хинди, тамильский, марокканский арабский, калашский, чонтальский и хайльом-чъакхой.

Среди других параметров, влияющих на категоризацию рассматриваемых доменов в выборке, называются подвешивание (suspension), плотный контакт (adhesion), одушевленность, свойства фигуры и фона, способ силового взаимодействия (force-dynamic notions) – контроль, сила или преднамеренность действия. Эти различия обычно играют большую роль в ситуациях помещения, чем удаления, но в некоторых языках существуют соответствующие лексические пары для обоих доменов.

Другим вопросом, который интересовал исследователей, был вопрос о границах доменов помещения / удаления, то есть о том, какие семантические свойства заставляют говорящего использовать глагол из другой лексической зоны, а какие нет. Типичной ситуацией помещения (выделенной в соответствии со значением английского глагола *put*) авторы считают «агнс перемещает фигуру в местоположение, отличное от него самого (не являющееся его частью тела), и утрачивает над ней контроль». В случаях же надевания чего-либо на себя (например, *надеть шляпу*), агнс перемещает фигуру на часть тела, что можно рассматривать как сохранение над ней контроля (см. также [Bowenman 2004]). В большом числе языков в выборке (например, джахай, китайский, баскский, хайльом-чъакхой, цельгальский) ситуации надевания и снятия предметов одежды описываются отдельными лексемами. В других же языках, хотя для описания этих ситуаций и возможно употребление центральных лексем поля помещения/удаления, происходит мена конструкции. Так, в шведском для указания на фон используются рефлексивные местоимения. Указание на локацию может быть опущено, как, например, в калашском, английском и польском (ср. '*put hat on 0*'=[head], но не *'*put book on 0*'=[table]). Возможна также ситуация, когда в языке для событий надевания и снятия предметов одежды может быть использован один и тот же глагол (например, в шведском и венгерском), в то время как другие события помещения и удаления требуют использования разных глаголов.

Также использование отдельных глаголов возможно в сфере передачи предмета другому

лицу, то есть в ситуации смены possessора. Такие ситуации маркируются отдельными лексемами, например, в шведском, марокканском арабском и хайльом-чъакхой. Одним из исключений является цельтальский, в котором глагол *ak* 'может использоваться как в ситуациях перемещения с неодушевленной конечной точкой, так и в ситуациях передачи с одушевленным реципиентом.

Отдельные глаголы используются также в ситуациях потери контроля над фигурой прежде достижения ею конечной точки, а также в случаях непреднамеренного, а не целенаправленного перемещения объекта (ср.: *положить* vs. *бросить*, *уронить*). Такие противопоставления характерны для баскского, испанского, хинди.

Таким образом, хотя кодирование ситуаций помещения / удаления в разных языках имеет свою специфику, существуют общие параметры варьирования, которые повторяются в разных языках (помещение в контейнер, на опору, способ перемещения, тип силового взаимодействия), и типы пограничных ситуаций, которые обычно получают другое маркирование (ситуации надевания или снятия предметов одежды, ситуации, связанные с одушевленным реципиентом и с утратой агентивного контроля).

3) (А)симметрия в организации доменов помещения / удаления.

Асимметрия доменов помещения / удаления может проявляться в разной разработанности лексических средств в доменах помещения и удаления. Так, в шведском представлены три разных глагола для ситуации помещения (*lägga* 'класть', *sätta* 'ставить', *stoppa* 'помещать в контейнер') и только один глагол с общей семантикой для ситуаций удаления (*ta* 'забирать'). Подобная ситуация большей разработанности домена помещения зафиксирована также для хайльом-чъакхой, польского, венгерского, цельтальского, куук таайор, чонтальского, баскского и испанского.

Интересным контрпримером являются данные языка йелидне, в котором существуют лексические пары для ситуаций помещения и удаления, сохраняющие все противопоставления, связанные как с положением фигуры ('*make.sit-unsit*', '*make.stand-unstand*', '*make.hang-unhang*'), так и с дополнительными противопоставлениями (плотный контакт, прикрепление, погружение в воду / погребение, особый тип фигуры и т. д.).

Два других исключения – джахай и калашский. В джахай, хотя ситуации помещения и маркируются большим числом разных глаголов, автор соответствующей статьи предполагает, что это «связано с более явными моделями

синонимии (*more salient patterns of synonymy*) в глаголах помещения (включая синонимичные заимствования из малайского), проявляющиеся в вариативности среди носителей» [Burenhult 2012]. В калашском, хотя в целом семантическое поле помещения более дифференцировано, для ситуации извлечения из контейнера используется большее количество глаголов, чем для ситуации помещения в контейнер.

Таким образом, поскольку лишь в небольшом числе языков из выборки домен удаления разработан с такой же подробностью, как домен помещения, в целом можно говорить об асимметрии этих доменов, хотя она и не является универсальной.

О(б) асимметрии доменов помещения и удаления можно говорить в связи с двумя вопросами: а) возможно ли опущение фраз с описанием фона в каждом из доменов и каковы их морфосинтаксические характеристики в тех случаях, когда они не опускаются; б) насколько последовательны носители при выборе лексем для каждого из доменов.

а) В целом ряде языков указание на источник в ситуациях удаления опускается чаще, чем указание на цель в ситуациях помещения, – так происходит в цельтальском, куук таайор, шведском, баскском, испанском, японском, марокканском арабском и чонтальском. Подобная асимметрия не наблюдается в джахай и польском: в них фон упоминается с одинаковой частотностью в ситуациях помещения и удаления. Кроме того, тенденция к опущению или сохранению упоминания о фоне в ситуациях помещения / удаления связана с конкретными особенностями отдельных языков или даже лексем. Так, например, языковые единицы с направительным значением более частотны в ситуациях удаления в цельтальском, а глагольные частицы в шведском чаще употребляются с обладающим широкой семантикой глаголом удаления *ta* 'забирать', чем с семантически более дифференцированными глаголами помещения.

б) В некоторых языках (хайльом-чъакхой, калашский) носители оказались более последовательными при выражении значений в зоне помещения. Это могло бы свидетельствовать о том, что события помещения с когнитивной точки зрения демонстрируют большее единообразие. Однако в цельтальском и венгерском вариативность среди носителей при описании ситуаций помещения, напротив, выше.

В целом можно считать, что гипотеза об асимметрии в организации доменов помещения и удаления на рассмотренном материале подтверждается. Носители склонны реже опускать указания на конечную цель и лексически противопоставлять большее количество значений

в ситуациях помещения по сравнению с ситуациями удаления. Тем не менее эта тенденция не является универсальной.

Выводы, к которым приходят авторы, демонстрируют, что при применении единой методологической базы возможно выявление закономерностей в организации лексических систем даже для таких обширных семантических полей, как помещение / удаление, на сравнительно небольшом языковом материале. Это наблюдение внушает оптимизм в отношении дальнейшего развития лексической типологии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кюсева и др. 2013 – М.В. Кюсева, Д.А. Рыжова, Л.С. Холкина. Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков 'толстый' и 'тонкий') // Т.Р. Guzmán, I. Votyakova (eds). *Tipología léxica*. Granada, 2013.
- Амека, Levinson 2007 – F.K. Ameka, S.C. Levinson (eds). The typology and semantics of locative predication: Posturals, positionals and other beasts // *Linguistics*. 2007. V. 45.
- Bloomfield 1933 – L. Bloomfield. *Language*. New York, 1933.
- Bowerman 2004 – M. Bowerman. Beyond caused positionals: The secret life of 'put'. Manuscript. Nijmegen, 2004.
- Bowerman et al. 2004 – M. Bowerman, M. Gulberg, A. Majid, Bh. Narasimhan. Put project: the crosslinguistic encoding of placement events // *Field manual*. 2004. V. 9.
- Burenhult 2012 – N. Burenhult. The linguistic encoding of placement and removal events in Jahai // A. Kopecka, Bh. Narasimhan (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Chen 2012 – J. Chen. «She from bookshelf take-descend-come the box»: Encoding and categorizing placement events in Mandarin // A. Kopecka, Bh. Narasimhan (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Croft et al. 2010 – W. Croft, J. Barddal, W. Hollmann, V. Sotirova, C. Taoka. Revising Talmy's typological classification of complex event constructions // H. Boas (ed.). *Contrastive studies in construction grammar*. Amsterdam, 2010.
- Fodor 1975 – J.A. Fodor. *The language of thought*. New York, 1975.
- Fodor 1998 – J.A. Fodor. *Concepts: Where cognitive science went wrong*. Oxford, 1998.
- Gleason 1955 – H.A. Gleason. *An introduction to descriptive linguistics*. New York, 1955.
- Gleitman 1990 – L. Gleitman. *The structural sources of verb meanings // Language acquisition*. 1990. V. 1.
- Goldberg 1995 – A.E. Goldberg. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.
- Ikegami 1987 – Y. Ikegami. 'Source' and 'Goal': A case of linguistic dissymmetry // R. Dirven, G. Radden (eds). *Concept of case*. Tübingen, 1987.
- Jackendoff 1990 – R. Jackendoff. *Semantic structures*. Cambridge (Mass.), 1990.
- Kemmerer 1999 – D. Kemmerer. 'Near' and 'far' in language and perception // *Cognition*. 1999. V. 73. № 1.
- Lakusta et al. 2007 – L. Lakusta, L. Wagner, K. O'Hearn, B. Landau. Conceptual foundations of spatial language: Evidence for a goal bias in infants // *Language learning and development*. 2007. V. 3.
- Levinson, Wilkins 2006 – S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). *Grammar of space*. Cambridge, 2006.
- Levinson 2003 – S.C. Levinson. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.
- Levinson et al. 2003 – S.C. Levinson et al. «Natural concepts» in the spatial topological domain – Adpositional meanings in crosslinguistic perspective: An exercise in semantic typology // *Language*. 2003. V. 79. № 3.
- Majid, Bowerman 2007 – A. Majid, M. Bowerman. Cutting and breaking events: A cross-linguistic perspective // [Special issue of] *Cognitive linguistics*. 2007. V. 18. № 2.
- Majid et al. 2007 – A. Majid, M. Bowerman, M. van Staden, J. Boster. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // *Cognitive linguistics*. 2007. V. 18. № 2.
- Majid et al. 2008 – A. Majid, J.S. Boster, M. Bowerman. The cross-linguistic categorization of everyday events: a study of cutting and breaking // *Cognition*. 2008. V. 109. № 2.
- Pinker 1989 – S. Pinker. *Learnability and cognition: The acquisition of argument structure*. Cambridge (Mass.), 1989.
- Rapold 2012 – C.J. Rapold. The encoding of placement and removal events in Ꞥǃǃǃ // A. Kopecka, Bh. Narasimhan (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Regier, Kay 2009 – T. Regier, P. Kay. Language, thought, and color: Whorf was half right // *Trends in cognitive sciences*. 2009. V. 13. № 10.
- Rieger, Zheng 2007 – T. Rieger, M. Zheng. Attention to endpoints: A cross-linguistic

- constraint on spatial meaning // *Cognitive sciences*. 2007. V. 31. № 4.
- Roberson et al. 2000 – *D. Roberson, I. Davies, J. Davidoff*. Color categories are not universal: Replications and new evidence from a stone-age culture // *Journal of experimental psychology: General*. 2000. V. 129.
- Rogers, McClelland 2004 – *T.T. Rogers, J.L. McClelland*. *Semantic cognition: A parallel distributed processing approach*. Cambridge (Mass.), 2004.
- Rosch, Mervis 1975 – *E. Rosch, C.B. Mervis*. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories // *Cognitive psychology*. 1975. V. 7.
- Slobin 2004 – *D.I. Slobin*. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // *S. Stroemquist, L. Verhoeven (eds). Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives*. Mahwah, 2004.
- Slobin et al. 2011 – *D.I. Slobin, M. Bowerman, P. Brown, S. Eisenbeiss, Bh. Narasimhan*. Putting things in places: Developmental consequences of linguistic typology // *J. Bohnemeyer, E. Pederson (eds). Event representation in language and cognition*. Cambridge, 2011.
- Talmy 1985 – *L. Talmy*. *Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms* // *T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description*. V. 3. Cambridge, 1985.
- Talmy 1991 – *L. Talmy*. Path to realization: A typology of event conflation // *Proceedings of the Seventeenth annual meeting of the Berkeley linguistic society*. Berkeley, 1991.
- Wierzbicka 1999 – *A. Wierzbicka*. *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge, 1999.

Л.С. Холкина

Сведения об авторе:

Лилия Сергеевна Холкина
РГГУ, ШАГИ РАНХиГС
kholkina@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Первая научная конференция памяти академика РАН Ю.С. Степанова

14–16 февраля 2013 г. в Институте языкознания РАН прошла первая международная конференция «Научные поколения и лингвистические парадигмы цивилизации XX–XXI вв.», посвященная памяти академика Юрия Сергеевича Степанова, выдающегося лингвиста, философа языка, семиотика, ушедшего из жизни 3 января 2012 г.

Конференция была организована сотрудниками Научно-образовательного центра им. академика Ю.С. Степанова, созданного в Институте языкознания РАН. Оргкомитет возглавили директор ИЯЗ РАН чл.-корр. РАН В.М. Алпатов и заместитель директора, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания ИЯЗ РАН В.З. Демьянков.

В центре внимания участников был круг тем, непосредственно связанных с научными интересами Ю.С. Степанова: индоевропейское языкознание, многомерность языка, концепты и константы, семиотика авангарда. Названия книг Степанова задавали направления докладов на секциях и пленарных заседаниях: так, на пленарном заседании, названном по книге «В трехмерном пространстве языка», обсуждались общие вопросы теории языка и семиотики, на секции «Индоевропейское предложение» рассматривались проблемы истории языка и сравнительно-исторического языкознания.

Пленарное заседание открыл директор Института языкознания РАН член-корр. РАН В.М. Алпатов. В своем докладе чл.-корр. РАН В.А. Виноградов (Москва) рассмотрел проблему концептов по отношению к заимствованным словам; заимствование слова не влечет за собой заимствование концепта, концепт заимствуется только в том случае, если в культуре присутствует **когнитивная пустая клетка**. Так, в русском языке сначала появилось слово *революция* (XVIII в.), ясное значение которого было трудно определить, а соответствующий концепт возник только

в XIX в. При **деконцептуализации** слово остается, а концепт теряется (иллюстрацией чего может служить слово и концепт *дуэль* в России).

Чл.-корр. РАН Т.М. Николаева (Москва) рассмотрела ядерные структуры основных типов паремий – загадки и пословицы. Особое внимание было уделено различию социальных функций загадки и пословицы и появлению в их структуре особого вида субъекта/объекта – а именно **артефакта**. Пословица относится *ко всякому*, а загадка – *ко всему*. Поскольку загадка ориентируется на познание, а пословица – на поведение, смысловым центром пословицы является глагол, а загадки – имя. У пословиц и загадок разная грамматика. Так, в пословицах без компонента «условие» глагол выражен формами настоящего неактивного, простого будущего с деонтическим наполнением, императивом единственного числа, краткими формами именного сказуемого, а в пословицах с компонентом «условие» глагол включает семантику «дополнительной ситуации». При этом имя в пословицах часто относится к нереперенционным и неверифицируемым именным группам. В загадках глагол выражен или формами результатива, перфектности, или формами дуратива; часты глаголы стальной семантики: *сидит, висит, лежит* (Тип I по Степанову); имя представлено дважды: в загадке и в отгадке. Таким образом, если основываться на классификации Ю.С. Степанова, более древний тип индоевропейского предложения представлен загадкой, а не пословицей.

В.З. Демьянков (Москва) рассмотрел соотношение синтактики, семантики и прагматики в научном творчестве Ю.С. Степанова. Все ученые могут быть условно разделены на две группы: **теоретики-экспортеры** и **теоретики-импортеры**. Если первые экспортируют достижения своей науки за ее пределы, то вторые, напротив, пытаются использовать достижения других наук для решения собственных

научных проблем. Ю.С. Степанов относится ко второй группе: он импортирует в лингвистику идеи и теоретические конструкции из нелингвистических наук (из математики, биологии и др.), которые выступают в качестве эвристического триггера. В этом смысле может быть протрактована теория эволюционных рядов Степанова.

Лирический мотив в художественной литературе был осмыслен И.В. Силантьевым (Новосибирск) в измерениях семантики, синтактики и прагматики. Лирический мотив – это обобщенная форма семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы, как качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя.

В докладе акад. РАН В.А. Дыбо (Москва) на тему «Кельто-италийские долготы и их значение для реконструкции протоиндоевропейской акцентной системы» речь шла о том, что индоиранскую и греческую акцентные системы категориального типа следует рассматривать как инновативные по отношению к акцентным системам парадигматического типа в балто-славянском, германском и италокельтском языковых состояниях; для этих последних систем реконструируется общий прототип. Такая картина является аргументом в пользу выявления греко-арийской ветви индоевропейских языков как рано выделившейся и, возможно, связанной с теми археологическими культурами, которые принято упоминать, говоря о степной прародине индоевропейцев.

Е.М. Верещагин (Москва) символически посвятил доклад истории и месту в культуре имени академика Степанова – *Юрий*, являющемуся разговорно-бытовой версией церковного имени *Георгий*. Пытаясь применить поговорку *Nomen est omen* к научной жизни Ю.С. Степанова, докладчик предпринял подробный анализ значения этих имен в скриптурных и гимнографических текстах и показал, что апеллятив *georgós* в отличие от *ágrikos* в греческой книжности означает не «ратай-мужик» (метафорически «неуч»), а «делатель-виноградарь», метафорически наделенный божественными признаками.

К.Г. Красухин (Москва) обратился к дискуссионному вопросу о правомерности реконструкции неноминативного строя предложения в общеиндоевропейском языковом состоянии. Докладчик связал решение этой проблемы с построением общей типологии эргативной конструкции. Эргативная конструкция предложения возникает там, где гла-

гольная форма выпадает из системы залоговых оппозиций. В этом случае начинает развиваться новая оппозиция: субъект переходного глагола vs. объект, он же субъект непереходного глагола.

В докладе чл.-корр. РАН А.В. Дыбо (Москва) был дан краткий обзор результатов предварительной семантической реконструкции лексики природного окружения и материальной культуры праиндоевропейского и праалтайского лексиконов. Такое параллельное обследование позволило построить ряд типологических утверждений, касающихся путей изменения лексической семантики в рассматриваемых лексических группах, благодаря чему, во-первых, верифицируется сама семантическая реконструкция, во-вторых, обнаруживаются отличия в составе лексических групп (при том, что по возрасту предполагаемые языки сопоставимы), которые можно интерпретировать как связанные с различиями соответствующих денотатов, т.е. делать какие-то выводы о различиях в образе жизни и среде обитания носителей языков. В частности, можно показать, что степь может быть исключена по языковым данным из ареала обитания праиндоевропейцев, но при этом должна обязательно присутствовать в регионе проживания праалтайцев; напротив, для праиндоевропейцев, по-видимому, можно предполагать связь с ландшафтом гор или предгорий.

С.Г. Прокурин (Новосибирск) рассмотрел происхождение вербальных контрактов в истории римской правовой традиции и проанализировал роль перформативов в устных договорах между кредитором и должником (стипуляциях). В римской правовой сети центральными перформативами являются индоевропейские глаголы возлияния (лат. *spondeo*), которые в ритуальных перформативных ядрах эволюционируют в сторону письменных контрактов. Сам текст контракта полностью выводится из перформативных ритуальных практик взаимных обязательств.

И.И. Макеева (Москва) проанализировала концепт *чудо*, представленный существительными *чудо*, *диво*, *знамение*, а также однокоренными прилагательными и глаголами. Слова *чудо* и *диво* связаны с христианской в целом и православной культурой, а *знамение* преимущественно относилось к язычеству. Семантическое развитие существительных *чудо* и *диво* шло в направлении утраты значения 'сверхъестественное явление, объясняемое вмешательством божественной силы', у слова *диво* и его закрепления как основного у слова *чудо*, а также появления у последнего семантики высокого качества, вызывающего восхищение.

Ряд секций конференции был посвящен проблемам взаимодействия языков искусства и семиотики авангарда. В докладе Л.В. Зубовой (Санкт-Петербург) «Поэтические ленты Мёбиуса» на примерах из поэзии второй половины XX – начала XXI в. лента Мёбиуса рассматривалась как метафора и средство сравнения, как основа сюжета и как модель структуры и композиции текста. Было показано, что образы и сюжеты современной русской поэзии с упоминанием ленты Мёбиуса, а также структура некоторых произведений без этого термина воплощаются в устранении оппозиций, в иконическом соответствии содержания и вербальных элементов текстов этому парадоксальному топологическому объекту как образу мироздания, объединяющему семиотику зеркала и круга.

М.В. Ляпон (Москва) на примере В. Набокова акцентировала тезис о том, что писатель, соединивший в своем творчестве опыт художника и ученого, демонстрирует тем самым аксиомы семиологического мышления, вводя интерпретатора в состояние, названное докладчиком **продуктивной озадаченностью**. Аналогичным образом Ю.С. Степанов в научном тексте, используя преимущества изобразительного иносказания, прибегает к иллюстрациям, которые активизируют эвристическую активность читателя, разгадывающего замысел автора.

О.И. Северская (Москва) описала особенности языка поэтического поколения 1980–2000-х гг. в России, США и Франции. Тексты русских метареалистов и поэтов Language school демонстрируют общность идей и поэтики. **Языковой сдвиг**, осуществленный этими поэтами, позволил им выработать «наднациональное койнэ».

Б.В. Орехов (Уфа) рассмотрел перевод «Слова о полку Игореве» Р.О. Якобсона в связи с проблемой авангардного мышления лингвиста. В большинстве фрагментов, на которые сам Якобсон разделил «Слово», регулярно встречаются случаи атипичного словоупотребления, не мотивированные напрямую древнерусским текстом, но опирающиеся на глубокое знание традиции.

Ю.Д. Нечипоренко (Москва) выделил два типа детской литературы, соотносимых с двумя стратегиями пишущего и двумя образами ребенка как адресата. Обращение к ребенку в детской литературе возникает на основании собственного жизненного опыта писателя, что создает неравенство адресата и адресанта. В современной авангардной детской литературе появляются **двунаправленные произведения**, адресованные адресатам «взрослый в ребенке» и «ребенок во взрослом».

О.В. Соколова (Томск) выявила общие типологические черты агитационной, рекламной и детской поэзии в построении лингвистического, эстетического и прагматического парадоксов авангарда. Характерными чертами этих текстов являются целевая адресованность, подчеркнутая диалогичность и особые приемы в создании когезии и когерентности. Особая авангардная коммуникативная стратегия позволяет совместить автореферентность знака и саморефлексию автора с агрессивным воздействием субъекта.

Вопросы, связанные с языком авангарда, также рассматривались на секции молодых ученых в докладах о научном авангарде в творчестве Ю.С. Степанова [С.Ю. Бочавер (Москва)], об авангардном модусе в поэзии на иврите [А.Л. Полян (Москва)], о поэтических абстракциях в современной поэзии [А.С. Баймуратова (Москва)].

В докладе О.В. Ковалея (Украина) предложена оригинальная концепция «лингвистических вхождений» в структуры визуального текста как формализованной репрезентации соположения знаковых форм языка и искусства в едином процессе культурного семиозиса. По мнению автора доклада, «лингвистические вхождения» не только заполняют промежутки между узлами и линиями знаковой решетки когнитивного и культурологически мотивированного визуального целого, – они непосредственно участвуют в образовании вариативных живописных и/или визуальных рядов. Основываясь на концепции «общности теории языка и теории искусства» Ю.С. Степанова, автор настаивает, что идея лингвистических вхождений позволит отказаться от жесткой антиномичности изображения и слова, представить живопись и современное визуальное искусство как континуум, в котором вербальные и визуальные формы всегда соположены друг другу и в котором одновременно присутствуют почти все непрерывные ряды синтаксических и семантических, лексических и морфологических визуальных единиц.

Н.В. Злыднева (Москва) применила опыт семиотического описания модальности Греймаса к изображению, обратившись к материалу современной фотографии.

Понятие концепта уже устойчиво связывается в современной лингвистике с именем Ю.С. Степанова, поэтому не случайно, что этой теме на конференции было уделено особое внимание.

О.Г. Ревзина (Москва) посвятила доклад вопросу о **темпоральной структуре концепта**. Связав тезис Ю.С. Степанова о слоистом строении концепта с понятием тем-

поральности, она продемонстрировала, что каждый из слоев – это своего рода «осадок культурной жизни разных эпох». В структуре концепта выделяются три слоя: наиболее отдаленная, дописьменная форма, «внутренняя форма» и этимология; «пассивный», «исторический» слой; слой актуальный и активный. Анализ концепта *Человек* в его соотношении с концептами *Свои – Чужие* и *Цивилизация* показал, что «ментальная действительность концепта у Ю.С. Степанова предстает как совокупность культурных концептов – базовых и производных, находящихся в сложнейших взаимоотношениях между собой». Соотнеся постулаты и результаты подхода Ю.С. Степанова и исторического подхода Р. Козелла и выявив между этими теоретическими направлениями много общего, О.Г. Ревзина предложила создать исторический словарь динамических языковых понятий-концептов, в основе которого должен лежать интегрирующий подход.

В выступлении Е.М. Лазуткиной (Москва) был поставлен вопрос, в какой степени когнитивная категория может претендовать на роль концепта. Свойства концепта выявляются путем анализа семантической функции в составе семантико-синтаксической организации высказываний и значимости той или иной синтаксической позиции в организации смысла предложения. Категоризация более высокого ранга происходит в результате длительной жизни общезыкового концепта в социуме. Слово, репрезентирующее культурный концепт, может занимать позицию предиката в предложениях таксономической идентификации, таким образом выявляя бесспорный для всех культурный ценностный смысл, например: *Ученье – свет, неученье – тьма*.

В докладе Н.А. Фатесвой (Москва) обсуждались два основных аспекта в разработке Ю.С. Степановым понятия интертекста: как среда обитания культурных концептов, а также в соотношении с понятиями **интернет** и **интерсубъект**. В отличие от большинства исследований интертекста, сосредоточенных на формальном уровне взаимодействия двух или более текстов, а также на поиске аллюзий и реминисценций, Ю.С. Степанов рассматривал любое межтекстовое взаимодействие как концептуальное и интересубъектное.

В.И. Заботкина (Москва), проанализировав развитие различных направлений когнитивистики, подчеркнула, что именно Ю.С. Степанов первым ввел понятие **ментальные концепты**. Докладчик предложила понятие **прагматической интерпретанты**, под которым понимается некоторое представ-

ление о предмете, несущее информацию об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров широкого контекста.

Н.Г. Брагина (Москва) проанализировала специфику функционирования концептов в одном из новых жанров интернет-коммуникации – в демотиваторах, где текстовое сообщение соединяется с визуальным. Интерпретацию так называемых «демотиваторов со смыслом», в состав которых входят изображение, концептуальное слово и интерпретация, можно рассматривать как разновидность метаязыковой рефлексии и считать наивным толкованием концептов, соотнесенным в том числе с визуальными стереотипами.

Доклад С.Е. Никитиной (Москва) был посвящен этноконфессиональной лингвистике как особой области лингвистических исследований. Одна из важнейших задач в исследовании культуры этноконфессиональных групп – это выявление ключевых слов, которые могут различаться по своей значимости. Так, для культуры молокан-прыгунов слово *пророк* является ключевым, а его изъятие из культурного смыслового поля может привести к гибели этноконфессиональной культуры. Особое внимание С.Е. Никитина уделила описанию «тематических параметров» этноконфессиональной культуры, под которыми она понимает некоторые темы, названия ситуаций, типичные для этноконфессиональной культуры, с помощью которых можно проникнуть в ментальный мир ее представителей.

И.В. Зыкова (Москва) рассмотрела креативный потенциал константы РЕМЕСЛО в английской фразеологии. Образы английских фразеологизмов, компоненты которых коррелируют с разнообразными знаковыми средствами семиотической области ремесла, запечатлевают различные виды ремесленной деятельности, существующие в англоязычной культуре в разные исторические периоды. Существуют различные стратегии коммуникативной адаптации английских фразеологизмов к дискурсивному контексту, обеспечиваемой константой РЕМЕСЛО, которая продуцирует новые варианты или модификации фразеологических единиц в дискурсивных практиках.

На секции молодых ученых также прозвучали доклады, посвященные теории концепта: концепт движения в анархическом дискурсе был рассмотрен М.Ю. Мартыновым (Чебоксары), концепт *персона* в древнеримском праве – С.Н. Слепухиным (Новосибирск).

Значимое место на конференции занимали доклады, посвященные обсуждению поколе-

ний и научных парадигм в связи с эволюцией методов лингвистики.

Т.А. Михайлова (Москва) рассмотрела вопрос о «неполноте» и «нефинитности». На примере безглагольных конструкций в древнеирландском и русском языках, в которых предикация выражена локализатором («На нем черный сюртук», «Мне – туда» и др.), она показала, что они восходят к архаическому индоевропейскому синтаксису и обладают скорее типологическим сходством, чем субстратным. Ряд устойчивых нарративных приемов коррелируют с различными типами предложений: так, в сагах безглагольные конструкции служат для создания вневременной картины.

Т.Е. Янко (Москва) отметила, что Ю.С. Степанов, используя метод трансформационного анализа, показал, что функция маркирования субъекта не является главной для русского генитива. Докладчик применила методы просодии к функциональному анализу падежных и предложно-падежных конструкций и пришла к выводу, что выбор акцентоносителя в предложениях с несогласованным определением разделяет именные группы на два класса: в одном из этих классов возможен сдвиг акцента с зависимой группы на вершинную, а в другом – нет. Выбор носителя акцента разделяет именные конструкции на имеющие чисто определительное (качественное) значение и большинство остальных именных конструкций.

И.И. Челышева (Москва) обратилась к современным методам изучения средневековых романских текстов. В настоящее время романистика стала перед проблемой обобщающих трудов, поэтому продуктивным представляется изучение и описание разных языков с одних исследовательских позиций. Так, последовательное рассмотрение ранних переводных (интерлинейных) текстов с латыни на романские языки позволяет лучше представить дистанцию между этими языками.

Доклад В.Я. Порхомовского (Москва) был посвящен процессу формирования парадигмы сравнительно-исторического языкознания в сравнении с моделью развития научных дисциплин Т. Куна. По мнению докладчика, младограмматическая парадигма продолжает выполнять функцию методологической основы компаративистики и в настоящее время.

А. Киклевич (Польша) рассмотрел концепцию лингво-философских парадигм как типов профилирования языковых знаков, в частности применительно к современному состоянию славянского языкознания. В зависимости от профилирования одного из этих аспектов выделяются различные парадигмы язы-

кознания: традиционная (формоцентрическая); психологическая / семантическая; ономастическая / реистическая / феноменологическая; структурная; прагматическая / антропологическая. Докладчик предложил параметризацию научных ситуаций с учетом критерия частотности (например, число публикаций в той или иной области, профилирование научных журналов, грантовая политика и др.).

Ю.Л. Троицкий (Москва) предложил схему четырех **репрезентирующих экранов** (описание, исследование, мифологический, фальсификационный), которые, по мнению докладчика, могут стать основой для дискурсивного синтеза. Ю.Л. Троицкий полагает, что предложенная схема рядоположенных экранов обладает эвристическим потенциалом в качестве идентифицирующего инструмента уже существующих описаний или генеративной модели будущих научных текстов.

Э.А. Дейнека (Франция) рассмотрела решения основных эпистемологических проблем семиотики в работах Ю.С. Степанова. Семиотика уподобляется логике как компонент общенаучной методологии, поскольку рациональный путь познания в обязательном порядке предполагает моделирование реальности, опосредованное конструированием знаковых систем. При этом неопределенность эпистемологического статуса семиотики связана с различиями в представлениях о структуре знака в различных сферах науки. В концепции Ю.С. Степанова можно выделить два взаимосвязанных начала: первое предполагает отраслевое построение ряда частных семиотик в рамках предметных областей отдельных наук, второе связано с развитием общей семиотики, предметом которой «является сравнение, сопоставление и обобщение результатов частных семиотик» («Семиотика». 1971. С. 78).

А.В. Вдовиченко (Москва) связал спор о связи слова и сущности, происходивший в IV в. н.э. между Евномием и каппадокийцами, Св. Василием Великим и Св. Григорием Нисским, с современными лингвистическими подходами. В современной теории языка платоновское (евномиево) направление имеет следствием различные преломления принципа «знак-значение», в частности, признание слова главной единицей коммуникативного процесса, а языка – системой знаков и знаний. Каппадокийское направление, представляющее любое выражение как выражение «по примыслению», находит свое продолжение в современных коммуникативных и дискурсивных исследованиях, построенных на идее смысловой нетождественности и нестабильности слова, отсутствии в изолированном слове какого бы то ни было

актуального значения и др. Ю.С. Степанов, по мнению докладчика, относится к тем лингвистам, которые преодолевают платонизм.

В.А. Маслова (Белоруссия) показала влияние работ Ю.С. Степанова на развитие современной лингвистики. Термин «поэтика» Ю.С. Степанов связывал с **философией слова**, понимая поэтику как теорию поэзии, создаваемую самими поэтами.

В.В. Морковкин (Москва) представил новый комплексный многоцелевой словарь русского языка, созданный в Институте русского языка им. А.С. Пушкина, в основе которого лежит синергетический подход к лексикографированию.

Конференция завершилась докладами, в которых обсуждались личность Ю.С. Степанова, этапы его научного творчества, особенности его научного стиля.

В докладе В.А. Подороги (Москва) было представлено философское осмысление особенностей мышления лингвиста. Философ полагает, что понятие *концепт* не принадлежит лингвистике, как не принадлежит оно и любой другой дисциплине. Это условное метадисциплинарное понятие, возникающее в ситуации, когда дисциплина выходит за свои собственные пределы, а концепт при этом выступает как переводчик в другую форму опыта. Концепт не является сущностью, готовой платоновской структурой, которой можно распоряжаться для фиксации некоторых знаний, например в области лингвистики. Концепт не существует сам по себе, его существование зависит от потребности в нем как инструменте для переключения опыта. Теория концепта Ю.С. Степанова успешно продолжает ряд теорий, рассматривающих концепт в психологии (У. Джеймс), антропологии (К. Леви-Стросс) и философии (Ж. Делёз). С другой стороны, аналитическая техника Ю.С. Степанова привела его к границам лингвистики, заставила выйти в другой «терминологический регион», где возникают более широкие проблемы, например проблема сознания.

В.И. Постовалова (Москва) осмыслила «воображаемую словесность» Ю.С. Степанова как особое эстетико-филологическое пространство творческого обитания человека в культуре, конструируемое путем единения первичной (жизненной) и вторичной (художественной) реальности. Для творческого подхода Ю.С. Степанова характерны установка на самосознание и установка на интеграцию и преодоление разграничений в культуре, что проявилось в синтезе научного и художественного мышления в его работах.

Н.М. Азарова (Москва), рассматривая деятельность Ю.С. Степанова в трехмерном

пространстве науки, искусства и быта, соотносила эти сферы жизни с семантикой, синтактикой и прагматикой и показала, как одна и та же идея могла последовательно воплощаться во всех трех измерениях. Так, идея **аскезы**, характерная для позднего Степанова, это личная аскеза, проявляющаяся в отказе от путешествий или от излишнего количества выступлений и одновременно в научном методе как принцип **минимализации и формализации**. Наука и искусство организуют третье пространство – пространство быта (или театральности), в котором научный и художественный текст в их совместности представляют хэппенинг. Благодаря стремлению Ю.С. Степанова соединить науку и искусство был создан **салон**, объединявший деятелей искусства и ученых. Каждая новая книга становилась для Ю.С. Степанова новым способом формализации, а презентация книги как хэппенинг была противоположна конвенциональной научной презентации, где книга воспринималась как научный продукт.

В.В. Фещенко (Москва) уделил внимание внутренней эволюции научной личности Ю.С. Степанова и его **личному творческому коду**, т. е. тем константам, концептам и изотемам, которые формировали его научную концепцию, которые составляли его метаязык. Возможно, самой важной константой мышления и поведения Ю.С. Степанова был стиль, прежде всего стиль мышления (в терминологии М. Борна), в котором научный взгляд на мир объединен с художественным. Явления языка с такой точки зрения понимаются одновременно как научно-аналитические и художественно-выразительные.

Доклад Л.Л. Шестаковой (Москва) был посвящен Ю.С. Степанову как автору классического учебника «Основы общего языкознания» (1975). **Классический учебник** – учебная книга, не утратившая со временем своей актуальности, содержательной и методической ценности, книга, которая учит мыслить. Главная методическая задача пособия, сформулированная автором, – «изложить предмет наиболее естественным, а значит, и более легким способом», решена за счет насыщенности его фактическим материалом, оригинальности в объяснении понятий (например, «языковая норма»), предельной ясности формулировок, необычного построения библиографии, включающей краткие сведения об авторах научных трудов, и т.д. Принятая Ю.С. Степановым стратегия на сближение с читателем-студентом проявилась в выборе местоимения *мы* (в значении «я и собеседник»), использовании вопросно-ответных конструкций и в занимательности изложения даже самых сложных вопросов общего языкознания.

Ю.Л. Оболенская (Москва) рассмотрела Ю.С. Степанова как ученого-испаниста. Начало и конец творческой деятельности Ю.С. Степанова оказались связаны с языком и культурой Испании. Учеба на испанском отделении филологического факультета оказала сильное влияние на формирование личности ученого, а знание испанской культуры и литературы отразилось во многих его работах. Например, для раздела «Весь мир – театр» в его фундаментальном труде «Константы: словарь русской культуры» (2004 г.) ключевым оказывается знакомство с испанском театром Золотого века.

Конференция завершилась научными и личными воспоминаниями о Ю.С. Степанове и просмотром видеозаписей с его участием.

Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер

Сведения об авторах:

Наталья Михайловна Азарова
Институт языкознания РАН
natazarova@gmail.com

Светлана Юрьевна Бочавер
Институт языкознания РАН
svetlana.bochaver@gmail.com

XV Международная конференция SPECOM'2013 «Speech and computer» («Речь и компьютер»)

1–5 сентября 2013 г. в университете Западной Богемии на факультете прикладных наук на базе кафедры кибернетики в г. Пльзень (Pilsen) состоялась XV Международная конференция SPECOM'2013 «Speech and computer» («Речь и компьютер»).

Конференция «Speech and computer» проводится с 1996 г. совместно и поочередно Санкт-Петербургским институтом информатики и автоматизации РАН (СПИИРАН) и Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ). До 2005 г. конференция проводилась ежегодно, а после 2005 г. – один раз в два года. Географический охват мест проведения конференции достаточно широк: многократно Санкт-Петербург, Москва и Московская область, Клуз-Напока (Румыния), Патры (Греция), Казань, Пльзень (Чехия).

В этом году конференция SPECOM'2013 проходила параллельно с XVI Международной конференцией TSD'2013 «Text, speech and dialogue» («Текст, речь и диалог»), организованной на базе кафедры компьютерных технологий факультета прикладных наук того же университета. Параллельная организация работы обеих конференций позволила их участникам посещать секции той и другой конференции с учетом профессиональных интересов присутствующих.

Из 90 представленных на рассмотрение докладов для конференции SPECOM'2013 60-ю рецензентами – ведущими специалистами в области исследования взаимодействия «человек – ЭВМ» – было отобрано 48, которые к началу работы конференции были опубликованы издательским домом Шпрингер: *Speech and computer. 15th International conference, SPECOM'2013, September 1–5, 2013, Pilsen,*

Czech Republic, Proceedings. Springer: Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London, 2013. – 368 p., публикации которого входят в систему SCOPUS.

В состав программного комитета конференции SPECOM'2013 вошли ведущие специалисты ряда стран: Австралии, Англии, Бельгии, Болгарии, Белоруссии, Германии, Греции, Мексики, Нидерландов, России, Сербии, США, Тайваня, Турции, Франции, Чехии, Японии. В качестве спонсоров конференции SPECOM'2013 выступили Международная ассоциация по речевой коммуникации (ISCA) и Общество по кибернетике и информатике Чехии (CSKI). На конференции SPECOM'2013 выступили с докладами и представили постеры ученые-речеведы Аргентины, Белоруссии, Германии, Индии, Ирландии, Испании, Мексики, России, Сербии, Словении, Украины, Финляндии, Франции, Чехии.

В работу конференции SPECOM'2013 были включены лекции приглашенных специалистов Х. Херманского (Центр языка и анализа речи, Университет им. Джона Хопкинса, Балтимор, Мериленд, США); Р. Штейнбергера, М. Эрмана и др. (Объединенный Исследовательский Центр Европейской Комиссии, Италия; Исследовательский университет, Рим, Италия; Академии наук Венгрии, Исследовательский институт лингвистики, Будапешт, Венгрия; Университет Западной Богемии, Пльзень, Чехия; Научного Фонда Бруно Кесслера; Отделение технологий на базе естественных языков, Тренто, Италия); Р. Коула, В. Варда, Д. Боланоса и др. (Центр языковых технологий, Булдер, Колорадо, США); В.В. Захарова (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

Организационно работа конференции проходила по следующим секциям: «Анализ

Ю.Л. Оболенская (Москва) рассмотрела Ю.С. Степанова как ученого-испаниста. Начало и конец творческой деятельности Ю.С. Степанова оказались связаны с языком и культурой Испании. Учеба на испанском отделении филологического факультета оказала сильное влияние на формирование личности ученого, а знание испанской культуры и литературы отразилось во многих его работах. Например, для раздела «Весь мир – театр» в его фундаментальном труде «Константы: словарь русской культуры» (2004 г.) ключевым оказывается знакомство с испанском театром Золотого века.

Конференция завершилась научными и личными воспоминаниями о Ю.С. Степанове и просмотром видеозаписей с его участием.

Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер

Сведения об авторах:

Наталья Михайловна Азарова
Институт языкознания РАН
natazarova@gmail.com

Светлана Юрьевна Бочавер
Институт языкознания РАН
svetlana.bochaver@gmail.com

XV Международная конференция SPECOM'2013 «Speech and computer» («Речь и компьютер»)

1–5 сентября 2013 г. в университете Западной Богемии на факультете прикладных наук на базе кафедры кибернетики в г. Пльзень (Pilsen) состоялась XV Международная конференция SPECOM'2013 «Speech and computer» («Речь и компьютер»).

Конференция «Speech and computer» проводится с 1996 г. совместно и поочередно Санкт-Петербургским институтом информатики и автоматизации РАН (СПИИРАН) и Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ). До 2005 г. конференция проводилась ежегодно, а после 2005 г. – один раз в два года. Географический охват мест проведения конференции достаточно широк: многократно Санкт-Петербург, Москва и Московская область, Клуз-Напока (Румыния), Патры (Греция), Казань, Пльзень (Чехия).

В этом году конференция SPECOM'2013 проходила параллельно с XVI Международной конференцией TSD'2013 «Text, speech and dialogue» («Текст, речь и диалог»), организованной на базе кафедры компьютерных технологий факультета прикладных наук того же университета. Параллельная организация работы обеих конференций позволила их участникам посещать секции той и другой конференции с учетом профессиональных интересов присутствующих.

Из 90 представленных на рассмотрение докладов для конференции SPECOM'2013 60-ю рецензентами – ведущими специалистами в области исследования взаимодействия «человек – ЭВМ» – было отобрано 48, которые к началу работы конференции были опубликованы издательским домом Шпрингер: *Speech and computer. 15th International conference, SPECOM'2013, September 1–5, 2013, Pilsen,*

Czech Republic, Proceedings. Springer: Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London, 2013. – 368 p., публикации которого входят в систему SCOPUS.

В состав программного комитета конференции SPECOM'2013 вошли ведущие специалисты ряда стран: Австралии, Англии, Бельгии, Болгарии, Белоруссии, Германии, Греции, Мексики, Нидерландов, России, Сербии, США, Тайваня, Турции, Франции, Чехии, Японии. В качестве спонсоров конференции SPECOM'2013 выступили Международная ассоциация по речевой коммуникации (ISCA) и Общество по кибернетике и информатике Чехии (CSKI). На конференции SPECOM'2013 выступили с докладами и представили постеры ученые-речеведы Аргентины, Белоруссии, Германии, Индии, Ирландии, Испании, Мексики, России, Сербии, Словении, Украины, Финляндии, Франции, Чехии.

В работу конференции SPECOM'2013 были включены лекции приглашенных специалистов Х. Херманского (Центр языка и анализа речи, Университет им. Джона Хопкинса, Балтимор, Мериленд, США); Р. Штейнбергера, М. Эрмана и др. (Объединенный Исследовательский Центр Европейской Комиссии, Италия; Исследовательский университет, Рим, Италия; Академии наук Венгрии, Исследовательский институт лингвистики, Будапешт, Венгрия; Университет Западной Богемии, Пльзень, Чехия; Научного Фонда Бруно Кесслера; Отделение технологий на базе естественных языков, Тренто, Италия); Р. Коула, В. Варда, Д. Боланоса и др. (Центр языковых технологий, Булдер, Колорадо, США); В.В. Захарова (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

Организационно работа конференции проходила по следующим секциям: «Анализ

речи», «Распознавание речи», «Синтез речи», «Распознавание языка», «Идентификация говорящего», «Анализ текста». При этом содержание докладов на данной конференции было сконцентрировано на техническом и технологическом аспектах вышеперечисленных областей знания – речевых технологий. Методы охватывали математическое и акустическое моделирование, автоматическое обнаружение объекта – генератора речевой информации, перцептивно-слуховой и спектральный виды анализа речи, слуховое и зрительное распознавание образов, кластеризацию и классификацию объектов, автоматическое преобразование «текст–речь», мультимодальное распознавание говорящего, нейросетевой подход к распознаванию и пониманию речи.

Из докладов, представленных на секционных заседаниях, следует выделить некоторые, содержание которых было в наибольшей степени связано с задачами собственно прикладной лингвистики, а не с задачами разработки аппаратно-программных средств и фрагментов действующих макетов различного рода автоматических и автоматизированных систем.

Большой научный интерес вызвал доклад Р.К. Потаповой и В.В. Потапова (Москва) «Слуховое и зрительное восприятие эмоционального поведения иноязычных испытуемых», в котором были представлены результаты экспериментов по распознаванию мультимодального выражения эмоций применительно к коммуникации «родной язык – иностранный язык», иными словами к коммуникации, связанной с оценкой носителями одного языка и одной культуры невербального общения носителей другого языка и другой культуры. Конечная цель исследования заключалась в определении общих и частных ключевых признаков двухканальной коммуникации с целью дальнейшей разработки системы автоматизированного обнаружения ряда эмоциональных состояний с опорой на невербальную кинеснику, а также голосовую паравербалику и экстравербалику, то есть в рамках пилотного проекта рассматривалась возможность перехода от модели «человек – человек» к модели «машина – человек».

В совместном докладе Р.К. Потаповой, Л.Р. Комаловой (Москва) «Лингвокогнитивное исследование семантического поля “Агрессия” в мультикультурной коммуникации: типы текстов» представлены результаты проведения комплексного исследования лингвокогнитивных механизмов становления и развития состояния агрессии на материале языков разных групп. Приводится описание и результаты лингвистического анализа текстов СМИ, выявления семантического поля «агрес-

сия» в русском, английском, испанском и татарском языках. Описаны языковые признаки вербальной агрессии. Представлена классификация видов состояния «агрессия» и их реализация в исследуемых языках. В результате проведенного контент-анализа авторы определяют типы текстов, содержание которых имеет наиболее ярко выраженный потенциал порождения у реципиента состояния, близкого к состоянию агрессии. Схожая представленность такого рода текстов в исследуемых языках дает основание сформулировать гипотезу об универсальном характере структуры текстов, в содержании которых присутствуют многоуровневые лингвистические индикаторы состояния агрессии.

Доклад А.В. Москвиной (Москва) «Сопоставительное исследование английских, нидерландских и немецких просодических характеристик (частоты основного тона и интенсивности) как средств реализации устной речи» посвящен сопоставительному анализу специфики просодических характеристик (частоты основного тона и интенсивности), используемых как средства речевого воздействия в германских языках (английском, нидерландском, немецком). Целью исследования являлось сопоставление просодических моделей анализируемых языков для ответа на следующий вопрос: предстают ли данные модели идентичными или они имеют некоторые отличия, используемые только в отдельных языках с учетом фактора воздействия на адресатов? Проведенный эксперимент включал два вида анализа: акустический и перцептивно-слуховой. Полученные результаты подтвердили гипотезу о наличии различных просодических характеристик в качестве средств речевого воздействия. При этом было установлено, что показатели частоты основного тона, интенсивности и темпоральных характеристик варьируют от языка к языку.

На конференции был представлен доклад Т.С. Платоновой и А.А. Смолиной (Москва) «Исследование значимости изменений акустических характеристик с учетом переключения языкового кода в области судебной фонетики (на материале русского и немецкого языков)». Докладчики сфокусировали внимание на исследовании изменений речевых характеристик говорящего при условии переключения с родного языка на иностранный язык. Эксперимент основывался на материале русского и немецкого языков и включал два вида анализа: акустический и перцептивно-слуховой. Результаты эксперимента показали, что речевое переключение с родного языка на неродной язык связано в данном случае с изменением определенных просодических характе-

ристик. Например, средняя частота основного тона имеет тенденцию к понижению, речевая мелодика становится более изрезанной, темп речи замедляется, количество и длительность пауз увеличивается, артикуляция становится более напряженной. В то же время было обнаружено, что такая характеристика голоса говорящего, как тембр, не подверглась существенным изменениям.

М. Сажок и В. Робейко (Украина) посвятили доклад «Сопоставление языковых моделей для системы распознавания речи в реальном времени (применительно к украинскому языку)» описанию системы распознавания украинской речи в реальном времени. Являясь представителем славянских языков, украинский язык обладает большой степенью флективности и относительно свободным порядком слов. Данные характеристики объясняют переход от языковой модели, основанной на слове, к языковой статистической модели, основанной на классах слов. Согласно данному экспериментальному исследованию, основанное на статистических классах модели занимают меньшее пространство и имеют большее быстродействие. В докладе представлен инструментарий на базе визуализации марковских цепей с возможностью предсказания словесного ударения и кластерного моделирования.

В докладе В.В. Захарова (Санкт-Петербург) «Русскоязычные корпусы текстов», в котором автор останавливается на истории развития русскоязычной корпусной лингвистики в России (в частности, в трудах Л.Н. Засориной, А.П. Ершова, Т.И. Резниковой, В.А. Плунгяна и др.), подробно проанализирован Национальный корпус русского языка (2003–2013, Москва), корпус русской разговорной речи (1930–2007, Москва) и др. Особое внимание уделено семантическому аспекту. Приведены примеры корпусов русского языка по материалам проектов Университета Хельсинки (Финляндия) (аннотированный корпус современного русского языка – HANCO с внесением морфологической и синтаксической информации); многоязычного корпуса Университета Лидса (Англия) с включением русского языка и др.

Приведены примеры устно-речевых и специальных корпусов.

Заслуживает внимания масштабный доклад коллектива авторов (Р. Штейнбергера, М. Эрмана и др.) – представителей ряда стран Европы (Италии, Венгрии, Чехии) – на тему «Мультилингвальный мониторинг средств массовой информации и анализ текстов – применительно к языкам с развитой флективной структурой». В докладе представлены результаты новейшей разработки мультилингвальной системы Europe Media Monitor (EMM), которая обрабатывает за день в среднем 175 000 новых статей, переданных в режиме online для десяти языков, определяет репрезентанты рекламной и других видов информации. В докладе продемонстрирована возможность разработанного программного обеспечения проводить смысловой анализ текстов на примере таких высокофлективных языков, как языки славянской и финно-угорской языковых семей. Главный вопрос формулируется следующим образом: может ли разработанная система быть адаптирована к языкам подобного рода?

В заключение следует отметить, что конференция SPECOM'2013 была на сей раз представлена в основном докладами более технического характера по сравнению со всеми предыдущими конференциями. Школа прикладной лингвистики ограничивалась сообщениями представителей, главным образом, Московского государственного лингвистического университета, что несколько сузило обычный для этого мероприятия формат.

Р.К. Потапова, В.В. Потапов

Сведения об авторах:

Родмонга Кондратьевна Потапова
Московский государственный лингвистический университет

Всеволод Викторович Потапов
МГУ им. М.В. Ломоносова
rkpotapova@yandex.ru

46-й Ежегодный конгресс Европейского лингвистического общества

18–21 сентября 2013 г. в Сплите прошел 46-й Ежегодный конгресс Европейского лингвистического общества, организованный Итальянским и Английским отделением университета Сплита и центром междисциплинарных исследований Studia Mediterranea. В этом году в конференции приняло участие пятьсот исследователей, что

стало рекордом по сравнению с предыдущими встречами общества.

В качестве приглашенных лекторов выступили Петр Цап (Польша), Элизабет Ляйс (Германия), Амина Метуши (Франция) и Иан Робертс (Великобритания).

П. Цап (Польша) в лекции «Теория проксимизации: концептуальная и эмпирическая

ристик. Например, средняя частота основного тона имеет тенденцию к понижению, речевая мелодика становится более изрезанной, темп речи замедляется, количество и длительность пауз увеличивается, артикуляция становится более напряженной. В то же время было обнаружено, что такая характеристика голоса говорящего, как тембр, не подверглась существенным изменениям.

М. Сажок и В. Робейко (Украина) посвятили доклад «Сопоставление языковых моделей для системы распознавания речи в реальном времени (применительно к украинскому языку)» описанию системы распознавания украинской речи в реальном времени. Являясь представителем славянских языков, украинский язык обладает большой степенью флективности и относительно свободным порядком слов. Данные характеристики объясняют переход от языковой модели, основанной на слове, к языковой статистической модели, основанной на классах слов. Согласно данному экспериментальному исследованию, основанное на статистических классах модели занимают меньшее пространство и имеют большее быстродействие. В докладе представлен инструментарий на базе визуализации марковских цепей с возможностью предсказания словесного ударения и кластерного моделирования.

В докладе В.В. Захарова (Санкт-Петербург) «Русскоязычные корпусы текстов», в котором автор останавливается на истории развития русскоязычной корпусной лингвистики в России (в частности, в трудах Л.Н. Засориной, А.П. Ершова, Т.И. Резниковой, В.А. Плунгяна и др.), подробно проанализирован Национальный корпус русского языка (2003–2013, Москва), корпус русской разговорной речи (1930–2007, Москва) и др. Особое внимание уделено семантическому аспекту. Приведены примеры корпусов русского языка по материалам проектов Университета Хельсинки (Финляндия) (аннотированный корпус современного русского языка – HANCO с внесением морфологической и синтаксической информации); многоязычного корпуса Университета Лидса (Англия) с включением русского языка и др.

Приведены примеры устно-речевых и специальных корпусов.

Заслуживает внимания масштабный доклад коллектива авторов (Р. Штейнбергера, М. Эрмана и др.) – представителей ряда стран Европы (Италии, Венгрии, Чехии) – на тему «Мультилингвальный мониторинг средств массовой информации и анализ текстов – применительно к языкам с развитой флективной структурой». В докладе представлены результаты новейшей разработки мультилингвальной системы Europe Media Monitor (EMM), которая обрабатывает за день в среднем 175 000 новых статей, переданных в режиме online для десяти языков, определяет репрезентанты речевой и других видов информации. В докладе продемонстрирована возможность разработанного программного обеспечения проводить смысловой анализ текстов на примере таких высокофлективных языков, как языки славянской и финно-угорской языковых семей. Главный вопрос формулируется следующим образом: может ли разработанная система быть адаптирована к языкам подобного рода?

В заключении следует отметить, что конференция SPECOM'2013 была на сей раз представлена в основном докладами более технического характера по сравнению со всеми предыдущими конференциями. Школа прикладной лингвистики ограничивалась сообщениями представителей, главным образом, Московского государственного лингвистического университета, что несколько сузило обычный для этого мероприятия формат.

Р.К. Потапова, В.В. Потапов

Сведения об авторах:

Родмонга Кондратьевна Потапова
Московский государственный лингвистический университет

Всеволод Викторович Потапов
МГУ им. М.В. Ломоносова
rkpotapova@yandex.ru

46-й Ежегодный конгресс Европейского лингвистического общества

18–21 сентября 2013 г. в Сплите прошел 46-й Ежегодный конгресс Европейского лингвистического общества, организованный Итальянским и Английским отделением университета Сплита и центром междисциплинарных исследований Studia Mediterranea. В этом году в конференции приняло участие пятьсот исследователей, что

стало рекордом по сравнению с предыдущими встречами общества.

В качестве приглашенных лекторов выступили Петр Цап (Польша), Элизабет Ляйс (Германия), Амина Метуши (Франция) и Иан Робертс (Великобритания).

П. Цап (Польша) в лекции «Теория проксимизации: концептуальная и эмпирическая

основа» описывал созданную им теорию просимизации, находящуюся на пересечении прагматики, когнитивной лингвистики и изучения критического дискурса. Данная теория помогает обнаружить, каким образом манипуляция понятием близости и отдаленности используется в политическом дискурсе с целью легитимизации тех или иных политических акций, в частности захватнических военных кампаний.

Э. Ляйс (Германия) в лекции «Не-картезианская универсальная грамматика. Как язык формирует сознание» рассуждала об общефилософских вопросах, связанных с языком. Предлагается программа создания модели универсальной грамматики, в которой человеческий язык рассматривался бы в качестве инструмента, формирующего мысли в сознании человека. Данный подход противопоставляется хомскианской лингвистике, в которой язык лишь средство выражения мыслей, а не то, что их создает. Вслед за Т. Гивоном Э. Ляйс утверждает, что язык представляет собой средство перекодирования субъективного опыта в классифицируемое и конечное число семантических категорий, общих для определенного сообщества, и тем самым делает возможной коммуникацию между людьми.

Лекция А. Метуши (Франция) «Сегментация устного корпуса в малоизученных языках: новые перспективы структурного анализа речи» была посвящена проблеме сегментации речи и описанию формально-эмпирических методов определения языковых единиц. Одна из центральных идей лекции сводится к тому, что на данный момент развития лингвистики единственным адекватным способом описания языковых единиц, больших, чем слово, является формальный анализ материала устного корпуса. А. Метуши продемонстрировала с помощью примеров из устного корпуса кабилского языка, что сегменты, вычленимые на основании таких формально-фонологических параметров, как интонация и наличие паузы, неоднородны с точки зрения синтаксической и информационной структуры. Иными словами, вопреки распространенному мнению, между просодическим единством и единицами синтаксической и информационной структуры нет однозначного соответствия, и для адекватного анализа необходимо сначала провести сегментацию на фонологическом уровне и лишь затем описывать синтаксические связи внутри полученных единиц.

Остальные доклады были включены в программу на конкурсной основе. Устные доклады проходили в двенадцати параллельных секциях. Примерно половина устных выступлений состоялась в рамках одного из двадцати тема-

тических семинаров, остальные доклады были прочитаны в общих секциях. Стоит отметить, что в этом году для значительной части тематических секций центральным оказался вопрос языковых контактов.

Составители программы конференции разделили доклады, не вошедшие в заявленные тематические секции, на следующие секции: усвоение языка, падеж, формальный синтаксис, историческое языкознание, социолингвистика, билингвизм, конструкции, информационная секция, дискурс, морфология, типология, романско-далматинская секция, средства дискурсивной связности, семантика, языки средневропейского стандарта, модальность, фонология, корпусная лингвистика, прагматические маркеры и др.

Помимо устных выступлений было представлено 30 стендовых докладов, значительная часть которых была посвящена анализу конкретных грамматических явлений в конкретных языках. Так, например, в докладе Т. Чана и Т. Пейна (США) описывалось возникновение вспомогательных глаголов из лексических в тунгусо-маньчжурском языке сибо. Независимая клауза в сибо устроена следующим образом: за лексическим глаголом может следовать до трех показателей, которые проявляют свойства как вспомогательных глаголов, так и флексий и выражают значение вида, времени и модальности. Докладчики анализировали морфологический статус этих показателей, а также их диахроническую связь с полнозначными глаголами, от которых они произошли. Интересно отметить, что популярным объектом описания оказался баскский язык: различные грамматические явления баскского языка анализировались сразу в трех стендовых докладах. Были также представлены работы, посвященные общетеоретическим, социолингвистическим вопросам и теории усвоения языка.

Тематическая секция «Переключение референции: положение дел и в каком направлении двигаться дальше?» была организована Р. ван Гейном (Швейцария), Дж. Хэммондом (Голландия), Р.Д. Ван Валином (Германия; Голландия) и включала 12 докладов. Со времени выпуска сборника под редакцией Хаймана и Мунро «Переключение референции и универсальная грамматика» прошло уже тридцать лет, но тем не менее данная работа остается основополагающей в этой области исследования. Таким образом, как справедливо отмечают организаторы секции, назрела необходимость систематически пересмотреть основные вопросы, связанные с понятием переключения референции (ПР). В докладах И. де Суза (Франция), Дж. Хэммонда (Голландия) и Ф. Вайссера (Германия) обсуждался вопрос

о том, следует ли описывать ПР как исключительно синтаксическое явление, или же для него не менее важен прагматический аспект. Особое внимание определению функций показателей ПР уделялось в докладах К. Стенцель (Бразилия), Г. Йендрашека (Республика Корея), Х. ван дер Воорта (Бразилия) и Дж. Хэммонда. В рамках тематической секции также обсуждались вопросы о диахроническом развитии показателей ПР и типологии систем ПР.

На тематической секции «Конфликтующие орфографии», организованной Л. Виллой (США) и Р. Востерсом (Бельгия) и включавшей 10 докладов, обсуждались социополитические аспекты орфографии. Нестандартное написание может использоваться этнической группой как способ самоидентификации. В докладах секции рассматривалось то, как происходит выбор официальной орфографии в условиях формирования нации, как связано публичное использование нестандартного написания с определенными социальными запросами, а также некоторые другие вопросы.

Тематическая секция «Историческая лингвистика и идеология», организованная К. Хамансом (Бельгия) и Х.Х. Хоком (США), в которой было прочитано 11 докладов, была продолжением аналогичной секции на предыдущей встрече Европейского лингвистического сообщества в Стокгольме. Сравнительно-историческое языкознание испытывало влияние со стороны идеологии начиная с момента своего возникновения в конце XVIII в. Так, новаторская теория Ш. Дьярмати и Я. Шайновича о родстве финнов и венгров вызвала неприятие со стороны венгерских националистов, которые предпочитали видеть в качестве своих славных родственников скорее гуннов, чем финнов и «лапландцев». Индоевропейское языкознание в определенный момент своего существования ассоциировалось с расистскими «арийскими» идеями. Биологическая модель эволюции языка, созданная Шлейхером и включающая представление о Золотом веке и упадке, также не была свободна от идеологии. Эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, насколько важно для исследователей, работающих в области исторического языкознания, осознавать опасность поддаться влиянию идеологии.

На тематической секции «Инфинитивы на пересечении синтаксиса и семантики: диахроническая перспектива», организованной У. Демске и Л. Енджейовским (Германия), было прочитано 9 докладов. За последние десятилетия изучение инфинитива в конкретных языках с точки зрения типологии значительно продвинулось, вместе с тем описанием диахронического аспекта данного явления уделялось

достаточно мало внимания. На секции рассматривались следующие вопросы: изменение семантики матричного глагола, запрещающее инфинитивное оформление синтаксического актанта или, наоборот, делающее его обязательным; пути возникновения конструкций с подъемом; разница между развитием нефинитных синтаксических актантов и синтаксических адьюнктов; участие инфинитивов в образовании независимых клауз; соотношение инфинитивных синтаксических актантов с другими типами.

А. Барань, Э. Биггс и М. Шизн (Великобритания), организаторы тематической секции «Дифференцированное маркирование субъекта и явление эргативности», в качестве основной задачи постановили создать равновесие между дифференцированным маркированием объекта (ДМО) и дифференцированным маркированием субъекта (ДМС) в степени изученности, последнему из которых уделялось значительно меньше внимания, чем первому. ДМО встречается, как правило, в языках аккузативного строя, ДМС – в языках эргативного строя. Возникает вопрос о том, можно ли считать дифференцированное маркирование и аккузативный / эргативный строй проявлением одного и того же глубинного параметра. Против такого описания свидетельствует материал эргативных языков, в которых отмечено наличие ДМО. Является ли ДМС зеркальным отражением ДМО? Как соотносятся наличие в языке дифференцированного маркирования и доступность валентностных преобразований? М. Чумакина (Великобритания) в докладе «Биабсолютив в арчи» описывала конструкции, в которых и агентивный, и пациентивный участники оформляются абсолютивом. Анализируются семантические, прагматические и синтаксические факторы, определяющие выбор абсолютивной либо эргативной стратегии оформления агентивного участника, а также то, какой из двух участников контролирует глагольное согласование. Б. Биккель, А. Витцлак-Макаревич и Т. Захарко (Швейцария), авторы доклада «Типологические данные против универсальности действия референциальных шкал на падежное маркирование агенса», представляют результаты исследования на материале обширной типологической базы данных, охватывающей все основные языковые ареалы, существующие в мире. Согласно результатам их исследования, референциальная шкала не является фактором, определяющим то, каким образом происходит расщепление при маркировании агентивного участника. Статистически значимым для ДМС оказалась не референциальная шкала, а ареальный фактор: ДМС, по-видимому, возникло

и распространилось в Евразии, а также в Океании и Австралии.

Тематическая секция «Гибкость противопоставления исчисляемого и неисчисляемого: соотношение лексики и грамматики и проблема смены категориальной принадлежности», организованная Т. Вермоте и П. Лауэрсом (Бельгия), включала семь докладов. В них обсуждалась проблема, какое теоретическое осмысление можно дать тому факту, что многие имена могут быть как исчисляемыми, так и неисчисляемыми, предлагались теоретические модели для описания данного явления, рассматривался вопрос о соотношении категорий исчисляемости / неисчисляемости и рода.

Тематическая секция «Параллельные корпусы и лингвистическая теория», организованная Й. ван дер Ауверой (Бельгия), Ф. Гастом и Н. Левшиной (Германия), была ориентирована на обсуждение проблем методологии и использования параллельных корпусов в лингвистических исследованиях. В нескольких докладах анализировался потенциал сопоставления одноязычных корпусов для описания различий и сходства между разными типами идиомов: регистров, идиолектов, региональных вариантов того или иного языка. В рамках секции также рассматривались типы параллельных корпусов (переводы Библии, рабочие протоколы Европейского парламента, статьи в Википедии) и то, какие теоретические вопросы можно исследовать с их помощью.

На тематической секции «Соотношение универсального и специфичного в балканской морфосинтаксической конвергенции», организованной И. Краповой (Италия) и Б.Д. Джоозефом (США) и включавшей 10 докладов, поднимался вопрос о причинах конвергенции различных аспектов синтаксиса балканских языков и ставилась задача развести сближения, вызванные универсальными тенденциями, и схождения, обусловленные ситуацией контакта между языками.

На тематической секции «Императивы и другие директивные стратегии», организованной С. Хайнольд (Германия) и Д. Ван Ольменом (Великобритания), было представлено 10 докладов и обсуждались вопросы о том, какие значения могут выражаться формами императива в разных языках, а также то, как эти формы соотносятся с маркерами опатива, юссива и другими показателями, относящимися к семантической области модальности, ориентированной на говорящего.

Организаторы тематической секции «Усвоение дискурсивных маркеров в романских языках в качестве второго языка», включавшей 11 докладов, М. Боррегеро Сулоага (Испания) и Б. Тёрле (Германия), отмечают, что в цент-

ре внимания исследователей, занимающихся усвоением языка, находятся в первую очередь явления фонологического и морфосинтаксического уровня, а устройство дискурса стало изучаться ими лишь в течение последних нескольких лет. В докладах секции проводилось сравнение дискурсивных маркеров в разных языках, анализировалось использование дискурсивных маркеров в неродном языке, обсуждались методологические проблемы изучения второго языка: создание корпуса, транскрипция, аннотация, квантитативные и качественные подходы к изучению освоения второго языка.

Тематическая секция «Подходы к изучению рефлексивных стратегий» (11 докладов), заявленная А. Волковой и Э. Ройландом (Голландия), была посвящена таким явлениям из области синтаксиса рефлексивных конструкций, которые представляют собой сложные случаи с точки зрения канонической теории связывания Н. Хомского. Э. Кёниг (Германия) представил общую картину состояния исследований в области типологического изучения рефлексива. В докладе К. Моиз-Фори (Франция) рассматривались рефлексивные маркеры вербального и адвербиального происхождения. К. Парк (США) описывал рефлексивные стратегии в фиджийском языке, М. Бао и В. Бизанг (Германия) анализировали анафоры и прономиналы в китайском языке. Кроме того, были представлены доклады, посвященные использованию психолингвистических данных для описания рефлексивных конструкций, а также доклады, в которых анализировалось употребление именных рефлексивных показателей, логофоров, реципроков и посессивных рефлексивов.

Одной из главных задач тематической секции «От взаимодействия к (конструкционной) грамматике», включавшей 10 докладов и организованной К. Фишером (Германия), М. Фрид (Чехия) и К. Никифориду (Греция), было создание такого способа описания грамматики, в котором взаимодействию между говорящими уделяется центральное место. Прагматика всегда была важной частью конструкционного подхода, однако коммуникативный аспект как таковой оставался на втором плане в грамматических описаниях. На секции рассматривались следующие вопросы: описание и анализ диалогических конструкций; выявление границ возможностей конструкционного метода при анализе разговорной речи; конвенциональная просодика и жесты как обязательные компоненты при анализе речевых шаблонов; роль контекста при формировании конструкций и диахроническом развитии в целом; воздействие контекста на значение конструкций.

Организаторы тематической секции «Междисциплинарный подход к языковой норме: культурные, лингвистические и социолингвистические перспективы» А. Баккус и М. Симонич (Голландия) исходили из того, что языковую норму следует рассматривать как такую же часть языковой компетенции носителя языка, как, например, инвентарь гласных и согласных. Внутренняя языковая норма, которая по сути представляет собой конвенциональный аспект в структуре языка, противопоставляется внешней норме, навязываемой органами власти. На секции было прочитано 12 докладов, посвященных проблемам стандартизации, выбора языка, поддержки родного языка, контроля и противостоения сму.

Тематическая секция «Аспект и дискурс в африканских языках» была организована Д. Пейн (США), Л. Мартеном (Великобритания) и Ш. Ширтцем (США) и включала 13 докладов. Во многих языках Африки существуют специальные нарративные конструкции, используемые для обозначения основной цепочки событий в нарративе. Доклады, прозвучавшие на секции, были посвящены описанию употребления грамматических показателей в языках, относящихся к разным языковым семьям: гур, нило-сахарские языки, манде, ква, койсанские языки. С точки зрения организации нарратива между анализируемыми языками можно было выявить много общего. В языках Африки распространены конструкции, состоящие из цепочек клауз, в которых видо-временная информация кодируется лишь в первой клаузе, и за ней следует цепочка клауз с одним и тем же показателем, копирующим видо-временную семантику показателя начальной клаузы. Обсуждалось также использование противопоставления перфекта и претерита или перфектива в нарративе для противопоставления основной и второстепенной сюжетных линий. Во многих языках Африки встречается такой тип полисемии, при котором показатель консеккутива вне контекста нарратива употребляется с модальным или субъюнктивным значением. В докладе Р. Карлсона (США) описывалось употребление показателя субъюнктива в языке супире (сенуфо), который в нарративе может использоваться для обозначения повторяющихся событий.

Тематическая секция «Новые способы анализа переводческого поведения в корпусном исследовании переводов», которая включала восемь докладов, была организована Г. Де Сюттером, И. Деларе и М. Лефер (Бельгия). На секции обсуждались методы анализа и описания переводных текстов, которые позволили бы выявить факторы, мотивирующие выбор тех или иных языковых единиц при создании

переводного текста. В качестве нового подхода к анализу перевода предлагалось использовать сочетание квантитативных статистических методов при корпусном анализе с другими, дополняющими средствами из областей исследования, смежных с изучением переводных текстов, таких как контрастивная, контактная лингвистика и психолингвистика.

Организаторы тематической секции «Контакты в грамматике: конвергенция и дивергенция в языках Кавказа» (10 докладов) Ж. Отье (Франция), О. Беляев (Москва), Р. Матасович (Хорватия) и Дж. Николс (США) в качестве основной задачи предлагали пересмотреть традиционное понимание Кавказа как лингвистического ареала. Необходимость такой переоценки обусловлена стремительным продвижением в изучении малоописанных языков Кавказа за последнее время. Кавказ пересекают многочисленные генеалогические границы, и сопоставительный анализ того, какие черты передаются через данные границы, а какие, напротив, остаются неизменными внутри генеалогических единств, важен для общего представления о стабильности языковых черт или, напротив, к их способности передаваться путем заимствований. Помимо того, какие именно структурные черты чаще всего заимствуются, обсуждался также вопрос о типологическом и социолингвистическом контексте, способствующем этому заимствованию.

Тематическая секция «Контактная лексика: контактно обусловленный структурный изоморфизм в лексиконе», включавшая 11 докладов и организованная М. Копчевской-Тамм (Швеция), Х. Лиегреном (Швеция) и М. Урбаном (Германия), была посвящена рассмотрению изменений в структуре лексикона вследствие длительного контакта между языками. Именно лексические единицы являются наиболее часто заимствуемыми единицами языка, но вместе с тем ареальная типология занимается в первую очередь распространением грамматических, а не лексических явлений. Один из основных вопросов, рассмотренных на данной секции, заключался в том, каким образом происходит заимствование моделей лексических значений в рамках лингвистического ареала.

Тематическая секция «Отрицание: спираль Мейе (цикл Есперсена) и за ее пределами» была организована Ф. Воссеном (Бельгия), Э. Пинедой-Бернуи (Австралия) и Л. ван Алсеной (Бельгия) и включала 9 докладов. Рассматривался вопрос о том, каковы источники поствербальных показателей отрицания и всегда ли они представляют собой результат спирали Мейе. Обсуждалась роль ситуации языкового контакта в запуске спирали Мейе и то, почему языки заимствуют показатели отрицания.

Также говорилось о том, существует ли корреляция между определенным порядком слов и спиралью Мейе, как принято утверждать в литературе, посвященной отрицанию.

На тематической секции «Эвиденциальность и модальность в европейских языках: типологическая перспектива» (9 докладов), организованной Х. Марин-Арресе (Испания) и Б. Вимером (Германия), были представлены предварительные результаты проекта «Выражение эвиденциальности и модальности в английском и других европейских языках», основной целью которого является создание базы данных лексических и грамматических показателей эвиденциальности в выборке европейских языков. В докладах, представленных на секции, рассматривались проблемы выявления критериев для противопоставления модальных и эвиденциальных значений, а также вопросы, связанные с противопоставлением основного значения модальных и эвиденциальных показателей и компонентов, которые возникают в определенных прагматических контекстах.

Тематическая секция «Пространство, время и существование: типологический, когнитивный и философский подход», включавшая 9 докладов, организованная А. Карлье (Франция), Л. Сарда (Франция) и Э. Сигалом (Израиль), была посвящена обсуждению того, как в языках выражается соотношение между пространством, временем и существованием. Эти понятия соответствуют базовым областям человеческого сознания и поэтому являются центральным объектом исследования в различных гуманитарных дисциплинах, и целью организаторов было собрать специалистов из

таких областей исследования, как философия, лингвистика и психолингвистика.

На тематической секции «Типология заимствования адлогов и падежных маркеров» (10 докладов), организованной Э. Гроссманом (Израиль), Дж. Йеммоло (Швейцария), П. Каратсаресом (Великобритания / Кипр) и С. Полисом (Бельгия), рассматривались вопросы, связанные с заимствованием адлогов (предлогов и послелогов) и падежных показателей, которые до этого никогда не были предметом систематического исследования. Принято считать, что как адлоги, так и падежные показатели обладают высокой устойчивостью к заимствованию. В докладах рассматривались вопросы о том, по каким моделям происходят такие заимствования, в каких типах контактных ситуаций они могут происходить, возможно ли в принципе заимствование адлогов или падежных показателей, выражающих ядерные локативные значения или кодирующих грамматические отношения, а также некоторые другие вопросы.

А.В. Выдрина, Н.М. Стойнова

Сведения об авторе:

Александра Валентиновна Выдрина
Институт лингвистических исследований РАН;
LLACAN (CNRS), INALCO
alexandra.vydrina@gmail.com

Наталья Марковна Стойнова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН
ashl@yandex.ru

X Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»

Юбилейная – десятая – международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»¹ состоялась 24–26 сентября 2013 г. во Владимирском государственном университете им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ). Конференция была посвящена 60-летию кафедры русского языка ВлГУ (ранее – ВГПИ/ВГПУ/ВГГУ). В опубликованном сборнике материалов содержится 171 статья лингвистов Белоруссии (Витебск, Гродно, Минск), Болгарии (Варна), Венгрии (Будапешт,

Ньиредьхаза, Печ), Грузии (Тбилиси), Казахстана (Алматы, Уральск), Польши (Варшава), России (Аксай, Архангельск, Белгород, Биробиджан, Великий Новгород, Владивосток, Владимир, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Елец, Иваново, Казань, Калининград, Киров, Ковров, Коломна, Красноярск, Махачкала, Москва, Муром, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новосибирск, Обнинск, Омск, Орел, Оренбург, Орехово-Зуево, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Северодвинск, Соликамск, Смоленск, Ставрополь, Таганрог, Тверь, Томск, Улан-Удэ, Ульяновск, Челябинск, Шуя, Электросталь, Ярославль и др.), Сербии (Белград), Украины (Горловка, Днепрпетровск, Донецк, Запорожье, Киев, Луганск, Луцк, Симферополь, Славянск, Ужгород, Харьков, Херсон, Черкассы), Японии (Киото).

¹ Организация и проведение конференции были поддержаны грантом РФФИ № 13-06-06096Г.

Также говорилось о том, существует ли корреляция между определенным порядком слов и спиралью Мейе, как принято утверждать в литературе, посвященной отрицанию.

На тематической секции «Эвиденциальность и модальность в европейских языках: типологическая перспектива» (9 докладов), организованной Х. Марин-Арресе (Испания) и Б. Вимером (Германия), были представлены предварительные результаты проекта «Выражение эвиденциальности и модальности в английском и других европейских языках», основной целью которого является создание базы данных лексических и грамматических показателей эвиденциальности в выборке европейских языков. В докладах, представленных на секции, рассматривались проблемы выявления критериев для противопоставления модальных и эвиденциальных значений, а также вопросы, связанные с противопоставлением основного значения модальных и эвиденциальных показателей и компонентов, которые возникают в определенных прагматических контекстах.

Тематическая секция «Пространство, время и существование: типологический, когнитивный и философский подход», включавшая 9 докладов, организованная А. Карлье (Франция), Л. Сарда (Франция) и Э. Сигалом (Израиль), была посвящена обсуждению того, как в языках выражается соотношение между пространством, временем и существованием. Эти понятия соответствуют базовым областям человеческого сознания и поэтому являются центральным объектом исследования в различных гуманитарных дисциплинах, и целью организаторов было собрать специалистов из

таких областей исследования, как философия, лингвистика и психолингвистика.

На тематической секции «Типология заимствования адлогов и падежных маркеров» (10 докладов), организованной Э. Гроссманом (Израиль), Дж. Йеммоло (Швейцария), П. Каратсарасом (Великобритания / Кипр) и С. Полисом (Бельгия), рассматривались вопросы, связанные с заимствованием адлогов (предлогов и послелогов) и падежных показателей, которые до этого никогда не были предметом систематического исследования. Принято считать, что как адлоги, так и падежные показатели обладают высокой устойчивостью к заимствованию. В докладах рассматривались вопросы о том, по каким моделям происходят такие заимствования, в каких типах контактных ситуаций они могут происходить, возможно ли в принципе заимствование адлогов или падежных показателей, выражающих ядерные локативные значения или кодирующих грамматические отношения, а также некоторые другие вопросы.

А.В. Выдрина, Н.М. Стойнова

Сведения об авторе:

Александра Валентиновна Выдрина
Институт лингвистических исследований РАН;
LLACAN (CNRS), INALCO
alexandra.vydrina@gmail.com

Наталья Марковна Стойнова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН
ashl@yandex.ru

X Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»

Юбилейная – десятая – международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»¹ состоялась 24–26 сентября 2013 г. во Владимирском государственном университете им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ). Конференция была посвящена 60-летию кафедры русского языка ВлГУ (ранее – ВГПИ/ВГПУ/ВГГУ). В опубликованном сборнике материалов содержится 171 статья лингвистов Белоруссии (Витебск, Гродно, Минск), Болгарии (Варна), Венгрии (Будапешт,

Ньиредьхаза, Печ), Грузии (Тбилиси), Казахстана (Алматы, Уральск), Польши (Варшава), России (Аксай, Архангельск, Белгород, Биробиджан, Великий Новгород, Владивосток, Владимир, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Елец, Иваново, Казань, Калининград, Киров, Ковров, Коломна, Красноярск, Махачкала, Москва, Муром, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новосибирск, Обнинск, Омск, Орел, Оренбург, Орехово-Зуево, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Свердловинск, Соликамск, Смоленск, Ставрополь, Таганрог, Тверь, Томск, Улан-Удэ, Ульяновск, Челябинск, Шуя, Электросталь, Ярославль и др.), Сербии (Белград), Украины (Горловка, Днепропетровск, Донецк, Запорожье, Киев, Луганск, Луцк, Симферополь, Славянск, Ужгород, Харьков, Херсон, Черкассы), Японии (Киото).

¹ Организация и проведение конференции были поддержаны грантом РФФИ № 13-06-06096Г.

На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 70 докладов ученых, принявших очное участие в конференции.

В открывшем пленарное заседание вступительном слове В.И. Фурашова и М.Вас. Пименовой (Владимир) были представлены основные научные труды кафедры, принадлежащие таким известным ученым, как А.М. Иорданский, В.Ф. Киприянов, А.Б. Копелиович, А.Б. Пеньковский, В.И. Фурашов и др.

В докладе П.А. Леканта (Москва) «Рост аналитизма в современном русском языке» был сделан акцент на аналитизме в системе местоимений, переходящем границу морфологии и синтаксиса в моделях с семантикой *известности-неизвестности, обобщительности* и др.

Л. Ясаи (Венгрия) рассмотрел проблему формы слова и тождества лексического значения при выделении видовой пары, указав на сомнительность и тем самым на неудовлетворенность такой трактовки видовой парности (бытующей как в аспектологии, так и в учебной практике), согласно которой на основе тождества лексического значения видовые корреляты объединяются в одно глагольное слово в качестве двух грамматических форм.

В.А. Маслова (Белоруссия) в докладе «Синтагматический аспект поэтического слова» эксплицировала основные механизмы построения переносных смыслов (подтекстов) через сочетаемость лексических единиц.

Е.Ф. Киров (Москва) остановился на гибридных частях речи в русском языке, среди которых, по мнению автора, можно назвать как выделяемые вслед за В.В. Виноградовым причастия и деепричастия, так и числительные (порядковые и собирательные), служебные части речи и др.

В.Ю. Копров (Воронеж) проанализировал релятивно-номинативный аспект разноуровневых синтаксических единиц: от информативно-минимального простого предложения-высказывания до сложного синтаксического целого.

Выступление Е.А. Красиной (Москва) было посвящено анализу речевой ситуации как особого коммуникативного акта, в основе которого – *автокоммуникация*, обуславливающая специфические характеристики участников акта общения, адресанта и адресата.

В.В. Леденёва (Москва) представила сочетаемость имен прилагательных в тексте рекламных объявлений православного дискурса и показала влияние экстралингвистических причин на обновление лексико-семантических валентностей данных языковых единиц.

Г.Т. Поленова (Таганрог) в докладе «Отрицание как диахроническое отражение дуализма картины мира (на материале енисейских

языков)» рассмотрела зарождение и эволюцию категории отрицания.

Л.А. Чернова (Коломна) на материале рассказа А.П. Чехова «Невеста» выявила особенности реализации типового синтаксического концепта 'БЫТИЕ ПРИЗНАКА ОБЪЕКТА' с авторизованными глаголами, представив структурную схему «протагонист – знак бытия – признак».

Т.С. Мони́на (Электросталь) проанализировала функционирование предложений со вставными конструкциями в репродуктивном стиле речи, указав на синкретическое соединение действительной, перцептивной, характеризующей и аксиологической функций.

На секции «Экспериментальные методы изучения грамматики» были исследованы закономерности и тенденции развития грамматических явлений различного типа и вида (на материале агульского, английского, венгерского, лезгинского, немецкого, русского, табасаранского, украинского и др. языков).

Л.М. Устюгова (Украина) рассмотрела структурные особенности деепричастий в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». А.Б. Копелиович (Владимир) проанализировал взаимодействие именной категории лица и грамматического рода, сделав вывод о том, что семантика пола не играла никакой роли в происхождении согласовательных отношений в индоевропейском языке. Е.В. Мари́нова (Нижний Новгород) рассмотрела деривационные процессы в электронной форме речи, в результате которых за счет новых иноязычных слов и языковой периферии (некодифицированной сферы общения) восполняются словообразовательные лакуны современного русского литературного языка. Т.В. Романова (Нижний Новгород) в докладе «Языковая объективация концепта 'ПРОСТРАНСТВО' в русском языке: синтагматический аспект» представила динамику процесса концептуализации и особенности категоризации пространства в русском языковом сознании. В.А. Федосов (Владимир) акцентировал внимание на процессе освоения языка (как родного, так и иностранного) от простейшего высказывания к лексике, грамматике и фонетике. И. Палоши (Венгрия) выступила с докладом об анализе актантной структуры глаголов со значением дистрибутивности действия, представив зависимость данной структуры от семы дистрибутивности. А.В. Петров (Украина) остановился на языковых средствах выражения семантической категории подобия – синтаксических, словообразовательных, лексических и фразеологических. И.Д. Михайлова (Москва) в докладе

«Синтагматическая вариативность радикалоидов русского происхождения и особенности образованных вокруг них комплексных единиц словообразования» выявила варианты связанных корней-радикалоидов в производных словах. С.В. Рябушкина (Ульяновск) проанализировала нарушения норм склонения сложных и составных числительных, демонстрирующие тенденции развития данной части речи. В докладе А.Б. Чернышева (Рыбинск) «Когнитивная модель как метод синтагматического и парадигматического анализа морфемы» были представлены особенности функционирования в русском языке морфемы *при*. О.Д. Плышевская и Г.И. Столбунова (Владимир) указали на сложности изучения приложения в средней школе.

На секции «Когнитивный подход к изучению синтаксиса» в рамках современных методик были изучены основные синтаксические категории и единицы: свободные и связанные словосочетания, простые, сложные и осложненные предложения, члены предложения, детерминанты, субъективная модальность, проявления семантического синкретизма и т. д.

В.И. Фуратов (Владимир) в докладе «Нерешенные вопросы парадигматики членов предложения» представил парадигматическую концепцию членов предложения, основанную на идее инварианта и варьирования семантики членов предложения и системы средств ее выражения, – с учетом многоаспектности предложения, различения типичных и синкретичных реализаций словоформ как членов предложения, явлений разрешимого и неразрешимого синтаксического синкретизма, сильных и слабых синтаксических позиций словоформ, понятий частичной и полной нейтрализации оппозиций.

А.В. Канафьева (Москва) эксплицировала модели прономинальных и партикулярных риторических высказываний с оценочной семантикой, представленной как рационально-логическая и эмотивная в комплексе присущих ей оттенков значений. Л.А. Сергиевская и Л.А. Мелехова (Рязань) рассмотрели мотивированный императив с обоснованием причины, необходимости или желательности выполнения действия, указав на особую систему средств синтаксической организации данных некатегоричных побуждений. С.В. Коростова (Ростов-на-Дону) представила семантический синкретизм вопросительных конструкций в эмотивном дискурсе. М.А. Лаппо (Новосибирск) остановилась на вариантности синтаксических конструкций со значением принадлежности говорящего субъекта к группе/категории лиц. Е.В. Колосько (Санкт-

Петербург) выявила полисемию устойчивых синтаксических конструкций современной диалогической речи. Доклад Н.Б. Самсонова (Москва) был посвящен проблеме морфологического и синтаксического оформления грамматической семантики 3-го лица в русском языке. Л.А. Мелехова (Рязань) представила анализ коннотативных смыслов и средств их выражения в побудительных высказываниях. М.С. Искренкова (Владимир) проанализировала деепричастные обороты со сравнительными союзами-частицами, тесно связанными с категорией модальности и выражающими сомнение в достоверности чего-либо, условность, мнимость, иллюзорность чего-либо кажущегося, предположение, догадку о возможности, вероятность какого-либо события и др. Е.Н. Варюшенкова (Владимир) рассмотрела семантические и грамматические факторы квалификации присубстантивного инфинитива в предложении. Н.А. Сафронова (Владимир) исследовала темпоральные значения деепричастий совершенного вида. М.А. Иванова (Владимир) рассмотрела дискуссионный вопрос о факультативности / обязательности присутствия субъективной модальности в высказывании. М.С. Малахова (Владимир) на примере сочетаний «существительное + существительное в род. пад. с предлогом» продемонстрировала возможности приема трансформаций при разграничении явлений синкретизма в отношениях между компонентами.

На секции «Комплексные исследования языка, речи и текста» был представлен синергетический подход к лингвистическому анализу, интегрирующий филологию с комплексом связанных с человеком наук.

Н.В. Юдина (Владимир) представила основные изменения в сфере синтагматических возможностей прилагательных, относящихся к тематической группе лексики финансово-денежного обращения, выделив морфологические особенности их функционирования, а также возможности метафорического употребления данных лексем. М.Вл. Пименова (Кемерово) показала особенность в русской языковой картине мира оппозиции «мужское-женское» с преобладанием женского начала, опровергающего известный стереотип «слабый пол». Т.В. Левина и Е.А. Маркова (Владимир) представили наиболее частотные сложные слова английского языка с точки зрения их этимологии, в соответствии с которой выделили четыре группы по гибридности и однородности их компонентов. О.В. Гадышева (Волгоград) познакомила слушателей с выражением оценочного значения в наименованиях типов студентов с точки зрения парадигматики

и синтагматики. Е.П. Кольхалова (Рязань) в парадигматическом и синтагматическом аспектах рассмотрела лексико-семантическую категорию паронимии. С.В. Сысоева (Рязань) указала на роль синтагматики и парадигматики в определении объема фразеологии. Л.А. Усманова (Казань) в докладе «Синтагматика речи в свете идей Казанской лингвистической школы» эксплицировала идеи, зародившиеся в трудах И.А. Бодуэна де Куртэнэ, обсуждавшего их в переписке с Ф. де Соссюром, которому они ныне традиционно приписываются. Т.Г. Фомина (Казань) указала на фактор оценки в структурировании системы фонем русского языка. Е.Н. Широкова (Нижний Новгород) рассмотрела синкретизм темпоральной семантики глаголов *медлить* и *мешкать*. О.И. Смирнова (Владимир) представила особенности функционирования фразеологизма *кровь с молоком* в современном русском языке. А.А. Соков (Владимир) на примере никонимов (псевдонимов, применяемых пользователями Интернета) выявил своеобразие предметно-понятийных связей имени собственного в виртуальном дискурсе.

На секции «Анализ дискурса в антропоцентрической парадигме» данный феномен рассматривался как «речь, погруженная в жизнь», – сложное коммуникативное явление, сложная система иерархии знаний, включающая, кроме текста, экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата и др.).

С.Ю. Камышева (Москва) рассмотрела различные аспекты речевого воздействия в одной из разновидностей политического дискурса – *парламентском дискурсе* (на примере языкового материала конца XX – начала XXI в.). А.А. Козакова (Ростов-на-Дону) выявила механизмы развития переносных значений у существительного *печаль* в поэтических текстах М. Цветаевой 1917–1921 гг. Л.В. Кривошлыкова (Москва) на материале свободного косвенного дискурса мемуаров В. Набокова «Другие берега» / «Conclusive Evidence» проанализировала местоимения и эгоцентрические слова в этом типе дискурса. Т.А. Алиев (Владимир) представил семантическое переосмысление слова в языке современных средств массовой информации. А.А. Негрышев (Владимир) обосновал понятие референциального фокуса как способа соотнесения медиатекста с событиями действительности, предложив выделить три базовых типа референциального фокуса – *концентрированный*, *диффузный* и *смещенный*, причем выявленная типология рассматривается им как в соотношении с жанровой структурой медиадискурса, так и в контексте проблемы интерпретативности текстов

СМИ. Е.Ю. Муратова и С.В. Николасенко (Белоруссия) рассмотрели нестандартные синтагматические связи прилагательного с существительным как источник образности поэтического текста. Э.Г. Новикова (Томск) на материале малой прозы Т. Толстой квалифицировала *семантический синкретизм* как художественный (лингвопоэтический) прием. Е.В. Новокрещенных (Тюмень) представила репрезентацию концепта 'ГРЕХ' в художественном тексте, сопоставив «Воскресение» Л.Н. Толстого и «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Т. Гарди. У.А. Рысева (Киров) рассказала о механизмах языковой игры в текстах объявлений о знакомстве.

На секции «Языковая картина мира в диахронии и лингвистическая география» была рассмотрена исторически сложившаяся в обыденном сознании того или иного языкового коллектива и отраженная в языке (болгарском, греческом, польском, русском, украинском, чешском, японском) совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия устройства мира и концептуализации действительности.

Д.Г. Демидов (Санкт-Петербург) проанализировал славяно-русские памятники письменности с точки зрения их понятийной системы, отраженной (или требующей отражения) в исторической идеографии. Е.Н. Бекасова (Оренбург) представила парадигматические отношения как фактор эволюции морфологической системы русского языка, подчеркнув, что анализ разных групп генетически соотносительных рефлексов в системе восточнославянского и русского языков показывает специфику их «реакции» как на синтагматику, так и на парадигматику, в результате чего при почти одинаковом «стартовом» статусе имеются разные результаты в современной системе русского языка. Доклад Г.В. Зимовец (Украина) был посвящен вопросам семантики эргонимов современного украинского языка, в частности выявлению типичных мотиваторов данного класса проприативов, а также анализу распространенных моделей их образования. В докладе В.Н. Калиновской и О.А. Старовойтовой (Санкт-Петербург) «Презентация лексической сочетаемости в "Словаре русского языка XIX века"» был отмечен новаторский характер данного лексикографического труда, авторами которого выработаны критерии не только для презентации различных видов сочетаемости в пределах словарной статьи, но и для самого отбора языкового материала. Т.С. Сергеева (Нижний Новгород) на материале летописей XIII–XV вв. представила семантику форм возвратного местоимения, функционирующих в качестве возвратной частицы, причем вы-

явленные автором значения были соотнесены с современными типами глаголов средневозвратного залога, что позволило выявить этапы формирования возвратных глаголов в истории русского языка. В выступлении И.А. Меркуловой (Воронеж) на материале практически всех славянских языков была осуществлена стратификация славянской лексики по синтагматическому параметру, в результате чего были определены ее количественные характеристики. А.В. Михайлов (Красноярск) в докладе «Парадигматика именованний царя в аспекте отношений “царь – народ”» на материале Степенной книги и текстов повестей Смутного времени рассмотрел именованния представителей высшей земной власти в древнерусской традиции, подчеркнув, что они формируют пространство взаимодействия именуемых («народ»), самоименуемого («самозванец») и именуемого («царь»). Т.В. Михайлова (Красноярск) в докладе «Категория оценочности и семантика каузальности в русских текстах потестарной тематики XVI – начала XVII в.: творительный причины» проанализировала один из способов выражения оценочных смыслов в публицистических текстах Древней Руси. К.И. Коваленко (Санкт-Петербург) эксплицировала особенности развития древнерусского и церковнославянского языков на материале сопоставления текста «Азбуковника» 1596 г. с текстом Четвероевангелия. Н.В. Пилипенко (Владимир) на материале «Повести временных лет» представила описание как способ организации древнерусского текста. В.В. Волков (Владимир) остановился на эргонимическом пространстве города Коврова, акцентировав внимание на прагматическом аспекте анализа. Заключительное пленарное заседание открылось докладом З.К. Сабитовой (Казахстан), посвященным отрицательным бытийным предложениям в системных синтаксических взаимосвязях, которые данные предложения обнаруживают в процессе речевой реализации и которые по-разному отражают одну и ту же ситуацию действительности.

Е.Н. Ремчукова (Москва) в выступлении «Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности» проанализировала механизмы креативности современной речи в аспекте взаимодействия синтагматики и парадигматики.

А.М. Григораш (Украина) представила эволюцию выражения оценочного значения фразеологизмов мифологического происхождения на материале русскоязычной прессы Украины, отметив, что включение анализируемых единиц в различные газетные контексты

лишает их высокой, «книжной» стилистической окраски и тем самым включает в систему не только положительных, но и отрицательных коннотаций.

Ф.И. Карташкова и И.В. Куражова (Иваново) на основе анализа переносных значений имен животных показали приоритетные ценностные ориентиры человека русской и английской лингвокультур – качества, которые порицаются / одобряются в данных социумах.

Е.М. Маркова (Словакия) остановилась на синтагматической асимметрии колоративов в славянских (русском и чешском) языках, которые, имея в большинстве случаев одинаковое основное значение, отличаются своими синтагматическими возможностями, что, как подчеркнул автор, обусловлено культурной спецификой восприятия цвета той или иной нацией.

М.Вас. Пименова (Владимир) посвятила свой доклад древнейшей концептуальной форме русской ментальности – *ментализации*, предопределяющей особенности древнерусской языковой картины мира.

При подведении итогов работы участники конференции отметили, что прозвучавшие доклады и опубликованные материалы способствовали выявлению, систематизации и решению актуальных научных проблем, связанных с развитием / изменением языковых категорий и единиц и отражением в данных процессах исторически сложившейся совокупности представлений / знаний человека о мире. В целом была выражена благодарность оргкомитету за высокий уровень подготовки и проведения X Международной научной конференции, а также рекомендовано в 2015 г. провести очередную – одиннадцатую – конференцию «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект».

А.Б. Копелиович, М.В. Пименова,
В.И. Фурашов

Сведения об авторах:

Август Борисович Копелиович
abkop@yandex.ru

Марина Васильевна Пименова
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

Владимир Иванович Фурашов
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

**Международная конференция «Язык и дискурс в прошлом и настоящем славистики»
(«Langue et discours dans le passé et dans le présent de la slavistique»). Лозанна, 2013**

Международная конференция «Язык и дискурс в прошлом и настоящем славистики» состоялась 27 сентября 2013 г. в Лозаннском университете (Швейцария). В ней приняли участие лингвисты и историки языкознания из России и Швейцарии. Организованная по-французски, конференция предполагала сравнительное исследование концептов *язык* и *дискурс*, а также анализ ряда недоразумений, связанных с интерпретацией этих понятий в разных сферах славистики – как в прошлом, так и в настоящем этой дисциплины.

Конференцию открыло выступление С. Ромашко (Москва), посвященное эволюции моделей *языка* и *дискурса* в истории лингвистических идей в целом. Главная трудность для историков языкознания, напомнил исследователь, состоит в разном не только семантическом, но и идеологическом наполнении понятия *язык* в разных лингвистических «традициях», чему уже были посвящены многочисленные исследования. Кроме того, как показал на конкретных примерах С. Ромашко, отношения между понятиями *язык* и *дискурс* в современных лингвистических текстах все еще нельзя считать однозначно определенными. Е. Алексеева (Швейцария) рассказала о некоторых особенностях современного русского философского и теологического дискурса, основываясь при этом на работах русских лингвистов, посвященных анализу дискурса и опубликованных в конце XX – начале XXI века. Интересной частью доклада стало сопоставление современного философского дискурса с некоторыми характерными чертами трудов русских философов начала XX столетия (А. Лосев, С. Булгаков, П. Флоренский и др.).

Следующие доклады позволили участникам конференции проследить за изменениями понятий *язык* и *дискурс* не только во временных, но и в пространственных координатах. Вторая часть конференции началась с выступления П. Сернио (Швейцария), указавшего на разное функционирование понятий *язык* и *дискурс* в Восточной и в Западной Европе, причем главные расхождения, по мнению докладчика, связаны с различными точками зрения о месте семантики в языке. В отдельной части доклада исследователь проиллюстрировал положения теоретического характера примерами разного семантического наполнения понятий *язык* и *дискурс* в работах современных русских и французских языковедов. Эта же тема была продолжена и в докладе организатора кон-

ференции Е. Вельмезовой (Швейцария), рассказавшей о ряде проблем перевода работ, посвященных анализу политического дискурса, с французского языка на русский. Одна из основных трудностей, по мнению исследовательницы, состоит сегодня в адекватном переводе французских понятий, соответствующих в современном русском научном дискурсе концептам *язык*, *дискурс* и *речь*.

Два следующих сообщения были представлены швейцарскими исследователями из Цюрихского университета. Речь в них шла не только о лингвистической, но и о социологической составляющей понятий *язык* и *дискурс*, что усилило междисциплинарный аспект конференции. Даниэль Вайс рассказал о современном политическом дискурсе, основываясь на своих наблюдениях над парламентскими дебатами в разных славянских странах, в том числе в России, Польше и Чехии. Значительная часть его доклада была посвящена трудностям определения понятия *дискурс* – а в отдельных случаях и невозможности дать такое определение (что связано, в частности, с тем, что, записанные в устной форме, парламентские дебаты иногда проходят через несколько письменных версий, прежде чем получить окончательное, «официальное» оформление). Другая цюрихская исследовательница, Е. Мажара, выступила с докладом об анализе дискурса в политических ток-шоу в современной России. Выделив несколько специфических характеристик этого жанра в целом, докладчица проанализировала в деталях дискурсивные особенности ток-шоу «Поединок». В частности, в докладе было показано, как именно и в какой пропорции к чисто лингвистическим (языковым) компонентам содержания этого ток-шоу добавляются такие составляющие, как юмор, ирония, агрессия и т.д.

Широкий спектр тем, представленных на конференции, а также многочисленные вопросы и длительные дискуссии, которыми сопровождалось каждое выступление, свидетельствовали о несомненном интересе к центральной тематике этой научной встречи. Доклады участников конференции планируется опубликовать.

А. Дедич

Сведения об авторе:

Анита Дедич
Лозаннский университет
anita.dedic@unil.ch

Международная конференция, посвященная имплицитным и эксплицитным стратегиям в политическом дискурсе стран Восточной Европы

19–20 октября 2013 г. в Цюрихском университете (Швейцария) состоялась международная конференция «*Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse*» («*A in't misbehavin'? Имплицитные и эксплицитные стратегии в политическом дискурсе стран Восточной Европы*»). Конференция была организована профессором славистики Цюрихского университета Д. Вайсом в рамках возглавляемого им научного проекта по изучению имплицитных стратегий в современном политическом дискурсе в России, Польше и Чехии. Двумя другими организаторами конференции стали участники проекта Екатерина Мажара (Цюрихский университет) и Бартоломеус Новак (Цюрихский университет / Университет Тюбингена).

Как было объявлено организаторами в тексте презентации конференции, в настоящее время, когда прошло почти четверть века после распада социалистического лагеря в Восточной Европе, настала пора проанализировать политический дискурс в бывших соцстранах в его новых формах, в сравнительной и прагматической перспективах. По мнению швейцарских ученых, сегодня перед исследователями, интересующимися политическим дискурсом, стоят следующие вопросы: в какой степени отличаются одна от другой наиболее очевидные коммуникативные стратегии в политическом дискурсе разных стран? Обусловлены ли эти различия досоциалистическими культурными традициями соответствующих государств или же /и их разными политическими системами? Насколько очевидно будут отличаться современные политические дискурсы в Восточной и в Западной Европе – или же процесс глобализации в значительной степени способствует нейтрализации различий между политическими дискурсами в разных странах, причем даже в государствах, имеющих общее социалистическое прошлое?

В цюрихской конференции выступили с докладами на английском и русском языках и приняли участие в дискуссиях исследователи из Швейцарии, России, Белоруссии, Германии, Норвегии, Шотландии, Польши, Чехии и США. При этом тематика конференции оказалась шире изначально заявленной: некоторые докладчики анализировали политический дискурс не только в Восточной, но и в Центральной и в Западной Европе. Однако большая часть докладов была посвящена политическо-

му дискурсу в современной России. Так, уже в открывшем конференцию докладе Р. Андерсона (США) речь шла о политическом дискурсе сегодняшней Госдумы, а вызвавший большой интерес всех участников конференции доклад Д. Вайса был посвящен типам и функциям интертекстуальных референций в выступлениях депутатов Госдумы. В докладе О. Иссерс (Омск) речь шла о стремлении к политическому диалогу в свете становления гражданского общества современной России, в то время как И. Лунде (Норвегия) посвятила свое сообщение «поэтике Твиттера», а именно дигитализации текстов, в той или иной степени связанных с политическим движением оппозиции в России. Исследовательница из Шотландии Л. Рязанова сделала доклад о дискурсах, имеющих отношение к криминализации общества в современной России. При этом во всех этих докладах затрагивался не только русский материал, но и в той или иной степени данные других языковых и дискурсивных традиций – однако в наиболее эксплицитной форме сравнительный аспект преобладал в сообщении исследовательницы из Германии М. Сивенковой, посвященном интертекстуальным референциям в политических интервью и блогах политиков в России, Германии и Великобритании. Тематика этого сообщения пересекалась с основной темой доклада Д. Вайса; на материале же дебатов в чешском парламенте о цитировании и других интертекстуальных референциях, а также об их функциях рассказала М. Беррокал (Германия). Как можно видеть, похожая проблематика могла быть представлена в докладах, построенных на разном языковом материале, и именно сравнительный аспект, отраженный не только в ряде сообщений, но и в сопровождавших доклады дискуссиях, составлял одну из наиболее сильных и интересных сторон цюрихской конференции. «Чешской тематике» посвятила доклад и Е. Мажара, рассказавшая о стратегиях авторепрезентации в чешских политических шоу во время президентской предвыборной кампании в Чехии в 2012–2013 гг. Три доклада были построены на польском материале: А. Майковска (Польша) рассказывала о «структуре и прагматике парламентских дебатов» в Польше, Б. Новак выступил с сообщением об использовании и функциях риторических вопросов в современном Польском сейме, а немецкая исследовательница Н. Тилеманн рассказала о концептуальной специфике польского политического дискурса. Н. Журавлева (Белоруссия) проанализировала с лингвистической

точки зрения современных белорусский политический дискурс.

Цюрихская конференция вызвала большой интерес швейцарских славистов, приехавших на нее из других городов и принявших участие в дискуссиях, продолжавшихся и вне университетских стен, после заседаний. Тексты докладов, прозвучавших на конференции, плани-

руется опубликовать в отдельном сборнике на английском языке.

Е. Вельмезова

Сведения об авторе:

Екатерина Вельмезова
Лозаннский университет

X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей

С 21 по 23 ноября 2013 г. в Санкт-Петербурге прошла юбилейная X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, организованная Институтом лингвистических исследований РАН.

Впервые подобная конференция состоялась в 2004 г., когда Институт лингвистических исследований РАН совместно с Петербургским лингвистическим обществом решили организовать конференцию для молодых типологов. Своей целью организаторы видели сохранение и развитие традиций Ленинградской / Петербургской типологической школы, которое, по их мнению, невозможно без обмена научными идеями с российскими и зарубежными коллегами. Конференция, предполагающая дискуссии между начинающими исследователями и уже сложившимися лингвистами, была призвана сохранить преемственность поколений.

С тех пор традиция проведения ежегодных конференций по типологии и грамматике в Институте лингвистических исследований ни разу не нарушалась, и неослабевающий интерес участников и слушателей свидетельствует о том, что организаторам из года в год удается поддерживать высокий уровень лекций и докладов. В этом году конференция отметила свой юбилей: она стала десятой по счету. В связи с этим было принято решение внести некоторые изменения в привычную схему заседаний и впервые провести тематическую секцию. Ее было решено посвятить грамматикализации: в последние 30 лет исследования в этой области получили широкое распространение в лингвистике, оформившись в отдельную теорию, и, несмотря на большое количество теоретической литературы, конкретные процессы и пути грамматикализации до сих пор остаются не до конца изученными; особый интерес представляет и исследование грамматикализационных явлений в свете ареального влияния. Кроме того, с проявлениями грамматикализации на разных уровнях сталкивается почти каждый исследователь, какой бы конкретной грамматической темой он ни занимался, а это значит, что данная проблематика близка и интересна многим.

В то же время организаторы ни в коей мере не ограничивали участников в выборе темы доклада, а потому выступления, как всегда, были очень разнообразны. На конференции были представлены различные направления лингвистических исследований, от синхронных описаний типологически редких явлений в конкретных языках до диахронических исследований. По сложившейся традиции, сразу несколько докладов были посвящены проблемам лингвистической типологии. Большинство докладов было основано на собственных полевых материалах авторов; широко представлены были и корпусные исследования. О разнообразии интересов участников свидетельствует и спектр языков, представленных на конференции, от русского до австронезийского атаял или лоома из юго-западной группы манде; многие выступления представляли собой результаты типологического анализа данных языков различной генетической и ареальной принадлежности.

Программа конференции включала 11 пленарных заседаний, в том числе 3 заседания тематической секции. Всего в конференции приняли участие 38 молодых ученых – студентов, аспирантов и научных сотрудников из различных научно-исследовательских институтов и вузов России и Европы: ИЯз РАН, ИРЯ РАН, ИСл РАН, ИСАА МГУ, ИЛИ РАН, НИУ ВШЭ, МГУ, РГГУ, СПбГУ, LLACAN CNRS (Париж) и Хельсинкского университета, – а также сотрудники компании ABBYY. Помимо докладов молодых исследователей, на конференции прозвучала и пленарная лекция. Ее в рамках одного из заседаний секции «Грамматикализация» прочитал Т.А. Майсак (Москва).

Торжественное открытие конференции состоялось 21 ноября. На последовавшем за ним утреннем заседании выступили три докладчика. А.А. Горлова (Санкт-Петербург) рассказала о некоторых особенностях гортативных конструкций в русском языке. По ее словам, гортативное значение в русском языке может выражаться при помощи семи конструкций. Проанализировав материалы Национального корпуса русского языка, А.А. Горлова об-

точки зрения современный белорусский политический дискурс.

Цюрихская конференция вызвала большой интерес швейцарских славистов, приехавших на нее из других городов и принявших участие в дискуссиях, продолжавшихся и вне университетских стен, после заседаний. Тексты докладов, прозвучавших на конференции, плани-

руется опубликовать в отдельном сборнике на английском языке.

Е. Вельмезова

Сведения об авторе:

Екатерина Вельмезова
Лозаннский университет

X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей

С 21 по 23 ноября 2013 г. в Санкт-Петербурге прошла юбилейная X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, организованная Институтом лингвистических исследований РАН.

Впервые подобная конференция состоялась в 2004 г., когда Институт лингвистических исследований РАН совместно с Петербургским лингвистическим обществом решили организовать конференцию для молодых типологов. Своей целью организаторы видели сохранение и развитие традиций Ленинградской / Петербургской типологической школы, которое, по их мнению, невозможно без обмена научными идеями с российскими и зарубежными коллегами. Конференция, предполагающая дискуссии между начинающими исследователями и уже сложившимися лингвистами, была призвана сохранить преемственность поколений.

С тех пор традиция проведения ежегодных конференций по типологии и грамматике в Институте лингвистических исследований ни разу не нарушалась, и неослабевающий интерес участников и слушателей свидетельствует о том, что организаторам из года в год удается поддерживать высокий уровень лекций и докладов. В этом году конференция отметила свой юбилей: она стала десятой по счету. В связи с этим было принято решение внести некоторые изменения в привычную схему заседаний и впервые провести тематическую секцию. Ее было решено посвятить грамматикализации: в последние 30 лет исследования в этой области получили широкое распространение в лингвистике, оформившись в отдельную теорию, и, несмотря на большое количество теоретической литературы, конкретные процессы и пути грамматикализации до сих пор остаются не до конца изученными; особый интерес представляет и исследование грамматикализационных явлений в свете ареального влияния. Кроме того, с проявлениями грамматикализации на разных уровнях сталкивается почти каждый исследователь, какой бы конкретной грамматической темой он ни занимался, а это значит, что данная проблематика близка и интересна многим.

В то же время организаторы ни в коей мере не ограничивали участников в выборе темы доклада, а потому выступления, как всегда, были очень разнообразны. На конференции были представлены различные направления лингвистических исследований, от синхронных описаний типологически редких явлений в конкретных языках до диахронических исследований. По сложившейся традиции, сразу несколько докладов были посвящены проблемам лингвистической типологии. Большинство докладов было основано на собственных полевых материалах авторов; широко представлены были и корпусные исследования. О разнообразии интересов участников свидетельствует и спектр языков, представленных на конференции, от русского до австронезийского атаял или лоома из юго-западной группы манде; многие выступления представляли собой результаты типологического анализа данных языков различной генетической и ареальной принадлежности.

Программа конференции включала 11 пленарных заседаний, в том числе 3 заседания тематической секции. Всего в конференции приняли участие 38 молодых ученых – студентов, аспирантов и научных сотрудников из различных научно-исследовательских институтов и вузов России и Европы: ИЯз РАН, ИРЯ РАН, ИСл РАН, ИСАА МГУ, ИЛИ РАН, НИУ ВШЭ, МГУ, РГГУ, СПбГУ, LLACAN CNRS (Париж) и Хельсинкского университета, – а также сотрудники компании АВВУУ. Помимо докладов молодых исследователей, на конференции прозвучала и пленарная лекция. Ее в рамках одного из заседаний секции «Грамматикализация» прочитал Т.А. Майсак (Москва).

Торжественное открытие конференции состоялось 21 ноября. На последовавшем за ним утреннем заседании выступили три докладчика. А.А. Горлова (Санкт-Петербург) рассказала о некоторых особенностях гортативных конструкций в русском языке. По ее словам, гортативное значение в русском языке может выражаться при помощи семи конструкций. Проанализировав материалы Национального корпуса русского языка, А.А. Горлова об-

наружила, что категория вида дает жесткие ограничения на образование гортативных конструкций: большинство из них могут образовываться только от лексем какого-то одного вида, а две конструкции, допускающие образование от лексем обоих видов, имеют ограничения на семантический тип употребленного в них глагола. Опросы носителей показали, что с точки зрения семантики гортативные конструкции различаются тем, что некоторые из них, например, формы типа *пойдём*, используются как при единственном адресате, так и при множестве адресатов, в то время как другие употребляются либо только при единственном адресате, как *давай петь*, либо только при множестве адресатов, как *давайте петь*. Наконец, гортативные конструкции различаются в зависимости от возможности или невозможности введения местоименного подлежащего.

Доклад Т.А. Архангельского (Москва) был посвящен описанию дистрибутивных свойств энклитик в бесермянском диалекте удмуртского языка: их места в клаузе и взаимного расположения. Выяснилось, что из 9 рассматриваемых автором энклитик только 2 тяготеют ко второй, ваккернагелевской, позиции, остальные употребляются при предикате. Поскольку в удмуртском языке одно опорное слово может иметь до 4 энклитик, порядок их расположения определяется строгими правилами. Интересно, что составить линейную схему расположения энклитик при этом оказывается невозможно: на материале корпуса текстов Т.А. Архангельскому удалось зафиксировать как минимум два случая, когда отношение «находиться левее» для пар энклитик оказывается нетранзитивным.

Тему энклитик в бесермянском диалекте удмуртского языка продолжил доклад Ю.Н. Зубовой (Москва). Она рассказала о семантике и синтаксических свойствах двух частиц, *ik* и *uk*, значения которых часто оказываются очень близки. Проанализировав частеречную принадлежность опорных слов для исследуемых частиц на материале корпусных данных, Ю.Н. Зубова установила, что *ik* чаще всего присоединяется к наречиям, а *uk* – к глаголам. Для того, чтобы определить, в чем заключаются семантические различия между двумя частицами, она предложила информантам подставить одну из них на место пропуска в предложениях из специально разработанной для этих целей анкеты. Оказалось, что частица *ik* вносит значение неизменяемости элементов ситуации, а частица *uk* выделяет элемент контрастной пары. По мнению Ю.Н. Зубовой, это позволяет объяснить и частеречное распределение опорных слов: новая информация обычно вводится предикатом, что отражается в преимущест-

венном присоединении *uk* к предикату, тогда как *ik*, напротив, маркирует именную лексему, выражающую неизменяющийся компонент ситуации.

Дневное заседание открыло выступление В.А. Генераловой (Санкт-Петербург), посвященное распределению конструкций с сенсациональными актантами в башкирском языке в зависимости от семантики матричных предикатов. В.А. Генералова попыталась выявить семантические компоненты, влияющие на само наличие свободы выбора между несколькими конструкциями с сенсациональными актантами при одном и том же предикате. Выяснилось, что с наименьшим количеством стратегий сочетаются фазовые глаголы и модальный предикат *teješ* 'должен', а с наибольшим – эмотивные глаголы. Интересно, что глагол *kür-* 'видеть', который может употребляться как в прямом перцептивном значении, так и в переносном когнитивном значении 'понимать', способен, в зависимости от значения, сочетаться со стратегиями, в целом присущими каждому из этих классов глаголов. Таким образом, по мнению В.А. Генераловой, релевантной оказывается не отнесенность глагола к тому или иному классу, а компоненты значения, характерные для каждого из классов и их соотношение в семантике каждого отдельного глагола.

О конструкциях с сенсациональными актантами в другом – мокшанском – языке рассказала А.Д. Кожемякина (Москва). В том случае, если зависимая клауза не имеет морфосинтаксических свойств независимого предложения, для оформления сенсационального актанта в мокшанском языке употребляются инфинитивы и номинализации, восходящие к протоуральскому имени действия на *-m*. Для того, чтобы отнести такие формы к конкретному грамматическому разряду, А.Д. Кожемякина проверила, какими глагольными и именными свойствами они характеризуются. Выяснилось, что три формы – на *-ms*, *-mә* и *-mdә* – тяготеют к инфинитивам, а форма на *-mә* с показателем генитива определенного склонения или с possessивными показателями – к именам действия. При этом оказалось, что в целом номинализации ведут себя аналогично именным группам (ИГ), а единственное различие заключается в субъектно-объектном согласовании с сочиненными зависимыми предикатами: для существительных в позиции прямого дополнения обязательно согласование по множественному числу, а в сенсациональных актантах допускается согласование как по единственному, так и по множественному числу.

Употреблению двух латышских глаголов в значении *acquisitive modals* был посвящен доклад А.Д. Даугавет (Санкт-Петербург).

Под *acquisitive modals* подразумевается способ выражения модальных значений возможности и необходимости, восходящий к глаголам со значением 'получать'. В латышском языке имеется два таких глагола: *dabūt* 'получать' и *tikt* 'оказываться (перемещаясь в пространстве)'. По словам А.Д. Даугавет, эти глаголы обладают двумя интересными особенностями: во-первых, в ряде значений они выступают как переходный и непереходный эквиваленты. Во-вторых, употребление глаголов *dabūt* и *tikt* в значении возможности или необходимости уже, чем употребление *acquisitive modals* в других языках, например, в шведском или эстонском. Как правило, латышские глаголы выражают изменение объективных обстоятельств, благоприятное или неблагоприятное для субъекта, которое обязательно приводит к совершению им действия, выраженного инфинитивом.

Предметом исследования Л.В. Клименченко (Москва), открывшей вечернее заседание, стали глагольные формы с показателями *-wə*, *-wəre* и *-rjə* в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка. Эти глаголы используются в придаточных с временным значением. Как показала Л.В. Клименченко, основное различие форм на *-wə* и *-wəre* заключается в том, что первая выражает непродолжительное событие, а потому употребляется в таксисных конструкциях, обозначающих дистантное и контактное предшествование, а вторая указывает на длительность ситуации и потому используется в таксисных конструкциях, выражающих прерываемое предшествование или полную одновременность. Форма на *-rjə* выражает предшествование; такие формы часто используются в нарративах, образуя цепочечные конструкции. При этом они обозначают одномоментное событие, а продолженная ситуация в нарративе будет выражена формой на *-wəre*.

Выступление М.Б. Ермолаевой (Москва) было посвящено подлежащему в конструкциях с разносубъектным деепричастием на *-p* в киргизском языке и в мишарском диалекте татарского языка. По ее данным, в мишарском диалекте татарского языка в целом предложения, в которых субъект деепричастия некорреспондент подлежащему финитной клаузы, неграмматичны. Однако существует ряд условий, при которых подобные предложения становятся приемлемыми. Для некоторых носителей таким условием является семантическая связь между субъектами деепричастной и финитной клауз, например, отношение «часть – целое», для других – связь самих ситуаций, описываемых деепричастной и финитной клаузами, например, причинно-следственные отношения. В отличие от мишарского диалекта татарского языка, в киргизском языке разносубъектное

употребление деепричастия на *-p* допускается всегда, но здесь существует другая проблема: среди конструкций, в которых имеется только каузальная связь между ситуациями, встречаются как подчинительные, так и сочинительные конструкции. При отсутствии любой связи между клаузами, кроме временной, между клаузами устанавливаются сочинительные отношения. В случае же наличия либо только связи между субъектами, либо связи обоих типов, конструкция проявляет подчинительные свойства. Таким образом, заключает М.Б. Ермолаева, одно и то же семантическое ограничение в мишарском диалекте татарского языка является условием грамматичности разносубъектных конструкций с деепричастием на *-p*, а в киргизском языке становится условием подчинения.

А.П. Выдрин (Санкт-Петербург) представил в своем докладе результаты типологического исследования способов выражения субъектного имперсонала в иранских языках. Как показал А.П. Выдрин, в иранских языках значение имперсонала может выражаться при помощи глагольных форм 2 л. ед. ч., 3 л. ед. ч. или 3 л. мн. ч. активного залога или при помощи пассивной конструкции с опущенным агентивным дополнением. Единственным иранским языком, имеющим глагольную категорию имперсонала, является современный осетинский (восточноиранский). В нем имперсонал образуется с помощью специализированного суффикса *-æ*, который присоединяется к причастию прошедшего времени, и вспомогательного глагола *uæwɨn* 'быть' в форме 3 л. ед. ч., который может изменяться по всем временам и наклонениям. По данным А.П. Выдриной, подразумеваемым субъектом имперсонала могут быть только одушевленные сущности, а эксплицитное его выражение недопустимо.

Проблеме выражения имперсонального значения было посвящено и следующее выступление – доклад Н.М. Стойновой (Москва) об имперсональных конструкциях в нанайском языке. По ее словам, суффикс, который во всех тунгусо-маньчжурских языках выражает каузативное и пассивное значение, в нанайском языке выполняет функции, далеко отстоящие от прототипических функций показателя залога / актантажной деривации. Конструкции с глаголами в прошедшем времени, оформленными этим суффиксом, можно рассматривать как субъектно-имперсональные. Конструкции с формами настоящего времени, помимо имперсональной семантики, приобретают еще и модальное (разные типы значений необходимости или возможности) или хабитуальное / генерическое значение. Изредка фиксируемые случаи употребления с выраженным подлежащим

и частотное преобладание форм настоящего времени над формами прошедшего времени свидетельствуют о том, что именно модальная функция становится основной для этого глагольного показателя, а функция маркера актантного преобразования постепенно утрачивается. Как показала в докладе Н.М. Стойнова, само развитие у показателя актантных преобразований хабитуальных и модальных значений типологически ожидаемо, однако наблюдающееся расщепление между формами настоящего и прошедшего времени ставит вопрос о закономерности такой асимметрии. Асимметрия форм настоящего и прошедшего времени объясняется в докладе тем, что устранение первого участника ситуации, не завершённой к моменту речи, с гораздо большей вероятностью, нежели в случае с завершённой ситуацией, предопределяет осмысление ситуации как нерелевантной.

Последнее в этот день заседание открыло выступление П.А. Ковалёва (Москва), рассказавшего о некоторых особенностях соотношения внутренней структуры и семантики прилагательных в татарском. Непроизводные прилагательные в этом языке всегда располагаются в ближайшей к вершине позиции, тогда как для производных прилагательных в составе ИГ имеются две позиции. Как показал в своём докладе П.А. Ковалёв, распределение производных прилагательных между ними определяется размером составляющей, которая входит в адъективную деривацию. Помимо этого, было показано, что производные прилагательные отличаются от производных аналогов по параметру открытости/закрытости шкалы снизу. У производных прилагательных шкала всегда закрыта, на ней нет отрицательных значений, у производных прилагательных – наоборот.

Два заключительных доклада в этот день представляли исследования в области лексической типологии. Совместный доклад А.А. Козлова, А.В. Кухто и М.Ю. Привизенцевой (Москва) был посвящён поиску ответа на вопрос: существует ли в реальности семантическое поле и не является ли оно только описательным лингвистическим конструктом? Исследователи обратились к семантическому полю размера, в пределах которого обычно выделяются два подполя: так называемые *latus*-прилагательные типа русского *длинный* и *altus*-прилагательные типа русского *широкий*. Принято считать, что ни одно прилагательное не может выражать значения из обеих зон. Однако авторы доклада обнаружили, что ирландское слово *tanai* 'тонкий, мелкий' используется и для обозначения толщины льда, и для обозначения глубины снега. По мнению исследователей, это говорит о том, что в язы-

ках мира возможны две стратегии: в большинстве языков для концептуализации размера релевантен тип взаимодействия с экспериенцем, в ирландском же важнее форма объекта. На этом основании авторы доклада пришли к выводу, что с типологической точки зрения два поля пересекаются, но набор конкретных значений, составляющих поле, может варьировать от языка к языку. Таким образом, утверждают они, семантические поля неуниверсальны, но универсальны принципы восприятия, которые их организуют.

Систему прилагательных 'старый', 'новый', 'молодой' в трех языках: мокшанском, коми-зырянском и ненецком – рассмотрели Е.В. Кашкин и С.О. Никифорова (Москва). В своём исследовании они использовали анкету, разработанную Е.В. Рахилиной и А.В. Марушкиной. Эта анкета основана на выделении 8 базовых классов ситуаций, в которых может употребляться прилагательное 'старый'. Материалы уральских языков, с одной стороны, подтверждают правомерность выделения самих классов ситуаций, а с другой, свидетельствуют о необходимости более дробного их членения. Кроме того, оказалось, что категоризация семантических зон 'старого' и 'молодого, нового' устроена асимметрично: в зоне 'молодого, нового' системно закрепляются за одной лексемой те классы ситуаций, которые описываются разными лексемами в зоне 'старого'.

Второй день конференции открылся докладом К.А. Шагал (Финляндия) о типологических разновидностях причастий и способе их выделения. Известно, что понятие причастия часто оказывается слишком широким для практического применения, и даже при узком понимании, которого обычно придерживаются авторы типологических работ, под определение причастия попадают формы, проявляющие совершенно различные морфологические и синтаксические свойства. В исследовании была поставлена задача выяснить, существуют ли внутри традиционно выделяемой «причастной зоны» кластеры причастий со сходным набором значений морфологических и синтаксических параметров или же значения этих параметров комбинируются случайным образом. На материале языковой выборки из 30 языков, принадлежащих к 27 языковым семьям, К.А. Шагал выявила в общей сложности 54 причастных формы. Анализ показал, что причастия действительно группируются в несколько кластеров, каждый из которых характеризуется общностью морфологических и синтаксических признаков.

Выступление М.Ю. Привизенцевой (Москва) было посвящено двум особенностям

относительных предложений в темниковском диалекте мокшанского языка: нестандартному падежному кодированию относительного местоимения и явлению *attractio inversa*. Было показано, что из 12 падежей, имеющих в мокшанском языке, относительное местоимение может принимать формы лишь трех: номинатива, генитива и датива. В результате актант зависимой предикации, выраженный относительным местоимением, может иметь особое оформление, отличающееся от оформления актантов в главной предикации. Особенность *attractio inversa*, т.е. приписывания падежа внешней вершине относительного предложения в соответствии с требованием зависимой, а не главной клаузы, в мокшанском языке заключается в том, что относительные предложения, в которых наблюдается это явление, не являются внутривершинными, несмотря на приписывание падежа вершине из зависимой клаузы, а значит, представляют отдельный, интересный и редкий с типологической точки зрения тип относительной конструкции.

Об изменении функций определенного артикля в составе наречных сочетаний в восточном идише рассказала Т.А. П а н о в а (Москва). В этом языке существует продуктивная модель образования наречий из субстантивированного прилагательного в форме дательного падежа с предлогом *in*. Поскольку субстантивированные прилагательные в идише относятся к женскому роду, определенный артикль женского рода в форме дательного падежа единственного числа *der* начинает восприниматься как показатель наречного сочетания, а потому становятся возможны конструкции, в которых он употребляется с существительными мужского рода. Интересно, что в литовском диалекте восточного идиша, где нет дательного падежа, наречные сочетания также образуются с артиклем *der*, что говорит о высокой степени его грамматикализации.

Материал идиша послужил основой и для следующего доклада, открывшего дневное заседание. Его представила Е.С. Лучина (Москва), которая обратилась к анализу двух разновидностей так называемой «длительной» аспектуальной конструкции с глаголом *haltn*. Первая из них выражает значение прогрессива / итератива, а вторая, с частицей *eul*, – значение континуатива. Судя по данным Корпуса языка идиш, прогрессивно-итеративная конструкция употребляется только в форме прошедшего или настоящего времени и ее употребление фактически свелось к таксисной роли. В отличие от нее, континуативная конструкция может употребляться во всех временных формах, сохраняя свое исходное значение.

О выражении аспектуальных значений рассуждали в своем совместном докладе и

А.А. Козлов, Н.А. Муравьев и С.О. Никифорова (Москва). Они представили результаты исследования семантики и морфосинтаксиса деривации с суффиксом *-z'əv-* в мокшанском языке. Проанализировав соотношение аспектуальной семантики суффикса и акциональных свойств глагольных лексем, они обнаружили тесную связь между аспектуальными преобразованиями и модификацией аргументной структуры в семантике этого суффикса. Оказалось, что производные глаголы могут выражать значение инхоатива, пунктива или, реже, комплетива, либо модифицировать аргументную структуру глагола, выражая семантику декаузатива.

В последнем перед перерывом докладе И.М. Горбунова (Москва) рассказала о языке без времени. Она отталкивалась от того наблюдения, что существующие грамматические описания языка атаял (атайлическая ветвь австронезийской семьи) постулируют как минимум наличие в этом языке оппозиции «будущее / небудущее». Однако полевые исследования И.М. Горбуновой показали, что любую временную референцию в этом языке может выражать форма, не маркированная специальными показателями и, напротив, все показатели, обычно трактуемые как показатели времени, на самом деле имеют аспектуальную, аспектуально-модальную или чисто модальную семантику.

Во время вечернего заседания состоялось первое заседание тематической секции «Грамматикализация». Открыла его пленарная лекция Т.А. Майсака (Москва) «Типологическое, ареальное и внутривидовое в грамматикализации (на материале лезгинских языков)». В ней лектор рассказал о некоторых типичных и, наоборот, уникальных путях грамматикализации, обнаруживаемых в лезгинских языках.

Вслед за лекцией прозвучали выступления двух докладчиков. Д.Ф. Мищенко (Санкт-Петербург / Франция) рассказала о грамматикализации числительного 'один' в языке лоома. Было показано, что исконная основа **tā-* в современном лоома утратила свое нумеративное значение, однако дала жизнь нескольким грамматическим и лексическим единицам. Примечательно, что среди путей грамматикализации числительного 'один' в лоома встречаются как типологически ожидаемые, вроде неопределенного детерминатива, так и необычные, типа показателя, выражающего ряд значений из рефактивной зоны. В докладе Д.Ф. Мищенко попыталась объяснить развитие наиболее неожиданной – репетитивной ('сделать еще раз') – семантики этого показателя через значение аддитива ('сделать еще немного').

С.А. Оскольская (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад грамматикализации глагола *bi-* 'быть' в нанайском языке. На материале корпуса текстов она выделила три типа аналитических конструкций с этим глаголом в зависимости от их морфологических свойств. По мнению С.А. Оскольской, употребление глагола *bi-* в конструкциях этих типов позволяет постулировать как минимум три стадии его грамматикализации: на первой стадии *bi-* является смысловым глаголом с полноценным набором грамматических форм, на второй стадии он превращается во вспомогательный глагол, выражающий лишь грамматическую информацию, и, наконец, на третьей стадии утрачивает даже часть грамматической информации, становясь неизменяемой служебной единицей – показателем конструкции.

Завершило этот день второе заседание тематической секции конференции. Д.В. Герасимов (Санкт-Петербург) рассказал о диахронической эволюции русского выражения *до ужаса*, постепенно превратившегося в интенсификатор – модификатор единиц с признаковой семантикой, выражающий значение высокой степени. Корпусные данные показывают, что первичными употреблениями *до ужаса* являются буквальное употребление, описывающие эмоциональное состояние участника ситуации, затем развиваются субъективные прочтения, а после этого происходит грамматикализация в интенсификатор. При этом на протяжении XX в. растет доля сочетаний *до ужаса* с прилагательными и наречиями, а употребления конструкции все больше распространяются на слова с положительной семантикой. Д.В. Герасимов предположил, что развитие выражения *до ужаса* в показатель высокой степени мотивировано, во-первых, семантикой самого существительного *ужас*, а во-вторых, значением предлога *до*, в своем исходном пространственном значении маркирующего конечный пункт движения и, следовательно, высокую точку на шкале.

Совместный доклад Е.С. Лучиной и Л.О. Наний (Москва) был посвящен результатам типологического исследования путей грамматикализации признаков лексем со значением 'прямой'. На основании данных 15 языков авторы установили, что семантическое изменение происходит по следующей схеме: сначала наречие 'прямо' обозначает характеристику движения, затем точность направления, потом оценку локализации и, наконец, приобретает дискурсивные употребления, т. е. превращается в контрастивную фокусную или модальную оценочную частицу.

Последний доклад второго дня конференции представлял материал языка кумаони

(северная подгруппа индоарийских языков). Е.А. Ренковская (Москва) рассказала об отглагольных послелогах в этом языке. Все они заменяют или, реже, дублируют другие послелоги, ранее употреблявшиеся в такой функции. Как показала в докладе Е.А. Ренковская, типологически нетривиальной является грамматикализация глагольных форм в предлоги / послелоги, маркирующие актанты, а также грамматикализация глаголов с семантикой 'писать' и 'видеть'. На описании послелога, образованного от этого последнего глагола, Е.А. Ренковская остановилась особенно подробно, поскольку он подвергся грамматикализации совсем недавно и ранее не был описан.

Третий день конференции открыло короткое утреннее заседание, состоявшее из двух докладов. Д.А. Рыжова, М.В. Кюсева и П.М. Аркадьев (Москва) обратились к исследованию семантического взаимодействия граммы инструменталиса с лексической основой, к которой он присоединяется, в бесленевском диалекте кабардино-черкесского языка. Они предположили, что распределение значений инструменталиса по лексемам обусловлено семантическим классом имени: разные лексические классы «притягиваются» к одним значениям и «отталкиваются» от других. Результаты исследования показали, что в именной лексике можно выделить ядерные классы, типичные для инструментального падежа, и периферийные. К первым относятся слова, которые прочно ассоциируются с одной или несколькими функциями падежа, например функцией инструмента или средства. Ко вторым относятся слова, в форме инструменталиса выражающие широкий спектр значений, как правило, более общих, чем значения у лексем из первого класса.

А. Е. Аксёнова (Москва) рассказала о морфосинтаксических различиях в дистрибуции изафетных конструкций в карачаево-балкарском языке. Было показано, что в этом языке три типа изафетных конструкций по-разному используются носителями разных поколений. А.Е. Аксёнова предположила, что в системе молодых носителей карачаево-балкарского языка изафетный маркер был реинтерпретирован как показатель определенного посессора, что привело к фактической утрате второй изафетной конструкции, в которой посессор выражался неопределенной ИГ. После этого значения, которые выражала вторая изафетная конструкция, стали передаваться при помощи первой изафетной конструкции. При этом, как отмечает А.Е. Аксёнова, предпосылки для такого перераспределения функций обнаруживаются уже в исходной системе, где дистрибуция

первой и второй изафетных конструкций имеет существенную область пересечения.

Дневное заседание конференции, ставшее последним на тематической секции «Грамматикализация», открыло выступление А.П. Евстигнеевой (Москва). Ее исследование было посвящено дифференцированному маркированию объекта в черекском диалекте карачаево-балкарского языка. А.П. Евстигнеева предложила анализировать языковые данные с опорой на понятие падежного фильтра. По ее мнению, неспособность оформленного прямого дополнения в карачаево-балкарском языке сочиняться с неоформленным, подтверждает предположение о том, что они представляют собой ИГ разных структурных типов. ИГ с показателем аккузатива следует считать группой определителя (Determiner Phrase, или DP), а ИГ без показателя аккузатива – группой числа (Number Phrase, или NumP), о чем говорит отсутствие нейтрализации числовой оппозиции. При этом падежный фильтр применяется к структурам обоих типов, но только DP маркируется аккузативом морфологически.

Ю. Конума (Санкт-Петербург) обратилась к развитию японских результативных конструкций по направлению к перфекту. В зависимости от отношений между аргументной структурой глагола и актантной структурой конструкции, в которой он выступает, и от семантической роли субъекта результирующего состояния, Ю. Конума выделяет восемь типов результативных конструкций. В тех из них, в которых тем или иным формальным способом выражен агент, обозначаемая ситуация представляется как результирующее состояние под его контролем. Было показано, что в таких конструкциях агент остается уже не в том качестве, в котором он был представлен в предшествующем процессе: из всего комплекса агентивности остается лишь контролируемость. Именно такую стадию Ю. Конума считает первым этапом эволюции результатива по направлению к перфекту.

Заключительное вечернее заседание конференции открыл доклад Н.М. Заики (Санкт-Петербург), посвященный вариативности падежных форм при глаголах движения в баскском языке, а именно наблюдаемой в диалектах Французской Страны Басков вариативности показателей аллатива *-ral/-rat*, а также вариативности аллативного и инессивного показателя, характерной для целого ряда языков, в том числе для баскского. Проанализировав произведения 51 писателя Французской Страны Басков и Испанской Наварры, Н.М. Заика обнаружила ряд интересных фактов. К примеру, оказалось, что вариативность показателей характерна не для всей Французской Страны Басков и в

различных областях нейтрализуется в пользу одного из показателей. С точки зрения диахронии на протяжении письменного периода развития языка увеличивается доля показателя *-rat*. Кроме того, Н.М. Заика удалось выявить идиолектные различия, а также обнаружить семантически обусловленные тенденции, связанные с выбором того или иного варианта.

А.Ч. Пиперски (Москва) рассказал о новых результатах исследования факторов устойчивости сильных глаголов в немецком языке. По его мнению, важную роль играет структура парадигмы: чем больше глагол формально отмечен как сильный, т. е. чем больше у него форм, однозначно идентифицируемых как сильные, тем выше вероятность того, что он сохранит сильное спряжение. Количественный анализ показывает, что доля древневверхнемецких глаголов с чередованием гласных в формах 2 и 3 лица настоящего времени, перешедших в слабое спряжение, составляет 2 %, тогда как среди глаголов без чередования она возрастает до 9,1 %. По мнению А.Ч. Пиперски, действие этого фактора объясняется механизмами усвоения языка детьми: чем сильнее формы глагола маркированы как принадлежащие к непродуктивному словоизменительному классу, тем выше вероятность сохранения у них этой непродуктивной модели словоизменения.

Значению неумышленности действия в русском языке был посвящен доклад М.А. Коршак (Москва). Выбрав несколько пар глаголов, относящихся к четырем разным классам: классу глаголов разрушения, речи, движения и чувственного восприятия – а также четыре наречия со значением неумышленности, она попыталась определить, с какими типами глаголов эти наречия сочетаются чаще всего, и понять, зависит ли частота их сочетаемости от признака переходности / непереходности глаголов. Анализ корпусных данных позволил обнаружить ряд закономерностей. Так, например, оказалось, что глаголы разрушения и чувственного восприятия чаще сочетаются с наречиями непредумышленности в переходных эквивалентах, а глаголы движения чаще встречаются в комбинациях с этими наречиями в непереходных вариантах.

С завершающим докладом на конференции выступил И.А. Стенин (Москва). Его выступление было посвящено таким случаям употребления каузативного показателя в северо-самодийских языках, когда он не является средством выражения повышающей деривации. Во-первых, каузатив может получать аппликативную интерпретацию. По словам И.А. Стенина, возможность интерпретации каузативного деривата одновременно как каузатива и как аппликатива ограничена, а ап-

пликативную интерпретацию чаще всего приобретают каузативы, образованные от глаголов порождения звука. Вторую группу некаузативных употреблений каузатива составляют такие случаи, при которых каузатив определенным образом модифицирует ролевую характеристику первого участника, а именно трактует его как более агентивного. Наконец, каузатив может служить для образования конверсивных пар типа 'купить' vs. 'продать'.

Итоги конференции подвел директор Института лингвистических исследований РАН акад. Н.Н. Каза нский. В своей речи он выразил надежду на то, что конференция для молодых исследователей и впредь будет привлекать в Петербург участников и слушателей со всей страны и из-за рубежа, а высокая планка качества выступлений останется на уже заданном уровне.

Тезисы всех докладов опубликованы на сайте Института лингвистических исследований (http://iling.spb.ru/confs/youngconf2013_abstracts.pdf). Кроме того, всем участникам нынешней и прошлогодней конференции организаторы предложили подготовить статьи по материалам своих выступлений. Сборник статей выйдет в «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований».

Д.Ф. Мищенко

Сведения об авторе:

Дарья Федоровна Мищенко
Институт лингвистических исследований РАН,
LLACAN CNRS. Париж
zenitchiki@yandex.ru